

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего
образования «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

Уральский гуманитарный институт

Кафедра фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения

На правах рукописи

Цуй Янь

**Интегративное семантическое поле ДОБРОТА ↔ ЗЛОБА
в лексико-семантическом пространстве китайского и русского языков**

10.02.19 – Теория языка

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:

Засл. деятель науки Российской Федерации

доктор филологических наук, профессор

Л. Г. Бабенко

Екатеринбург – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Теоретические основы исследования	18
1.1. Лексическая семантика в семасиологическом рассмотрении	18
1.1.1. Семная семасиология.....	18
1.1.2. Значение слова и типы семантических компонентов	22
1.1.3. Структура значения и методы описания семантики слова.....	32
1.2. Полевой подход к системе языка. Семантическое поле в лексике.....	41
1.3. Антонимическая оппозиция как объект лингвистического	
исследования.....	47
Выводы по первой главе	54
Глава 2. Грамматическая и семантическая категоризация лексики доброты в	
китайском и русском языках	57
2.1. Статистическое описание лексики доброты в китайском и русском	
языках	57
2.2. Существительные, репрезентирующие доброту.....	59
2.2.1. Существительные, репрезентирующие доброту, в китайском языке	59
2.2.2. Существительные, репрезентирующие доброту, в русском языке	69
2.3. Прилагательные, репрезентирующие доброту	76
2.3.1. Прилагательные, репрезентирующие доброту, в китайском языке	76
2.3.2. Прилагательные, репрезентирующие доброту, в русском языке	81
2.4. Глаголы, репрезентирующие доброту	84
2.4.1. Глаголы, репрезентирующие доброту, в китайском языке	84
2.4.2. Глаголы, репрезентирующие доброту, в русском языке	97
Выводы по второй главе.....	102
Глава 3. Грамматическая и семантическая категоризация лексики злобы в	
китайском и русском языках	106
3.1. Статистическое описание лексики злобы в китайском и русском	
языках	106
3.2. Существительные, репрезентирующие злобу	107
3.2.1. Существительные, репрезентирующие злобу, в китайском языке	107
3.2.2. Существительные, репрезентирующие злобу, в русском языке	118
3.3. Прилагательные, репрезентирующие злобу.....	125
3.3.1. Прилагательные, репрезентирующие злобу, в китайском языке	125
3.3.2. Прилагательные, репрезентирующие злобу, в русском языке	129
3.4. Глаголы, репрезентирующие злобу	132
3.4.1. Глаголы, репрезентирующие злобу, в китайском языке	132
3.4.2. Глаголы, репрезентирующие злобу, в русском языке	143

Выводы по третьей главе	149
Глава 4. Структура интегративного семантического поля ДОБРОТА ↔ ЗЛОБА	154
4.1. Структура интегративного семантического поля ДОБРОТА ↔ ЗЛОБА в китайском языке.....	154
4.1.1. Интегративно-оппозитивный класс существительных ДОБРОТА ↔ ЗЛОБА	154
4.1.2. Интегративно-оппозитивный класс прилагательных ДОБРЫЙ ↔ ЗЛОБНЫЙ	164
4.1.3. Интегративно-оппозитивный класс глаголов ДОБРЕТЬ ↔ ЗЛЕТЬ	168
4.2. Структура интегративного семантического поля ДОБРОТА ↔ ЗЛОБА в русском языке.....	174
4.2.1. Интегративно-оппозитивный класс существительных ДОБРОТА ↔ ЗЛОБА	174
4.2.2. Интегративно-оппозитивный класс прилагательных ДОБРЫЙ ↔ ЗЛОБНЫЙ	178
4.2.3. Интегративно-оппозитивный класс глаголов ДОБРЕТЬ ↔ ЗЛЕТЬ	181
Выводы по четвертой главе	184
Заключение.....	190
Список сокращений и терминов	196
Список использованной литературы	197
Список использованных словарей и справочников.....	212
Приложение 1 Список китайских лексических единиц, репрезентирующих доброту и злобу.....	215
Приложение 2 Список русских лексических единиц, репрезентирующих доброту и злобу.....	231

Данная работа посвящена структурно-семантическому исследованию интегративного семантического поля ДОБРОТА ↔ ЗЛОБА в лексико-семантическом пространстве китайского и русского языков. Ее проблематика исследуется в контексте Уральской семантической школы, в частности, она выполнена в русле активно разрабатываемого в данной школе структурно-семантического и системно-семасиологического подходов к интерпретации значений лексических единиц.

Отображение мира действительности в лексико-семантической системе языка носит ярко выраженную национальную специфическую окраску. Проблемы, связанные с изучением механизма отображения мира действительности и закрепления результатов его познания в формах языковой картины мира, являются актуальными и дискуссионными в современной лингвистике до сих пор, хотя в различные годы актуализируются различные аспекты их изучения. В последнее время особую значимость приобрело изучение национальных языковых картин мира, их соотносительности между собой, а также углубленное исследование отдельных фрагментов в структуре национальных языковых картин мира. Доброта и злоба входят в парадигму ключевых и универсальных эмотивных представлений, отображающих и характеризующих внутренний мир человека в разных языках. Сопоставление их репрезентации в разных языках помогает выявить параметры различий и сходств доброты и злобы на уровне «коллективного разума», так как лексические значения слов выражают коллективные знания о типах объектов действительности и формируют семантическую систему языка в зависимости от национальных особенностей восприятия и отражения.

Интегративное семантическое поле ДОБРОТА ↔ ЗЛОБА формируется в двух сопоставляемых языках на основе антонимической оппозиции. Изучение репрезентации отношений противоположности в структуре этого семантического поля в разных языках и в структуре семем, входящих в данное поле, способствует выявлению основных тенденций и специфики категоризации противоположности

в эмотивной лексике разных языков.

Актуальность исследования определяется в первую очередь важностью для современной лингвистики изучения структуры интегративных семантических полей, формируемых на основе общей антонимической оппозиции в разных языках. Актуальность работы обусловлена потребностью лингвистического обоснования наличия интегративного семантического поля ДОБРОТА ↔ ЗЛОБА как компонента национальных языковых картин мира, необходимостью обобщения, систематизации и уточнения состава разных по объему и наполнению лексико-семантических групп эмотивного семантического поля; описания антонимических отношений между лексико-семантическими группами в составе семантического поля и семантическими компонентами в семантике слов.

Бурное развитие в последнее время когнитивных и лингвокультурологических исследований, направленных на изучение языковой концептуализации и категоризации эмоций в национальных картинах мира, обуславливает также потребность в разработке подходов к описанию репрезентации доброты и злобы в разных языках с целью обнаружения общих и различных этнокультурных представлений о них.

Степень разработанности проблемы. Семантическое поле как категория лингвистики стало предметом активной научной разработки во второй трети XX века. В центре внимания ученых находились вопросы, связанные с определением статуса семантического поля, его семантической и структурной организации, природы составляющих его единиц, границ семантического поля и семантических связей различных семантических полей (А.Ю. Антомонов, А.В. Бондарко, Л.М. Васильев, Л. Вейсгербер, У. Вейнрейх, Г. Ипсен, Н.Г. Долгих, А.И. Кузнецова, В.И. Кодухов, М.М. Копыленко, Э.В. Кузнецова, Ю.Н. Караулов, В.А. Москович, Г. Мейер, Г. Мюллер, Л.А. Новиков, В. Порциг, З.Д. Попова, Н.Ф. Пелевина, Й. Трир, А.А. Уфимцева, Ф.П. Филин, Д.Н. Шмелев, Г.С. Щур и др.). К настоящему времени сделано достаточно много как в сфере теоретической разработки лексикографического представления системной организации лексики в составе различных семантических полей, так и в сфере практического воплощения этих

представлений в виде различных словарей: семантических, понятийных, идеографических, словарей-тезаурусов (Л.Г. Бабенко, О.С. Баранов, Ю.Н. Караулов, В.В. Морковкин, Н.Ю. Шведова). Современное состояние учения о семантическом поле отличается высоким уровнем разработанности исследуемых проблем. Успехи, достигнутые в процессе его развития, привели к расширению теоретического пространства семантического поля и благоприятствовали более глубокому пониманию специфики его функционирования в структуре национальных языковых картин мира. Сформировались различные направления исследований: структурно-семантическое, понятийно-концептуальное, когнитивно-дискурсивное, функционально-стилистическое, лингвокультурологическое и др.

Для изучения структуры семантического поля особую значимость имеет разработка вопросов, связанных со структурой значений составляющих семантическое поле единиц (Л.М. Васильев, Л. Ельмслев, М.В. Никитин, Н.И. Толстой, О.Н. Трубачев, Д.Н. Шмелев и др.), а также семной структуры слова и методики ее описания (Ю.Д. Апресян, Л.Г. Бабенко, Л.М. Васильев, В.Г. Гак, А.Ж. Греймас, В.А. Звегинцев, Дж. Катц, Ю.Н. Караулов, А.М. Кузнецов, Э.В. Кузнецова, Ю.А. Найда, З.Д. Попова, И.А. Стернин, М.Д. Степанова, А.А. Уфимцева, Д.Н. Шмелев и др.).

Общечеловеческие представления о добре и зле также рассматриваются в свете различных научных подходов: системно-парадигматического [Эпштейн 2007], культурологического [Кармин 2009], когнитивного [Апресян 1995с], когнитивно-семиотического [Турбина 2019], дискурсивного [Гагарина 2007] и других [см. Тоан 2008; Маленкова 2004; Батуева 2008]. Категории добра и зла являются сложными когнитивными конструктами, включающими компоненты, относящиеся к разным частным категориям: эмоциональным, аксиологическим, этическим. При этом доброта и злоба как базовые эмотивные категории практически не разрабатывались в рамках семантического поля в сопоставительном и семасиологическом аспекте.

Предмет исследования – структура интегративного семантического поля

7

ДОБРОТА ↔ ЗЛОБА в китайском и русском языках, рассматриваемая в полипарадигмальном измерении как совокупность составляющих его лексических парадигм разного типа (семантико-грамматических, лексико-семантических) и ранга: мегапарадигм, макропарадигм и микропарадигм.

Объектом исследования является интегративное лексико-семантическое поле ДОБРОТА ↔ ЗЛОБА в китайском и русском языках, лексические группы слов, являющиеся компонентами этого поля, а также семантика слов, репрезентирующих доброту и злобу в китайском и русском языках и представленная в виде семных структур слов, состоящих из сем – минимальных компонентов значений слов и объединяемых в семантические комплексы, свойственные определенным лексико-семантическим группам слов в разных языках.

Цель диссертационной работы заключается в рассмотрении структуры интегративного семантического поля ДОБРОТА ↔ ЗЛОБА в китайском и русском языках и состава его лексических парадигм разного типа и ранга.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1. Провести сплошную выборку лексических единиц, репрезентирующих доброту и злобу, из идеографических и традиционных толковых словарей русского и китайского языков и других лексикографических источников.

2. Изучить научную литературу, связанную с проблематикой диссертации, рассмотреть ключевые для ее разработки вопросы: сущность системно-структурного и структурно-семасиологического подхода, теория семантического поля и других лексических множеств, принцип полипарадигмальности в изучении лексики одного поля, особенности системно-семасиологического изучения лексического значения, понятие семантического комплекса, репрезентация национально-специфических особенностей в семантике слова.

3. Разработать модель сопоставительного описания лексики доброты и злобы в китайском и русском языках и на ее основе проанализировать выявленный материал с учетом принципа полипарадигмальности: в

категориально-грамматическом, лексико-семантическом, семантико-семасиологическом и национально-культурологическом аспектах.

4. Осуществить парадигматическое описание лексики в семантико-грамматическом аспекте: установить частеречную принадлежность анализируемых лексических единиц, распределить лексику по категориально-грамматическим классам.

5. Осуществить парадигматическое описание лексики в структурно-семантическом аспекте: классифицировать лексику по лексико-семантическим группам.

6. Выявить регулярные модели семных структур анализируемой лексики в составе групп, описать семантические комплексы каждой из выявленных групп, обнаружить национально-специфические семантические компоненты в составе семантических комплексов каждой группы.

7. Провести статистическое описание материала, сделать количественные подсчеты лексики во всех выявленных парадигматических группировках, выявить количественную соотносительность групп и количественные приоритеты в отображении доброты и злобы в китайском и русском языках.

8. Обнаружить сходство и специфические различия в структурной организации исследуемого интегративного поля ДОБРОТА ↔ ЗЛОБА в двух разных языках.

Материал исследования составляет корпус лексических единиц, объемом более 450 лексем, в том числе свыше 250 китайских и около 200 русских лексем, в структуре лексических значений которых имеются семантические компоненты 'доброта', 'злоба' или тесно связанные с ними наиболее типичные для языкового сознания носителей китайской и русской лингвокультур компоненты. Материал отбирался методом сплошной выборки из толковых и идеографических словарей китайского и русского языков. В их числе: Большой словарь современного китайского языка (龚学胜 Гун Сюешэн 2015); Словарь современного китайского языка (林仲湘 Линь Чжунсян 2013); Словарь современного китайского языка (吕叔湘 Люй Шусян, 丁声树 Дин Шэншу 2017); Синьхуа Словарь (韩作黎 Хань

Цзоли 2013); Большой словарь китайского языка (罗竹风 Ло Чжунфэн 2011); Большой толковый словарь русских существительных (Бабенко 2005); Большой толковый словарь русских глаголов (Бабенко 2008); Словарь-тезаурус прилагательных русского языка (Бабенко 2012); Большой толковый словарь русского языка (Кузнецов 2008); Толковый словарь русского языка (Ушаков 2000); Толковый словарь русского языка (Ожегов, Шведова 2008); Идеографический словарь русского языка (Баранов 1992); Русский семантический словарь (Караулов 1982).

Для уточнения словарных дефиниций и выяснения семантики членов антонимических оппозиций использовались двуязычные словари и словари антонимов китайского и русского языков: Большой русско-китайский словарь (Баранова, Котов 2010); Краткий русско-китайский словарь (沈凤威 Шэнь Фэнвэй, 南致善 Нань Чжишань, 李一凡 Ли Ифань, 黄长霈 Хуан Чанпей 1965); Большой китайско-русский и русско-китайский словарь (Левина 2010); Новый русско-китайский словарь (张建华 Чжан Цзяньхуа 1998); Словарь антонимов китайского языка (张庆云 Чжан Цинюнь 1986); Собрание антонимов (张庆云 Чжан Цинюнь, 张志毅 Чжан Чжи 2000); Большой словарь антонимов (张庆云 Чжан Цинюнь, 张志毅 Чжан Чжи 2009); Словарь антонимов современного китайского языка (朱景松 Чжу Цзинсун 2014); Толковый словарь антонимов русского языка (Львов 2018); Словарь синонимов и антонимов современного русского языка (Гаврилова 2014); Большой словарь синонимов и антонимов русского языка (Шильнова 2010).

Методология и методы исследования основываются на комплексном подходе к анализу семантики лексических единиц, опирающемся как на парадигматический анализ лексических значений как элементов системы языка, так и на сопоставительный анализ отображения эмоций доброты и злобы в лексике, их семантической интерпретации в разных языках. Подобный подход предполагает взаимодополняющее применение совокупности общенаучных и собственно лингвистических методов и приемов анализа, к которым относятся

следующие:

- 1) метод сплошной выборки материала;
- 2) метод классификации;
- 3) метод количественного описания материала;
- 4) описательный метод;
- 5) структурно-семантический метод;
- 6) метод контрастивного анализа;
- 7) методы полевого и оппозитивного анализа;
- 8) метод компонентного анализа лексического значения слова;
- 9) метод анализа словесных оппозиций.

Научная новизна исследования заключается прежде всего в том, что в нем впервые поставлена научная проблема в области лексической парадигматики, связанная с выделением и комплексным рассмотрением нового типа лексической мегапарадигмы – интегративного лексико-семантического поля ДОБРОТА ↔ ЗЛОБА, основанного на отношениях противоположности и репрезентированного в лексико-семантических пространствах двух языков: китайского и русского. Постановка проблемы потребовала разработки понятия интегративного семантического поля, формируемого на оппозитивной основе. В диссертационном исследовании эта проблема решена на большом эмпирическом материале, предложен вариант ее решения: выявлена структура этого поля, организованного на оппозитивной основе, с обозначением общих тенденций и специфических особенностей его формирования в двух языках. Доброта и злоба при этом впервые тщательно изучены в структурно-семасиологическом освещении. Структура и лексический состав этого поля исследованы в двух аспектах: с точки зрения внутренних семных структур анализируемых слов и с точки зрения внешних антонимических отношений, связывающих лексику двух языков в структуре поля.

Впервые на материале китайского и русского языков при структурно-семантическом описании интегративного семантического поля ДОБРОТА ↔ ЗЛОБА выявлена специфика семантизации эмоций доброты и злобы

в лексике двух языков и особенности категоризации их в аспекте противоположности, обнаружены национально-специфические признаки их репрезентации в языковом сознании носителей разных лингвокультур.

С целью выделения состава лексико-семантических групп в семантическом поле в двух сопоставляемых языках и выявления специфических для них семантических компонентов использован комплексный подход к проблеме дифференциации и интерпретации лексических единиц данного поля.

Новизна обнаруживается в выявлении количественного соотношения лексико-семантических групп в структуре поля в разных языках, а также в выяснении степени представленности антонимов в составе различных лексико-семантических групп, она определяется также составлением списка антонимических оппозиций, не зарегистрированных в словарях антонимов китайского и русского языков.

Теоретическая значимость исследования обусловлена тем, что получены новые знания в области лексико-семантического пространства языка, которые расширят уже существующие представления о типах семантических полей, их структуре и составе, их месте в системе языка. Теоретически значимым является введение в научный обиход понятия интегративного семантического поля. Проведенное исследование развивает изучение проблем языковой репрезентации эмоций на семном сопоставительном уровне описания и создает предпосылки для дальнейших исследований в этой области. Его результаты способствуют осмыслению специфики демонстрации антонимических оппозиций в лексике с точки зрения состава семных структур их членов и могут служить базой для дальнейшего описания парадигматических отношений лексико-семантического уровня языка в сопоставительном аспекте.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в дальнейшем изучении структуры эмотивных лексико-семантических полей, особенностей репрезентации в них парадигматических отношений, имеющих в китайском, русском языках и иных

языках. Языковой материал, положения и выводы данного исследования могут использоваться в лекционных и практических курсах по общему языкознанию, лексикологии, лексической семантике, переводу, лингвокультурологии, в преподавании китайского и русского языков как иностранных, а также при разработке учебных пособий и спецкурсов по указанным выше дисциплинам. Выявленные семантические группировки и характеристики слов, репрезентирующих доброту и злобу в разных языках, могут быть использованы в идеографических и в переводных словарях, что определяет прикладную актуальность исследования. Полученный корпус лексики доброты и злобы двух языков может служить основой для создания двуязычного толкового словаря антонимов тезаурусного типа, аналога которого не существует.

Достоверность и обоснованность исследования обеспечивается большим объемом эмпирического материала, опорой на авторитетные научные источники, отображающие различные научные подходы, свойственные современной лингвистике конца XX – начала XXI века, использованием комплекса методов и приемов анализа материала, соответствующих целям и задачам исследования. Научные положения, выводы, сформулированные в диссертации, подкреплены экспериментальными данными.

Положения, выносимые на защиту:

1. Разработана модель сопоставительного исследования лексики доброты и злобы в русском и китайском языках, которая включает следующие этапы анализа:
 - выявление из разных лексикографических источников корпуса лексики обозначенной семантики, описание поля, основанного на антонимической оппозиции доброта ↔ злоба;
 - анализ лексики данного интегративного поля на основе полипарадигмальности, включающий категориально-грамматический, лексико-семантический, системно-семасиологический и культурологический виды анализа;
 - формирование мегаструктуры интегративного поля, принципов его организации, а также макроструктур составляющих его лексико-семантических

парадигм и микроструктур отдельных лексических значений;

– сопоставление полученных данных с целью выявления общего и специфического в категориально-грамматическом, структурно-семантическом и национально-культурном отображении доброты и злобы в китайском и русском языках.

2. Анализ структуры интегративного семантического поля ДОБРОТА ↔ ЗЛОБА, формирующегося на основе антонимической оппозиции, выявил основные тенденции уровневой репрезентации отношений противоположности в его структуре: комплексные лексические парадигмы высшего уровня иерархии (интегративные семантические поля), лексико-семантические группы с семантикой противоположности, лексические оппозиции, состоящие из двух слов, входящие в состав ЛСГ. Антонимически соотносительные ЛСГ в разных частеречных классах различаются с учетом параметра численности в двух языках. В китайском языке выделены 13 антонимических оппозиций ЛСГ, антонимически соотносительные ЛСГ в классе существительных (7 оппозиций) представлены больше, чем в прилагательных (3 оппозиции) и глаголах (3 оппозиции). В русском языке выявлены 12 антонимических оппозиций ЛСГ, противоположные ЛСГ в классах глаголов (5 оппозиций) и существительных (4 оппозиции) представлены больше, чем в прилагательных (3 оппозиции). Состав антонимически соотносительных ЛСГ в классах прилагательных совпадает в двух языках, классы существительных и глаголов характеризуются неполным совпадением: в них имеются общие и специфические для каждого языка антонимические оппозиции ЛСГ.

3. Обнаружено, что доброта и злоба являются одними из ключевых эмоциональных представлений в сознании носителей китайской и русской лингвокультур, объективированных в большем количестве лексических единиц. Структурно-семантическое описание интегративного семантического поля «ДОБРОТА ↔ ЗЛОБА», опирающееся на интегрированный подход с применением лингвистических и статистических данных, позволило обнаружить общее и специфическое в репрезентации доброты и злобы в

лексико-семантической системе разных языков. Исследуемое интегративное поле в китайском языке имеет большее количественное наполнение, чем в русском языке. В обоих языках количество лексических репрезентаций злобы больше, чем доброты. Национальные приоритеты в отображении доброты и злобы обнаруживаются в асимметрии их воплощения в различных частеречных классах слов. В китайском языке в лексике доброты и злобы первое место занимают существительные, которые по количеству намного превосходят прилагательные и глаголы. В русском языке - существительные и прилагательные занимают равные количественные доли, которые намного превосходят глаголы в количественном отношении.

4. Парадигматический анализ лексики доброты и злобы в структурно-семантическом аспекте обнаружил, что набор ЛСГ в структуре лексико-семантического поля «ДОБРОТА ↔ ЗЛОБА» в китайском и русском языках не совпадает, приоритеты в отображении доброты и злобы в двух языках различаются. Общим для двух языков является наличие ЛСГ в следующих денотативных сферах: человек как носитель эмоций, эмоциональное качество характера, эмоциональное отношение к окружающим, речевая деятельность, поступки, направленные на других и проявляющие определенные эмоции по отношению к другим. Специфика обнаруживается в том, что в китайском языке отображается воздействие добра и зла, доброта и злоба могут изображаться как комплексное эмоциональное выражение лица, а также проявляться в уходе за родителями. В русском языке они специфически отображаются как бытийное эмоциональное состояние человека и его становление.

5. Различные ЛСГ в составе интегративного поля характеризуются разной степенью насыщенности семантикой противоположности. В этом отношении доминируют ЛСГ существительных «Человек как носитель эмоций», «Эмоциональное качество характера» и ЛСГ прилагательных «Характеризующий качество характера», за ними с учетом количественной представленности антонимов следуют ЛСГ существительных «Эмоциональное отношение к окружающим», замыкают список ЛСГ глаголов «Проявление эмоций по

отношению к окружающим» и ¹⁵ ЛСГ существительных «Действие, характеризующееся эмоциями». В китайском языке кроме того имеются специфические противоположные ЛСГ существительных «Речь, характеризующаяся эмоциями», «Эмоциональное выражение лица», «Воздействие определенных поступков», которые характеризуются низкой степенью насыщенности противоположности, а в русском языке есть ЛСГ глаголов «Пребывание в эмоциональном состоянии», «Внешнее проявление эмоционального отношения через поступки», которые относятся к зоне ненасыщенности отношениями противоположности, в которых не выделены лексические оппозиции.

6. Проведенный анализ семных структур анализируемой лексики в составе лексико-семантических групп с опорой на словарные дефиниции, сопоставление семантических комплексов аналогичных антонимически соотнесенных ЛСГ в двух языках позволили выявить общие и специфические семантические компоненты, характеризующие доброту и злобу, показать сходства и различия в составе ЛСГ слов, раскрыть общие и специфические закономерности репрезентаций противоположности в лексике доброты и злобы китайского и русского языков.

7. Лексическое воплощение доброты и злобы в исследуемых языках различается при парадигматическом рассмотрении лексики с учетом категориально-грамматической семантики: в китайском языке в исследуемом лексико-семантическом поле преобладают существительные, которые по количеству намного превосходят прилагательные и глаголы, а в русском языке существительные и прилагательные составляют равные количественные доли, они намного превосходят количество глаголов. Специфика обнаруживается в отображении соотносительности доброты и злобы в составе различных грамматических классов слов. В субстантивной лексике доброта в основном репрезентируется как эмоциональное качество, а злоба воплощается прежде всего в изображении человека как носителя эмоций. В адъективной лексике доброта характеризуется двояко как эмоциональное качество и как отношение к

окружающим, а злоба прежде всего как эмоциональное качество.

8. Количественное преобладание слов, репрезентирующих злобу, в китайском языке обнаруживается в классе существительных, а в русском языке – в классе глаголов. В глагольной лексике китайского языка доброта проявляется в оказании помощи кому-либо, уходе за родителями, а злоба в основном изображается в сопряжении с речевой деятельностью и в проявлении отношения к кому-либо через поступки и мимику. В глагольной лексике русского языка доброта может отображаться в проявлении эмоций по отношению к кому-либо и в становлении доброго характера, а злоба изображается в пребывании в эмоциональном состоянии и проявлении эмоционального отношения через мимику и поступки.

9. Семная структура лексики доброты и злобы в анализируемых языках также различна: в семной структуре китайских слов имеются специфические семантические компоненты, которые отображают врожденность, степень узнаваемости, конкретный субъект отображаемых качеств, объект проявления определенных отношений, их частотность, скрытность, локальность обозначаемых поступков. При этом регулярно выражаются причинно-следственные отношения, способ, цель, связывающие сопутствующие и основные поступки. Характерно также совмещение качеств доброты, злобы с близкими по тональности интеллектуальными качествами. В семантике русских слов имеется указание на сознательность проявления злобы и средство ее выражения, а также часто передаются эмотивно причинные и целевые отношения.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка сокращений и терминов, списка использованной литературы, списка использованных словарей, двух приложений (перечней проанализированных лексических единиц в китайском и русском языках). Объем диссертации – 214 страницы (без учета Приложений).

Апробация работы. Выводы и основные положения диссертационного исследования апробировались на следующих научных международных и российских конференциях:

- I-й Международная заочная научно-практическая конференция молодых ученых «Язык. Коммуникация. Культура» (Москва, 2017 г.);
- Международная научная конференция «Взаимодействие языков и культур» (Челябинск, 2018 г.);
- XXVI Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, 2019 г.).
- XXII Международная научная конференция «Русистика и современность» (Астрахань, 2019 г.)
- Всероссийский научно-теоретический семинар с международным участием «Теоретическая семантика и идеографическая лексикография: Словарь. Дискурс. Корпус» (Екатеринбург, 2019 г.)

По проблематике диссертации опубликовано 10 научных работ общим объемом 5.16 п.л., в том числе 5 статей в журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ и Аттестационным советом УрФУ.

Глава 1. Теоретические основы исследования

Цель данной главы – обосновать теоретическую базу исследования, сформировать терминологический аппарат, соответствующий задачам работы.

1.1. Лексическая семантика в семасиологическом рассмотрении

1.1.1. Семная семасиология

По устоявшемуся представлению, значение слова представляет собой сложное единство разных по своему содержанию и объему структурных элементов, базовым из которых является микрокомпонент значения – сема. На основании этого представления семный принцип описания значений реализуется в практике подготовки толковых и идеографических словарей, в которых слова классифицируются по группам, и семантически сходные слова дифференцируются по семному составу, избегая толкования значения через синонимы по принципу «круга в определении».

Смысловое содержание языковых единиц является предметом изучения семасиологии. Эта наука представляет собой одну из основополагающих и системообразующих лингвистических дисциплин. Несмотря на то, что семантические проблемы ставились и обсуждались философской мыслью уже в глубокой древности, почти до конца XIX века они еще не были в центре внимания лингвистической науки. Семасиология в качестве самостоятельного раздела науки о языке начала формироваться в XIX веке, основоположниками которой считаются немецкий ученый К.Х. Рейзига (введение термина «семасиология») и французский языковед М. Бреала (введение термина «семантика»). Основы русской семасиологии заложены работами А.А. Потебни («Мысль и язык» 1862), М.М. Покровского («Семасиологические исследования в области древних языков» 1895), А.И. Томсона («К синтаксису и семасиологии русского языка» 1903) и др. В рамках лингвистики по различным направлениям проводились разные попытки

изучения значений слов: этимологические исследования групп слов в соответствии с требованиями сравнительно-исторического языкознания; психолингвистические исследования с целью обнаружения основы закономерностей семантических изменений в индивидуальном сознании «психических процессов» (В.М. Вундт, Г. Пауль, Я.М. Розвадовский, Г. Штейнталь, К. Яберг и др.); изучение реалий и языка в его связи с материальной и духовной культуры народов (Б. Кемада, Н.Я. Марр, Г. Маторе, Г. Шухардт и др.). В XIX и начале XX века ученые исследовали значения слова на основе концепции целостности значения, игнорируя структуру отдельного значения и его компонентный состав. При этом в словарных статьях описание значения слова осуществлялось посредством приведения синонимов или развернутых толкований. Благодаря развитию структурализма в лингвистике середины XX века лингвисты начали обращать внимание на изучение внутреннего устройства отдельного значения слова и его семантической организации.

В семасиологии сформулирована общепринятая идея о том, что план содержания языкового знака делится на элементарные единицы, не имеющие коррелятов в плане выражения. Для обозначения составляющих единиц содержания значений лингвисты использовали различную терминологию: «фигуры плана содержания» [Ельмслев 1962], «сема» [Греймас 2004, Скаличка 1967, Шмелев 1973], «аллосема» [Гуденаф], «семантические признаки» [Лаунсбери 1956], «семантические компоненты» [Лайонз], «семантические маркеры» [Катц, Фодор], «элементарные смыслы» [Апресян 1995b], «семантические множители» [Караулов 1976, Мельчук 1968, Жолковский 1967], «дифференциальные признаки» [Арнольд 1979], «семантические примитивы» [Вежбицкая 1999], «компоненты значения» [Долгих], «квант информации» [Шариков 1996] и др. Из всех наименований наиболее употребительным оказался термин «сема», который был введен представителем Пражской лингвистической школы В. Скаличкой для обозначения минимального компонента значения. Термин «сема» встречается как в работах российских лингвистов (В.Г. Гак, Е.В. Падучева, З.Д. Попова, О.Н. Селиверстова, И.А. Стернин, А.А. Уфимцева,

Д.Н. Шмелев и др.), так и в работах зарубежных лингвистов (К. Болдингер, А.Ж. Греймас, Ю. Найда, Б. Потье и др.), что вероятно, объясняется его лаконичностью и этимологическими связями с другими важными соотносительными понятиями: «семасиология», «семантика», «семема».

Несмотря на частные различия в определении семы, в целом ученые пришли к общему выводу в том, что «сема» – это минимальная единица значения слова, отражающая определенный признак обозначаемого предмета или понятия. Л.А. Новиков определяет сему как «минимальную предельную составную часть (компонент) элементарного значения» [Новиков 1982: 116]; И.А. Стернин рассматривает сему как «семантический микрокомпонент, отражающий конкретные признаки обозначаемого словом явления» [Стернин 1985: 35]; в дефиниции А.С. Кравца сема – это «семантические компоненты смысла слова, его обобщенные, дискретные единицы» [Кравец 2001: 20]. Исходя из этого мы понимаем сему как наименьший составной компонент значения слова, соответствующий определенному отличительному признаку обозначаемого словом предмета или понятия.

Для выявления микроэлементов (сем), составляющих значение лексической единицы, используют метод компонентного анализа, основателями которого считаются американские этнолингвисты У. Гудинаф и Ф. Лаунсбери. Они опубликовали в 1956 году результаты своих исследований с применением метода выявления сем в значениях лексической единиц на материале терминов родства разных языков [Гудинаф, Лаунсбери 1956]. Данный метод встречается в работах многих лингвистов [Кузнецов 1986; Попова, Стернин 2009; Селиверстова 2004; Степанов 1977; Стернин 1979; Трубачев 1980 и мн. др.]. Принято считать, что значение слова представляет собой организованную структуру, многочисленные семантические компоненты которой различаются по типу, яркости и статусу [Барсук 1991; Залевская 1978, 1990; Леонтьев 1969; Овчинникова 1994; Петренко 1997; Попова, Стернин 1984; Саломатина, Стернин 2011; Сахарный 1972; Стернин 1985 и др.]. В результате компонентного анализа различных групп лексики обнаружено, что в значении слова выделяются и дифференциальные признаки,

которые помогают отличить друг от друга объекты, входящие в один класс [Шмелев 1964], и интегральные признаки, на основании которых объекты включаются в класс [Найда 1970; Шмелев 1969]. Согласно предположению о неоднородности лексического значения в его состав входят денотативное значение, называющее понятие и соотносящееся с внеязыковой действительностью, и коннотация, связанная с условиями и участниками общения, куда входят эмоциональный, оценочный, экспрессивный и стилистический компоненты значения [Арнольд 1981: 105]. О.А. Михайлова также утверждает, что структурными частями лексического значения являются следующие макрокомпоненты: «денотативно-сигнификативный или сигнификативный (отражающий понятие), прагматический (отражающий отношение говорящего к действительности) и денотативно-ограничительный (отражающий типовое представление об объекте действительности)» [Михайлова 1998: 57].

Компонентный анализ как базовый метод в семной семасиологии эффективно и широко применяется в современных семантических исследованиях. Как утверждают З.Д. Попова и И.А. Стернин: «расчленение же единого внешне объекта на составные части является эвристическим приемом исследования, направленным на адекватное познание объекта» [Попова, Стернин 2011]. По их мнению, описание значения в терминах сем «является, видимо, пределом точности семантического описания, который может быть достигнут лингвистом» [Попова, Стернин 1984: 45]. Данный метод не только обеспечивает выделение отдельных компонентов значения, выявление семной структуры семемы, но и включает анализ взаимоотношений между компонентами, установление их взаимозависимости, что необходимо для интегрального описания «реального» значения слов. Рассматривая многообразные семантические составляющие в значении слов и разнообразные характеристики их соотношений, ученые сформулировали основополагающие положения семной семасиологии: «семантические компоненты значения могут разграничиваться по целому ряду признаков; в значении слова могут закрепляться результаты не только объективной, но и субъективной действительности; в значении слова семы

организованы иерархически и само значение представляет собой сложную систему взаимосвязанных компонентов» [Загоровская 2011: 85].

Итак, семная семасиология изучает значения лексических единиц через описание их как структурированной совокупности сем с применением метода компонентного анализа. Сема представляет собой минимальный компонент значения, объединяющий или дифференцирующий отдельные значения и отражающий признаки предмета номинации.

1.1.2. Значение слова и типы семантических компонентов

В научной литературе обнаруживаются различные позиции в понимании природы лингвистического значения, до сих пор не дается единое определение значения. Как справедливо заметил Э. Кассирер, «нет, наверное, более запутанной и противоречивой проблемы, чем проблема значения» [Кассирер 1998: 571].

Целый ряд ученых 15 – 18 века выдвигали и обсуждали сложную проблему соотношения значения и языкового выражения между собой. Основоположник ассоциативной психологии Дж. Локк («Опыт в человеческом разуме» 1690), видя в значении психологическая реальность, утверждает, что «... слова, если они не являются знаками наших идей, всего лишь пустые звуки... Внешние предметы... воспринимаются нашими чувствами, чтобы в нашем уме вызвать отдельные идеи этих объектов... Наши идеи суть подобия чего-то в самих предметах» [Локк 1960: 155]. Общепринято, что человек живет в мире знаков, человеческая деятельность в целом, в том числе, мыслительная деятельность является знаковой по своим средствам и результатам. Ф. де Соссюр, рассматривая язык как систему знаков, обнаруживает в пределах знака соединение его смысла и акустического образа, т.е. определяет языковой знак как двустороннюю единицу, в которой противопоставлены «означаемое» и «означающее». По его мнению, «значением является то, что находится в отношении соответствия с акустическим образом. Все происходит между акустическим и понятием в пределах слова,

рассматриваемого как нечто самодовлеющее и замкнутое в себе» [Соссюр 1977: 223]. Луи Ельмслев, требующий структурного подхода к языку как к схеме взаимных отношений, рассматривает язык как систему двусторонних знаков, имеющих как внешнюю, так и внутреннюю сторону – план выражения и план содержания.

Итак, слово как словесный знак следует рассматривать как единство формы и значения, что обусловлено положением дел, чтобы стать языковым знаком, тот или иной элемент (форма знака) должен быть признан говорящим коллективом, наделен определенным содержанием (значением). При семиотизации «связь значения и формы знака опосредована человеческим сознанием, закреплена человеческой памятью» [Алефиренко 2005: 110]. Л.С. Бархударов констатирует взаимообусловленность значения и формы языкового знака следующим образом: «план выражения существует как таковой лишь постольку, поскольку существует план содержания, точно так же как и существование плана содержания немислимо без существования плана выражения; оба эти понятия противопоставлены друг другу и вместе с тем предполагают друг друга» [Бархударов 1975: 12]. И.А. Мельчук, объясняя две стороны языкового знака, отмечает, что «внешняя сторона языкового знака – это означающее; внутренняя сторона языкового знака состоит из трех компонентов: семантического (который и есть означаемое), синтаксического (сведения о правилах комбинирования данного знака с другими знаками) и прагматического (сведения о правилах употребления знака с учетом тех или иных особенностей данной речевой ситуации, свойств говорящего и/или слушающего и т.п.)» [Мельчук 1968: 432].

Ученые, занимающиеся проблематикой сущности значения, дают многочисленные и разнообразные определения, которые могут быть сведены, как это уже не раз отмечалось в научной литературе, к трем основным группам: реляционные, функциональные и субстанциональные определения [Стернин 1979: 19-20]. Различные 3 позиции в понимании значения соответственно позволяют трактовать значение языкового знака как отношение знака к действительности (предмету, понятию, представлению); как функцию знака в данном языке, правило

его употребления и функционирования; как содержание знака, описанное как совокупность семантических признаков, закрепленное за определенной формой. Мы придерживаемся субстанциональной трактовки значения, по мнению Е.К. Маклаковой, такое понимание значения позволяет не только описать значение слова посредством свойственного набора составляющих компонентов, но и на основе этого выявить сходства и различия между разными значениями слов [Маклакова 2013: 15]. Л.М. Васильев, выступая в защиту субстанциональной природы значения, излагает свое понимание данной темы следующим образом: «...любая конкретизация отношения слова к предмету или понятию неизбежно приводит к необходимости формулировать те признаки предмета, которые лежат в основе этого отношения, а следовательно, и в основе значения как более или менее абстрактной модели, образа предмета» и далее: «знание говорящими чисто реляционных, несодержательных свойств единиц языка (например, знание их отношений друг к другу в составе формальных парадигм и синтагм, их связей с определенными сферами употребления и т.п.) представляет собой своеобразный тип знания языка, коренным образом отличающийся от знания языковых значений» [Васильев 1990: 71-72].

Совершенно справедливо утверждение О.С. Ахмановой о том, что значение – это «отображение предмета действительности (явления, отношения, качества, процесса) в сознании...; это отображение действительности входит в структуру слова (морфемы и т.п.) в качестве его внутренней стороны (содержания), по отношению к которой звучание данной языковой единицы выступает как материальная оболочка, необходимая не только для выражения значения и сообщения его другим, но и для самого его возникновения, формирования, существования и развития» [Ахманова 2004: 160-161]. Принимая во внимание тот факт, что отображение действительности происходит в сознании человека, ученые утверждают роль человеческого мышления в формировании значения слов и отмечают, что «идеальная сторона лексических единиц соотносительна с одним из явлений психического ряда: ощущением, восприятием, представлением и понятием» [Торопцев 1975: 17], «значение слова, его внутреннюю,

содержательную сторону следует рассматривать как известное мыслительное образование, результат абстрагирующей работы мышления» [Косовский 1975: 22-23]. Л.С. Выготский пришел к мысли, что «значение слова есть форма “идеального присвоения” человеком действительности. В значениях слов реализуется для сознания общественное значение предметов» [Выготский 1982: 165-166]. По мнению А.Н. Леонтьева, в языковых значениях представлена общественно познанная реальность, «за ними скрываются общественно выработанные способы действия, в процессе которых люди изменяют и познают объективную реальность» [Леонтьев 1977: 141], он трактует значение как «ставшее достоянием моего сознания ... обобщенное отражение действительности, выработанное человечеством и зафиксированное в форме понятия» [Леонтьев 1972: 290].

Исходя из приведенных выше суждений о сущности значения мы можем сформулировать свое понимание. Значение слова – это содержание как результат отображения действительности в сознании носителей языка, отражающий образ общественного познания реальности. Внутри оно имеет структурированный набор семантических компонентов, внешне обладает определенной знаковой формой и оформляется фонетически и грамматически. Подобное понимание значения дает возможность описать значение посредством его семного состава.

Признавая **многокомпонентность** значения слова, лингвисты выделяют разные наборы компонентов в составе значения лексической единицы. К примеру, Л.А. Абрамян различает в значении компонент, зависимый от предмета обозначения, и компонент, зависимый от его отражения, т.е. указание на предмет и указание на признаки предмета [Абрамян 1965: 63]. В свою очередь А.А. Уфимцева указывает на наличие в значении слова следующих компонентов: представления о классе предметов; понятия с его отличительными признаками; номинативной референтной отнесенности (указания на конкретный единичный предмет) [Уфимцева 1968]. М.В. Никитин подразделяет значение слова на денотативное значение (представление о единичном предмете) и сигнификативное значение (репрезентация класса вещей или признаки класса) [Никитин 1974: 78].

По мнению О.Н. Селиверстовой, существуют следующие компоненты значения: смысловая часть, стилистическая и экспрессивная характеристики и конфигуративные признаки знака (произвольные особенности сочетаемости) [Селиверстова 1967: 132]. Характеризуя сложную структуру значения, П.Я. Гальперин выделяет 3 составные части: сумма различных признаков, с помощью которых обозначается, то есть выделяется и классифицируется данное явление действительности; предметная отнесенность, которая указывается на известный предмет или множественность предметов; социальная оценка обозначаемого, в том числе, и те элементы эмоциональности, которые нами часто воспринимаются в плане индивидуально-психологической оценки [Гальперин 1957: 55]. Компоненты в составе значения находятся в неразрывной связи. Учитывая выражаемые отношения в структуре значения, Л.С. Бархударов различает «три типа значений»:

- отношение между знаком и его референтом (указывает на целый класс однородных предметов, процессов, качеств, явлений реальной действительности, обозначаемый знаком) – референциальное значение знака;
- отношение между знаком и человеком, пользующимся данным знаком (включает эмоциональное, экспрессивное, стилистическое и другие субъективные отношения) – прагматическое значение;
- отношение знака с другими знаками той же самой знаковой системы – внутрилингвистическое значение языкового знака [Бархударов 1975: 25].

В.Н. Комиссаров выделяет основные компоненты значения, которые характерны для большинства слов и актуализируются при любом употреблении слова. Данные компоненты содержат три вида информации: идентификацию денотата, указание на отдельные признаки денотата и указание на принадлежность денотата к лексической, лексико-грамматической или грамматической категории. Он также выделяет факультативные компоненты содержания слова, которые присутствуют лишь в значении слов некоторых групп:

- стилистический (информация об употреблении слова в определенной функции общения);

- эмоциональный (указание на репрезентируемые эмоции словом);
- синонимический (указание на возможность употребления данного слова для обозначения иных денотатов);
- ассоциативный (информация о наличии в содержании слова образных или иных ассоциативных связей);
- морфемный (информация, указывающая на содержание морфем, из которых состоит данное слово);
- селективный (указание на возможность использования данного слова с другими словами при составлении высказывания, т.е. информация о правилах употребления слова);
- антонимический компонент (информация о противопоставленности значения данного слова содержанию другого слова) [Комиссаров 1972].

Таким образом, семема имеет сложное строение, в котором традиционно выделяются три компонента:

- денотативный, связанный с отображением и категоризацией действительности, отображающий представление о однотипном классе предметов, рассматриваемый как результат конкретно-понятийного и образно-чувственного мышления);
- сигнификативный компонент, который отображает регулярные свойства и признаки определенного денотата, следует рассматривать как продукт абстрактно-понятийного мышления;
- коннотативный компонент, который отражает отношение говорящего к обозначаемому и следует понимать как «результат логически слабо расчлененного отражения действительности, связанный с чувственно-ситуативным мышлением» [Васильев 1990: 91].

Несмотря на частные различия в определении компонентного состава значения слова, ученые в целом едины в том, что семантические компоненты значения иерархически распределяются и могут быть подразделены на мега-, макро- и микрокомпоненты (по терминологии И.А. Стернина). К мегакомпонентам как наиболее крупным компонентам значения относятся

лексическое значение и структурно-языковое значение (строго говоря, это компонент значения слова, однако сохраняя традицию, будем называть мегакомпоненты значения – значениями), которые соответственно включают в свой состав макрокомпоненты, а макрокомпоненты могут быть разделены на микрокомпоненты значения. Лексическое значение слова понимается как закрепленное словом отражение внеязыковой действительности, в котором выделяются два основных макрокомпонента, присутствующих у большинства слов:

- денотативный, это основной макрокомпонент, указывающий на свойства, признаки предмета номинации, передающий основную, значимую информацию;
- коннотативный макрокомпонент, указывающий оценочное и эмоциональное отношение субъекта к объекту номинации.

Структурно-языковое значение рассматривается как отражение в значении внеязыковой действительности, передающее информацию о признаках слова как функциональной единицы языка, в котором выделяются 2 макрокомпонента:

- грамматический, передающий информацию о грамматических признаках слова (род, число, падеж, время, вид, лицо и т.д.);
- функциональный макрокомпонент, включающий стилистические, социальные, темпоральные, частотные и территориальные семантические признаки, обусловленные функционированием слова в системе языка, без информации об этом употребление слова в коммуникативном процессе может привести к проблемам непонимания [Маклакова 2013: 46-52].

Итак, анализ структуры значения слова предполагает последовательное выделение макрокомпонентов, которые «абстрактны, обладают высокой степенью обобщенности», и микрокомпонентов, которые «содержательны, конкретны, высоко-информативны» [Попова, Стернин 2011: 31]. З.Д. Попова и И.А. Стернин различают 4 макрокомпонента значения:

- денотативный компонент, который фиксирует результат рационального, логического познания существующей действительности и отражает основные свойства и признаки предмета номинации;

- коннотативный компонент, ²⁹ в котором представлены волевые и эмоциональные переживания и указывается на эмоционально-оценочное отношение говорящего;
- эмпирический компонент отражает обобщенное представление о референтах слова, который только присутствует в значениях слов, обозначающих чувственно воспринимаемые предметы и явления;
- селективный компонент, не информационно наполненный, содержит информацию о правилах употребления слова и занимает особое место в структуре значения [Попова, Стернин 2011: 28].

Семы в данной работе понимаются как семантические микрокомпоненты. В научной литературе в зависимости от исходных теоретических позиций ученых, их подходов, целей и материала исследования существуют **различные классификации семантических компонентов** значения.

Выделяются интегральные (общие для одной группы единиц), дифференциальные (различающие единицы внутри группы), потенциальные [Гак 1972], личностные и социальные семантические признаки [Верецагин, Костомаров 1980]; общие, конкретные, ключевые (характерные, определяющие) признаки [Брунер 1977]; конкретные, конкретно-ситуационные, функциональные, категориальные признаки [Глезерман 1986]; инвариантные (интегральные, дифференциальные) и варианты (скрытые и открытые) семантические компоненты [Кузнецов 1986]; мотивированные и немотивированные, сущностные и характерные, типичные и вероятные [Дмитриева 2000] и многие другие.

Позднее выделяются следующие семантические признаки как добавочные или несущественные: «коннотации» [Апресян 1995b], «фоновые знания» [Падучева 2004], «ассоциативные признаки» [Селиверстова 2004], «способные к модификации оценочные, эмотивные, экспрессивно-образные и функционально-стилистические семы, связанные с пространством дынной культуры» [Герасименко 2009: 10] и т.д.

В.И. Шаховский, вводя в научный оборот понятие эмосемы, определяет ее сущность следующим образом: «Это специфический вид сем, соотносимых с

эмоциями говорящего и представленных в семантике слова как совокупность семантического признака “эмоция” и семных конкретизаторов “любовь”, “презрение”, “унижение” и др., список которых открыт и которые варьируют упомянутый семантический признак (спецификатор) в разных словах по-разному. Сема эмотивности может отображать эмоциональный процесс относительно любого лица: говорящего, слушающего или какого-либо третьего лица» [Шаховский 1987: 115].

Типология сем наиболее глубоко разработана Л.М. Васильевым, различающим семы по 8 параметрам:

- 1) по способу выраженности – имплицитные и эксплицитные;
- 2) по типу языковых отношений, в составе которых они находятся – парадигматические и синтагматические;
- 3) по характеру отношений внутри семемы – доминирующие и зависимые;
- 4) по отношению к идентифицирующему значению того или иного семантического класса – ядерные и периферийные;
- 5) по функции в составе лексической или грамматической парадигмы – идентифицирующие (интегральные) и дифференцирующие (дифференциальные);
- 6) по степени повторяемости, регулярности и абстрактности – категориальные, индиосинкретические или идиоэтнические;
- 7) по степени отнесенности к определенным значениям – обязательные и факультативные;
- 8) по соответствию структурным компонентам словоформы – лексические, т. е. соотносимые со словообразовательными и корневыми морфемами, и грамматические, т. е. соотносимые со словоизменительными морфемами [Васильев 1990].

При семном описании лексики в контрастивном исследовании эффективно использована учеными типология И.А. Стернина, по которой в состав значения входят следующие компоненты:

- 1) денотативные семы, классифицирующиеся по следующим основаниям:
 - по наличию или отсутствию формальной выраженности: эксплицитные и

имплицитные;

- по содержанию: постоянные и вероятностные;
- по наличию в сознании обывателя: бытовые и профессиональные;
- по характеру отражаемого признака явления действительности:

относительные и описательные семы;

- по относительному статусу при оппозиции семем: негативные и позитивные;

- по типу языковых отношений: парадигматические и синтагматические семы;

- по отношению к системе и акту речи: актуализованные и неактуализованные;

- по психологической яркости: яркие и слабые семы;

2) коннотативные семы: эмоциональные; оценочные;

3) функциональные семы: функционально-стилистические; социальные; темпоральные; территориальные; частотные [Стернин 1985: 54-73].

Таким образом, значение слова представляет сложное единство, в него многокомпонентный состав входят денотативный (отображает класс однородных явлений действительности: предметов, качеств, отношений, действий и т.д.), сигнификативный (раскрывает существенные признаки обозначаемого словом явления), коннотативный (отражает отношение говорящего к обозначаемому явлению и характеризует оценочный, эмоциональный, эмоционально-экспрессивный признаки), прагматический компонент (передает информацию о субъективном отражении действительности и выражает стилистический, историко-языковой, историко-культурный признаки).

Членение семемы на семы выполняется в соответствии с задачами исследования и зависит от того уровня, на котором проводится семантический анализ, и объективного предела познания предмета номинации [Попова, Стернин 2011]. В связи с этим, в семном исследовании применяются разнообразные классификации семантических компонентов.

1.1.3. Структура значения и методы описания семантики слова

Компоненты в структуре значения находятся в иерархических отношениях, что обуславливает иерархию значений и системную организацию языка. Исследуя иерархическую организацию семем, Дж. Катц и Дж. Фодор в своих трудах говорят о том, что вершиной иерархии является грамматический маркер, т.е. сема части речи; затем следует семантический маркер, объединяющий семантический компонент, и в основании иерархии находится дифференциальный признак слова [Katz, Fodor 1963].

А.А. Уфимцева различает семы трех степеней абстракции:

- наиболее абстрактная сема объединяет слова в семантические (грамматические) классы (части речи);
- промежуточная субкатегориальная сема конституирует лексико-семантический разряд слов одной части речи;
- наименее абстрактная сема составляет индивидуальные лексические значения слов [Уфимцева 1968].

И.В. Арнольд также определяет иерархию компонентов значений следующим образом: архисема части речи – классема – дифференциальная сема. В связи с тем, что лексическое значение слова не может проявляться как-то независимо от его грамматической характеристики, Д.Н. Шмелев различает, с одной стороны, интегральные и дифференциальные, а с другой стороны, категориальные семы [Шмелев 1968: 20], при этом интегральные и дифференциальные семы имеют лексический характер, а категориальные имеют функционально-семантический (частеречный характер). По мнению Ю.Н. Караулова, в вершине семной иерархии семемы в составе лексико-семантической группы стоит родовая интегральная сема (архисема), а затем последовательно выстраиваются семы по возрастанию степени их конкретности [Караулов 1999]. В.Г. Гак также рассматривает иерархическую структуру значения как отношение семы родового значения (архисемы) к дифференциальным семам видового значения.

Следовательно, мы можем понимать иерархическую структуру значения как последовательное подчинение семантических компонентов разного уровня абстракции. Для обозначения интегральных сем обобщенного характера и сем, представляющих отличительные признаки значения, часто используются термины «архисема» и «дифференциальная сема». Архисема (сема родового значения) – «это наиболее общая абстрактная сема в структуре лексического значения, которая относит называемый предмет к какому-либо классу» [Стернин 1979: 134], а дифференциальные семы видового значения отражают конкретные, специфические признаки называемого словом предмета, помогают отличать друг от друга предметы, входящие в один класс, и уточняют архисему в структуре значения. Можно говорить о том, что семантическое расстояние сравниваемых слов зависит от количества интегральных и дифференциальных сем в их структуре значения. При наличии большего количества интегральных сем, сравниваемые слова ближе друг к другу по значению, и наоборот, содержа больше дифференциальных сем, они являются менее близкими по значению.

Таким образом, семема представляет собой синтез разноуровневых (лексических, словообразовательных и грамматических) сем, относящихся к разным семантическим категориям [Васильев 1990: 139]. Иерархическая структура семемы может быть описана рядом интегральных и дифференциальных сем, что обусловлено наличием в ней последовательного подчинения семантических компонентов разного уровня абстракции. В связи с этим предлагаемый Е.А. Маклаковой **аспектно-структурный подход** к описанию семантики слова предполагает вычленение в структуре значения семантических аспектов – характеристик значения, отражающих разный тип информации, закрепленный в слове [Маклакова 2006]. По утверждению ученого, такой подход позволяет не только сделать толкование семантики слова более информативным, но и дифференцировать близкие значения, установить и описать парадигматические отношения между словами посредством выявления интегральной семы в качестве доминирующей опорной семы для отдельных групп лексических единиц. Аспектно-структурное описание семантики слова

способствует выявить, описать и обобщить информацию о совокупности сем, которые составляют определенную семантическую область языка – его семное пространство, что оказывается особенно значимым для осуществления контрастивного исследования семантики слов разных языков с целью обнаружением общих и специфических семантических признаков, фиксируемых в структуре значения слов [Маклакова 2013: 70].

Семасиология представляет собой науку о внутренней структуре языкового значения, прежде всего лексического значения, которая состоит из набора мельчайших семантических, дифференцирующих компонентов – сем. Задача семасиологии состоит в том, чтобы, во-первых, установить принадлежность каждого слова к той или иной системе (или системам) и, во-вторых, выявить системообразующий, дифференцирующий фактор этой системы [Васильев 1971: 105-113]. **Полевой подход**, зародившийся в семасиологии и связываемый первоначально с именами Й. Трира и В. Порцига, эффективно применяется к исследованию как структуры значения слова, так и системы языка, его ценность заключается в том, что во-первых, он обладает достаточной объяснительной силой, «позволяющей объяснить потенции номинирующих языковых единиц и разнообразие их возможных семантических вариаций как при прямом, так и при переносном употреблении» [Попова, Стернин 2007: 73]; во-вторых, он обладает методологической ценностью – возможностью применяться в качестве общего приема анализа языковых явлений.

Полевой подход к семантике слова позволяет описать отдельную семему как поле, семема представляет собой полевое явление по следующим основаниям:

1) Значение представляет собой систему компонентов – сем, образующих структуру семемы; в структуре значения выделяются семантические компоненты одного типа и разных типов; в структуре значения выделяются макрокомпоненты – денотативный, коннотативный и функциональный, отдельные макрокомпоненты также имеют полевою структуру, состоящие из микрокомпонентов.

2) Значение включает в себя ядерные и периферийные семантические компоненты; ядро значения образуют постоянные, яркие, часто актуализируемые

семы; ядерные семы противопоставляют значение другим значениям в системе языка, составляя основу системных внутривидовых противопоставлений парадигм; периферийные семы дополняют ядро и в значительной степени обуславливают семантическое развитие слова и его коммуникативное варьирование; граница между ядерными и периферийными семами размыта.

3) Семы в составе одного значения повторяются и в других значениях; разные семы отчасти накладываются друг на друга, совпадая по одним семам и различаясь другими семами (синонимы, антонимы, гипо-гиперонимы); в зоне периферии семы можно выделить семы ближней, дальней и крайней периферии [Маклакова 2013: 75-76].

Таким образом, структура семы организована по полемому принципу, исследование лексического значения как полевого явления позволяет более адекватно описать его структуру в единстве всех компонентов значения: ядерных, ближних, дальних и крайних периферийных. Принцип разграничения ядра и периферии применителен на уровне мега-, макро- и микрокомпонентов семы.

Ядро значения образует лексический мегакомпонент, а периферию – структурно-языковой мегакомпонент; среди макрокомпонентов лексического мегакомпонента значения ядерным является денотативный компонент, так как «денотативное значение соотносится с внеязыковой действительностью» [Арнольд 1991: 106].

На уровне микрокомпонентов значения ядро составляют наиболее яркие, существенные, основные и эксплицитные семы, которые обозначают постоянные и характерные признаки предмета номинации и определяют значение данного слова, могут служить основой лексической группировки в системе языка и включаться в толкование значения слов. По мнению Маклаковой, к ядру значения могут относиться яркие коннотативные семы – эмоции и оценки, а также некоторые стилистические и функциональные семы [Маклакова 2013: 76]. Это объясняется тем, что «значимость, яркость семантического признака для языкового сознания является важнейшим признаком, позволяющим отнести тот или иной семантический компонент к ядру значения» [Стернин 2003: 11–14].

К периферии относят неосновные, вероятностные, скрытые и неярые семы, отражающие менее существенные и чаще непостоянные признаки денотата. Ближняя периферия включает менее яркие, чем ядерные, и сильновероятностные семы; дальняя периферия состоит из неярых, слабовероятностных семы; крайняя периферия – слабые семы, наиболее удаленные от ядра значения, которые актуализируются окказионально. Хотя периферийные семы отражают второстепенные признаки предмета номинации и часто не фиксируются словарными дефинициями, они также оказываются важными для описания значения. Периферийные семы как психологически и лингвистически реальные компоненты значения актуализируются в речи, создают образность и экспрессивность словоупотребления, составляют актуальный смысл слова. Они выступают основой образования переносных значений, расширяют номинативные возможности слова и показывают национально-специфические свойства значений. По мнению Е.А. Маклаковой, принцип организации содержания семемы «ядро-периферия» отражает три важнейших системных свойства семемы: относительная стабильность семной структурной организации семемы на определенном этапе развития языка; гибкая способность к семантическому развитию в диахроническом аспекте; оперативная приспособляемость к потребностям говорящего в коммуникативном акте [Маклакова 2013: 78].

Описание семантики слова как обобщение его структурных элементов заключается в раскрытии его строения и «обобщенной формулировке с вычленением составляющих его компонентов в их взаимосвязи» [Маклакова 2013: 99]. В связи с этим в семной семасиологии использован **комплекс различных методов** для выявления семантических признаков в содержании слова, что обеспечивает адекватное и полное представление упорядоченной структуры значения и создает всестороннюю формулировку значения, наиболее отражающую реальное языковое сознание носителей языка. Как справедливо отмечает М.В. Никитин, «при уяснении общей природы значения необходимо синтезировать и согласовывать разные подходы, взаимно подкрепляя и уточняя их друг через друга» [Никитин 1988: 12].

Проблемы, связанные с **методикой** исследования компонентного состава значения слова в рамках семной семасиологии, были и остаются актуальными в лингвистике и рассматриваются в многочисленных научных трудах лингвистов (А.А. Залевская 2011; В.В. Левицкий, И.А. Стернин 1990; Е.А. Маклакова 2011, 2013; Р.И. Павленис 1982; З.Д. Попова, А. Сеше 2003; А.И. Смирницкий 1977; Ю.С. Степанов 1975а; И.А. Стернин 1979, 1985, 1990, 2007; И.А. Стернин, М.С. Саломатина 2011; И.С. Торопцев 1974; А.А. Уфимцева 1986; В.И. Шаховский 1983; Д.Н. Шмелев 1973 и мн. др.).

Употребительными методами семной семасиологии являются следующие: рефлексивный анализ семного состава слова; метод компонентного анализа; анализ словарной дефиниции; методы семной интерпретации языкового материала; когнитивно-семантический метод выявления сем; метод экспликативной объективации семы; лингвистический эксперимент и др.

Далее хотелось бы подробнее рассмотреть основные методы, использованные в данной работе.

Рефлексивный анализ семного состава слова как наиболее традиционный метод наиболее часто применяется составителями толковых словарей, он заключается в последовательном и всестороннем аналитическом рассмотрении содержания слова и его структуры на семном уровне в опоре на собственный языковой и когнитивный опыт исследователя с целью вычленять определенные признаки денотата слова и интерпретировать их как семы. В процессе применения этого метода наблюдается высокий уровень субъективизма, что проявляется на уровне абстракции и обобщения в описании семантических признаков и на сформулированном количестве сем. При этом предусматривается наличие у исследователя определенного профессионализма и опыта, которые могут обеспечивать достаточно высокую адекватность выявления и описания отдельных значений и входящих в их семную структуру макро- и микрокомпонентов [Маклакова 2013: 100].

Компонентный анализ как классический метод семасиологии основан на системном представлении о языке и наиболее часто применяется в исследовании

рядов парадигматически связанных слов. Он включает ряд процедур, позволяющих сопоставить несколько семантически близких значений, представленных в виде определенного набора семантических компонентов, по совпадающим и различающимся компонентам значения. В результате применения этого метода не просто выделяются категориальные и различительные признаки сравниваемых значений, но и фиксируются градуальные различия по степени одного и того же признака. К недостаткам этого метода следует отнести значительную зависимость исследования от количества слов, рассматриваемых в рамках противопоставления друг другу: многочисленная группа сопоставляемых по компонентам значения лексических единиц дает больше возможностей для объективной дифференциации семем, а малый количественный состав групп может привести к случайности и неточности формулировок, используемых для фиксации семантических признаков. Недостатком данного метода также является то, что в полученном семном описании слов слабо представлены периферийные семы. Его положительная характеристика заключается в том, что он дает готовые, сформулированные семы и полученные результаты не нуждаются в семной интерпретации [Маклакова 2013: 101-102].

Анализ словарных дефиниций как употребительный метод семной семасиологии дает возможность получить косвенные данные для семного описания значений. И.А. Стернин, введя принцип дополнительности словарных дефиниций, полагает, что отдельная словарная дефиниция отражает некоторые существенные признаки значения, наиболее полное описание осуществляется интеграцией дефиниций разных словарей, дополняющих друг друга [Стернин 2012: 16], обобщение которых позволяет максимально расширить не только список значений исследуемого слова, но и список образующих значения семантических компонентов [Маклакова 2013: 106]. Принимая во внимание тот факт, что словарные дефиниции не строятся по семному принципу, их содержание требует семной интерпретации для формулирования выявляемых в значениях сем. Е.А. Маклакова следующим образом поясняет алгоритм семной интерпретации обобщенной словарной дефиниции: устанавливается архисема из категориальных

метаязыковых единиц толкования; осмысляются как одна сема признаки денотата, обозначенные сходными по семантике единицами метаязыка разных дефиниций; осмысляются как разные семы признаки денотата слова, обозначенные разными единицами метаязыка [Маклакова 2013: 112].

Таким образом, в сопоставительных исследованиях семантики слова на семном уровне использован комплекс упомянутых выше методов, который позволяет исследователю дифференцировать семантически близкие слова одного языка, а также проводить более достоверное контрастивное исследование между парадигматическими множествами двух языков.

Для эффективного представления результатов описания семантических единиц и их лексикографической фиксации требуется использование специфического метаязыка семного описания. Традиционно в практике семантического исследования в качестве метаязыка описания принимается естественный язык, который оказывается наиболее удобным, доступным и понятным для исследователя и рядового пользователя языка, и обладает возможностями выражать семантику любых лексических единиц и описать одну и ту же семантическую единицу по-разному. Для упрощения и стандартизации метаязыкового описания лексических значений требуется унификация интегральных и дифференциальных сем, что позволяет более просто и понятно исследовать на семном уровне сходства и различия между сравниваемыми значениями и выявить системные связи значений.

В научном описании проявляется **принцип множественности метаязыкового описания** метальных сущностей, который означает, что любые ментальные единицы как объект описания имеют разные формулировки на естественном метаязыке, не совпадающие в разных исследовательских парадигмах, в разных словарях и у разных исследователей. Это объясняется тем, что «многие выявляемые семантическим анализом (особенно семным) компоненты значения не имеют закрепленного языкового обозначения на естественном языке и исследователю приходится создавать те или иные метаязыковые конструкторы для их описания, которые могут при этом оказаться

более или менее понятными для носителей языка, более или менее удачными в языковом или стилистическом плане» [Рудакова, Стернин 2011: 10]. Один и тот же результат познания одного и того же объекта и явления в виде некоторого значения может быть вербализован разными людьми в разной словесной форме. В связи с этим А.В. Рудакова и И.А. Стернин утверждают наличие многочисленных причин, которые влияют на интерпретацию научных результатов у разных исследователей: разные теоретические посылки, понимание терминов исследователей, его метаязыковые навыки, опыт метаязыкового описания, способности к вербальному обозначению результатов исследования, личная когнитивная база; степень владения полученными результатами и мн. др. [Рудакова, Стернин 2011: 10].

Разные метаязыковые формулировки одной и той же ментальной единицы при ее описании раскрывают разные стороны описываемой единицы, они не подлежат оценке как правильные или неправильные, а могут оцениваться как более или менее полные. Е.А. Маклакова рассматривает множественность метаязыкового описания ментальных единиц как реальность, неизбежность и имманентный признак их научного описания.

Адекватное описание ментальной единицы предполагает принцип дополнительности семантических описаний (термин И.А. Стернина), т. е. обобщение и интеграцию разных ее описаний. Это обусловлено возможностью разного метаязыкового описания одних и тех же значений в разных словарях и возможностью разного по глубине и количеству описанных сем описания одного и того же значений в разных словарях. Итак, наиболее полное описание значений осуществляется интеграцией дополняющих друг друга дефиниций разных словарей (принцип дополнительности словарных дефиниций).

Таким образом, значение слова представляет собой, с одной стороны, иерархически упорядоченную семную структуру, в которой последовательно выстраиваются семы разного уровня абстракции в аспекте уточняющей дифференциации: интегральные и дифференциальные семы; с другой стороны, оно является полевой организованной структурой, где семы распределяются по

зонам «ядро – периферия». Аспектно-структурный и полевой подходы предполагают применение различных методов для исследования компонентного состава значения слова, в том числе, таких как рефлексивный анализ семного состава, компонентный анализ, анализ словарной дефиниции, метод семной интерпретации и т.д. В связи с множественностью формулировок описания одного и того же значения слова в практике исследования семантики слова требуется интеграция дополняющих друг друга его словарных дефиниций.

1.2. Полевой подход к системе языка. Семантическое поле в лексике

В современной лингвистике метод сопоставления семантических полей в двух языках оказывается эффективным для обнаружения сходства и своеобразия определенного фрагмента лексико-семантического пространства разных языков. Слова в языке существуют не изолированно, а могут соединяться по сходству и противоположности значений в различные группы. Теория поля соотносится с классификационной системой лексики, которая может расчленяться на упорядоченные по отношению друг к другу большие и малые группы, состоящие из тесно взаимосвязанных и взаимодействующих друг с другом лексических единиц, т.е. языковое пространство разделяется на гомогенные составные части, отражая специфику выделения и группировки явления реальной действительности. Итак, в процессе полевого структурирования языкового пространства раскрываются особенности языкового сознания и выявляются его национально-специфические черты. Представление системной организации лексики в составе различных семантических полей имеет особую значимость в разработке проблем, связанных с изучением национальных языковых картин мира, их соотносительности между собой, а также с углубленным исследованием отдельных фрагментов в структуре национальных языковых картин мира. Семантические поля репрезентируют способ категоризации мира и отражают особенности восприятия объектов действительности данным языковым

КОЛЛЕКТИВОМ.

Поле понимается как «совокупность языковых (лексических) единиц, объединенных общностью содержания (иногда, также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное и функциональное сходство обозначаемых явлений» [ЛЭС 1990: 380]. Г.С. Щур определяет поле как «способ существования и группировки лингвистических элементов, принадлежащих к разным уровням языка, обладающих общими (инвариантными) свойствами, наряду с признаками, отличающими эти языковые единицы друг от друга» [Щур 1967: 68].

Теория поля [Бондарко 1967; Всеволодова 2000; Дешериева 1975; Кобозева 2000; Лурия 1998; Сабурова 2002; Солнцев 1971; Уфимцева 1988b; Шендельс 1969; Щур 1974 и мн. др.] позволяет рассмотреть объект лингвистического описания и в вертикальной, и в горизонтальной плоскостях, что способствует выявлению как иерархических отношений, существующих между входящими в структуру поля компонентами, так и смысловых связей между конституирующими компонентами внутри поля, и даже различных полей. Как отмечает В.М. Всеволодова, «поле не имеет четко выраженных границ и пересекается с другими полями» [Всеволодова 2005: 78].

Проблему характера поля следует рассматривать с учетом весьма важных положений, которые отмечаются многими учеными [Адмони 1964; Бондарко 1972; Гулыга, Шендельс 1969; Кузнецова 1981]:

- 1) поле представляет собой инвентарь элементов, связанных между собой системными отношениями;
- 2) элементы, образующие поле, имеют семантическую общность и выполняют в языке единую функцию;
- 3) поле объединяет однородные и разнородные элементы, принадлежащие к разным грамматическим классам;
- 4) поле образуется из составных частей – микрополей, число которых должно быть не меньше двух;
- 5) состав поля включает в себя ядерные и периферийные конституенты.

Ядро консолидируется вокруг компонента-доминанты;

6) ядерные конститuentы наиболее специализированы для выполнения функций поля, выполняют функцию поля наиболее однозначно, систематически используются, наиболее частотны по сравнению с другими конститuentами и обязательны для данного поля;

7) в зоне периферии выделены ближняя, дальняя и крайняя периферии;

8) между ядром и периферией осуществляется распределение выполняемых полем функций: часть функций приходится на ядро, часть на периферию;

9) граница между ядром и периферией является размытой, нечеткой;

10) конститuentы поля могут принадлежать к ядру одного поля и периферии другого поля или полей.

11) разные поля отчасти накладываются друг на друга, образуя зоны постепенных переходов, вызванных многозначностью элементов поля, что является законом полевой организации системы языка;

12) лексические единицы, объединенные общей семой, образуют семантическое поле, включающее в себя лексемы разных частей речи. Внутри поля выделяются семантические микрополя, которые включают синонимические ряды и антонимические пары [Стернин 1985: 38–39].

В современной лингвистике исследуются различные языковые поля: «лексические группы или парадигмы, парадигматические поля» [Гуденаф, Косериу, Лаунсбери, Й. Трир], «синтаксические поля» [Вейсгербер, В. Порциг], «грамматические поля» [Адмони], «грамматико-лексические поля» [Гулыга, Шендельс], «функционально-семантические поля» [Бондарко] и др. [см. полный обзор в работе: Щур 1974].

Основоположник теории поля Й. Трир [Трир 1931] выдвинул идею об описании лексики по семантическим полям, которые способствуют изучению семантических связей лексического состава. Впервые термин «семантическое поле» был введен Г. Ипсеном [Ипсен 1924]. В определении Й. Трира семантическое поле – это совокупность слов, обладающих общим значением. Ю.Н. Караулов определяет семантическое поле как группу слов одного языка,

достаточно тесно связанных друг с другом по смыслу [Караулов 1972: 57]. Ю.Д. Апресян отмечает, что семантическое поле образуется множеством лексических единиц, которые имеют хотя бы один общий семантический компонент. Семантические поля пересекаются друг с другом. Из любого семантического поля через более или менее длинную цепочку посредствующих звеньев можно попасть в любое другое поле, так что «семантическое пространство языка оказывается в этом смысле непрерывным» [Апресян 1974: 251]. Л.А. Новиков утверждает, что семантическое поле представляет собой «иерархическую структуру множества лексических единиц, объединенных общим (инвариантным) значением и отражающих в языке определенную понятийную сферу, лексическая категория высшего порядка, синтезирующая в себе частные категории (синонимию, антонимию и др.)» [Новиков 2001: 8]. Исходя из перечисленных выше положений мы понимаем семантическое поле как крупную группировку лексических единиц разных частей речи на основе общности их содержания, в составе которой выделяются ядро, центр и периферия, границы между ними не четки. В семантическое поле входят как слова во всей полноте их семантической структуры, так и лексико-семантические варианты многозначных слов, выражающие определенные понятие. Семантическое поле имеет иерархическую структуру, в которой выстраиваются упорядоченные лексические парадигмы разного статуса и объема: микрополя, лексико-семантические группы и подгруппы.

Под лексико-семантическими группами Ф.П. Филин понимает «лексические объединения с однородными, сопоставимыми значениями», представляющие собой «специфическое явление языка, обусловленное ходом его исторического развития». К ним относятся, по его мнению, синонимы, антонимы и другие группы слов, связанные общностью каких-либо семантических отношений [Филин 1957: 529, 537–538]. Рассматривая лексико-семантическую группу как элементарное семантическое микрополе, Л.А. Новиков считает, что это относительно замкнутый ряд лексических единиц одной и той же части речи, объединенных общей семой, а именно архисемой более конкретного содержания

и классификационно более низкого порядка, чем архисема поля [Новиков 2001: 11].

Как важнейший составной компонент семантического поля лексико-семантическая группа (далее – ЛСГ) выделяется на основе идентифицирующей семы, которая регулярно повторяется во всех лексических единицах группы, и дифференцирующих сем, которые противопоставляют данную лексему другим лексемам внутри группы. В значениях лексем одной ЛСГ имеется единая категориально-лексическая сема, которая составляет семантическую основу группы и в каждой отдельной лексеме уточняется с помощью дифференциальных сем. Категориально-лексическая сема предполагает какие-то определенные аспекты своего уточнения. В рамках этих аспектов формируются типовые дифференциальные семы. В связи с этим в каждой отдельной ЛСГ набор дифференциальных сем оказывается специфическим. Внутри лексико-семантической группы могут быть выделены подгруппы, в которых слова объединены не только категориально-лексической семой, но одной и той же, общей для них дифференциальной семой [Кузнецова 1982: 75-80].

Э.В. Кузнецова отмечает, что наличие однотипных, повторяющихся сем делает все слова в пределах группы связанными определенными оппозициями: привативными и эквиполентными. В привативных оппозициях выражаются отношения включения, когда компоненты одного из членов оппозиции повторяется в другом, включается в него, в последнем помимо общей части есть еще специфическая, дифференцирующая. Такие парадигматические связи слов играют в организации лексической системы языка большую роль и обуславливают иерархический характер внутренней структуры ЛСГ, так как все элементы группы привативно связаны с базовыми, опорными словами, значение которых носит очень общий и малосодержательный характер. Для эквиполентных оппозиций характерны отношения пересечения, члены оппозиции семантически частично совпадают и частично различаются, так как в их значениях кроме общих, идентифицирующих имеются специфические компоненты, по которым они противопоставляются друг другу [там же: 50].

Слова в лексической парадигме, так же, как в целой системе лексики, закономерно связаны друг с другом, системно упорядочены в структурно семантических отношениях. Учет парадигматических отношений между словами помогает описать значения слов посредством его места в лексико-семантической системе и позволяет выявить сущности и функции различных семантических компонентов в структуре семемы и определить особенности организации различных лексических парадигм.

Структура семантического поля характеризуется иерархией, которая проявляется в том, что «единица низшего уровня может быть представлена как предельный случай единицы более высокого уровня» [Солнцев 1971: 53]. Семантическое поле расчленяется на лексико-семантические группы, которые состоят из связанных между собой парадигматическими отношениями лексических единиц, которые имеют иерархическую семную структуру: интегрирующая сема, общая для всей ЛСГ и определяющая ее название, и дифференциальные семы, обозначающие конкретные и индивидуальные признаки единиц одной ЛСГ. В вершине иерархической структуры семантического поля находится доминанта, которая в качестве исходной определяющей единицы выражает общее инвариантное значение. По утверждению И.В. Сентенберга, этот заглавный элемент формирует семантические контуры лексико-семантической парадигмы и в которой вся парадигма в идеале может быть свернута [Сентенберг 1984: 65], т. е. он определяет семантическую деривацию элементов поля, направление разворачивания поля от исходной лексемы и частеречный состав.

Принципиальная возможность последовательного описания лексики путем распределения ее единиц по семантическим полям свидетельствует о ее системной организации [Новиков 1982: 66] и реализуется в идеографическом описании лексики в форме идеографических словарей и тезаурусов, в которых слова располагаются не по алфавитному порядку, а по тематическим или понятийным сферам, и соответственно, выделяются некоторые классы, делящиеся на ряд подклассов и далее на группы, каждая из которых содержит близкие по значению слова, тесно связанные общим понятием. В связи с описанием лексики

по определенным тематикам подобные словари помогают выбрать наиболее подходящее слово для выражения той или другой мысли в применении к родному языку, и в особенности, к иностранному языку, дают возможность получения материала «для построения истории мышления, отраженного в языке» [Щерба 1974: 278].

Итак, лексико-семантическая система языка представляет собой иерархию семантических полей, объединяемых, с одной стороны, в более крупные сферы лексики, а с другой, – включающих в себя менее многочисленные по количеству единиц микрополя и лексико-семантические группы. Признавая семантические поля, раскрывающие разнообразные семантические связи лексических единиц, наиболее полным и адекватным отражением лексико-семантической системы языка с ее сложной иерархической структурой, Л.А. Новиков [Новиков 2001: 12, 17] утверждает, что сопоставительное изучение соотносительных семантических полей дает возможность вскрыть сходства и различия в систематизации лексики разных языков, увидеть специфику «картины мира» в каждом из них.

1.3. Антонимическая оппозиция как объект лингвистического исследования

Антонимия является одной из важнейших и типических семантических категорий языковой системы и выступает как лексическое средство выражения отношений противоположности в реальной действительности. Поясняя понятие противоположности, Аристотель указывал, что законченное различие возникает между вещами, «больше всего различающимися внутри одного и того же рода», именно видовые отличия образуют противоположности. Он утверждает, что «в одних случаях между противоположностями бывает что-то промежуточное (и человек, например, может быть и не хорошим, и не плохим), а в других – нет (необходимо же числу быть либо нечетным, либо четным)». Аристотель следующим образом констатирует связь отрицания и противоположности: «Совместное отрицание противлежащих друг другу вещей возможно тогда, когда

между ними имеется нечто промежуточное и некоторое естественное расстояние» [Аристотель 1975: 260–264]. Перечисленные выводы Аристотеля лежат в основе многих положений современной теории антонимии.

В современной лингвистике антонимия рассматривается как один из типов семантических отношений между единицами языка с противоположными значениями. Термин «антонимия» используется для обозначения фактов парного противопоставления антонимов; противопоставления ряда антонимических оппозиций; совокупности всех антонимических оппозиций в языке [Миллер 1985: 18]. В.Н. Комисаров, вводя термин «антонимичность» в лингвистический обиход, рассматривает его как «особую дополнительную характеристику лексического значения слова, подобную его эмоциональной или стилистической характеристике» [Комиссаров 1957: 54]. Е.Н. Миллер понимает антонимичность как «способность номинативной единицы иметь противоположное значение и вступать в антонимические отношения» [Миллер 1985: 18]. Предпосылкой появления антонимичности является «наличие качественного признака в значении слова, который может градировать и доходить до противоположного» [Реформатский 1996: 101], что находит отражение в определении антонимов Ю.С. Степанова: «антонимы – это слова, противоположные по сигнификативному значению» [Степанов 1975b: 28–29].

Лингвистика выработала разнообразные определения антонимов, которые условно сводятся к трем группам. К первой группе относятся определения антонимов, в которых отмечается только наличие противоположных значений. Такие определения предлагают авторы большинства учебников по общему языкознанию (Л.А. Булаховский, Б.Н. Головин, В.И. Кодухов, А.А. Реформатский и др.), называя антонимами слова с противоположными значениями. Ко второй группе относятся определения антонимов с указанием на и признаки различия и общий компонент в семантике слов. В трактовке Н.М. Шанского, например, антонимы – это слова, которые выражают противоположные, но соотносительные друг с другом понятия [Шанский 2007: 74]. Н.П. Колесникова также отмечает, что члены антонимических пар «противопоставляются друг другу в каком-либо одном

отношении» [Колесников 1972: 3]. Широко известно определение, предложенное Д.Н. Шмелевым: «Антонимами могут быть признаны слова, которые противопоставлены по самому общему и существенному для их значения семантическому признаку, причем они находятся на крайних точках соответствующей парадигмы» [Шмелев 2006: 131].

В третью группу входят определения, в которых указываются и противоположность значения, и характер парадигматических и синтагматических отношений антонимов. И.В. Арнольд дает детальное определение антонимов: это два или более слова одного и того же языка, принадлежащие одной части речи, одному и тому же семантическому полю, одинаковые по стилю и почти идентичные по контексту употребления, связанные и часто используемые вместе, их денотативные значения передают контрадикторные или контрарные понятия [Arnold 1986: 210]. В семантической концепции В.Н. Комиссарова антонимичность как характеристика значения слова соотносительна с его денотативным компонентом; взаимная противопоставленность, отраженная в значениях слов-антонимов, присуща самим словам и не зависит от конкретного контекста, поэтому синтагматические признаки антонимов представлены следующим образом: регулярное употребление в составе антонимичных контекстов и общность лексической сочетаемости [Комиссаров 1957: 58].

Исходя из отмеченных выше дефиниций антонимов, мы можем сформулировать следующие признаки антонимии: противоположность значений; общность частеречной природы и родовых признаков; сходство в лексической сочетаемости; регулярность противопоставления в речи. В данной работе будем придерживаться определения антонимов, данного Н.Б. Боевой с учетом языкового, психологического и логико-философского аспектов: «Антонимы – это полноточные слова с противоположным лексическим значением, обозначающие предельно различающиеся и ассоциативные, взаимосвязанные с точки зрения носителей определенного языка односущностные экстралингвистические реалии» [Боева 2000: 25].

Благодаря разработке метода компонентного анализа ученые уточняют

содержание лингвистического аспекта понятия «противоположность». Противоположность рассматривается как отношение максимальной семантической противопоставленности, обусловленное наличием в структуре этих значений одной взаимоисключающей дифференциальной семы при наличии одних и тех же интегральных сем. Как показывает семный анализ, семную структуру антонимов составляют общие интегральные лексико-грамматические, лексические семы и антонимичные дифференциальные семы. Среди вышеперечисленных сем общие интегральные семы служат основанием для сравнения в качестве показателя семантической общности антонимических единиц, а взаимоисключающие антонимичные семы, способствующие противопоставлению значений по самому общему и существенному для данных значений признаку, определяют диаметрально противоположность [Боева 2000: 21]. Аналогичное указание находим у М.В. Никитина, который использует термины «оппозитивы» и «контрастивы» для обозначения имен с противоположными значениями. Ученый отмечает, что значения оппозитивов при общей гиперсеме содержат гипосемы – противоположные признаки. По его мнению, противоположность – это не простое различие, а несовместимые однородные признаки, необходимым условием осуществления противоположности которых является общий родовой признак, называемый основанием видовых признаков [Никитин 2009: 98–99].

Таким образом, антонимами считаются слова, которые противопоставлены друг другу по каким-либо противоположным, полярным (положительным и отрицательным) компонентам значений, которые относятся к одному и тому же признаку (аспекту), к одной и той же семантической категории [Васильев 2009: 131].

В современной лингвистике классификации антонимов реализуются на различных основаниях. На основе степени антонимичности значений лингвисты выделяют 2 типа антонимов: полные и неполные. Исследуя типологию лексической оппозитивности, М.В. Никитин пишет, что антонимичными являются, во-первых, слова, лексические значения которых исчерпываются

противоположными семантическими признаками. Этот случай охватывает оппозиции признаков слов (прилагательных, глаголов, наречий) и их субстантивных транспозиций: *добрый – злой, добро – зло, дружить – враждовать, дружба – вражда*, которые представляют семантическую противоположность в наиболее чистом, полном и явном виде. Так как в семантике имен нет ничего общего понятия о едином основании, сами значения исчерпываются понятиями об оппозитивных признаках как взаимоисключающих проявлениях этого основания. Это прямая лексическая оппозитивность.

Во-вторых, оппозитивами считаются пары слов, лексическое значение которых не исчерпывается противоположными признаками, а содержит нечто сверх, т.е. значения слов должны содержать родовую часть (гиперсема), в то время как различающие их видовые части значения (гипосемы) должны исчерпываться противоположными признаками: *родитель – ребенок, храбрец – трус, друг – враг*. Ср. также: *храбрец – тот (гиперсема), кто храбр (гипосема); трус – тот (гиперсема), кто труслив (гипосема)*. В этой связи М.В. Никитин утверждает, что чем богаче содержание общей части в значении имен с оппозитивными гипосемами, тем менее резок их семантический контраст: *мужчина – женщина, блондин – брюнет*.

В-третьих, если противоположные признаки никак не исчерпывают ни всего значения слов, ни их гипосем (видовых, дифференциальных признаков), а составляют только часть гипосем или относятся к коннотационной периферии семантики слов, то такие слова не составляют семантической противоположности один другому: *река – ручей*, это косвенная противоположность. Лексические оппозиции такого рода либо узуальные, либо окказиональные, например, *земля – небо, кошка – собака, ангел – дьявол* [Никитин 2009: 111–113].

Ю.Д. Апресян указывает на зависимость степени семантической однородности антонимов от ступени семантического разложения: чем выше ступень, на которой проявляется антонимичность лексем, тем выше их семантическая однородность. И, наоборот, если антонимическое различие проявляется на последних ступенях семантического разложения, возрастает

вероятность того, что мы имеем дело с окказиональными антонимами. [Апресян 1995а: 288–299]. На основе дефиниционного анализа словарных определений лексем и компонентного анализа семантической структуры слова, М.Л. Кусова отмечает то, что в семной структуре слова противоположность может иметь различный статус, она может связана и с категориально-лексическими, и с дифференциальными компонентами [Кусова 1997; 1998].

На основе компонентного анализа значения Ю.Д. Апресян выделяет некоторые основные типы антонимов: антонимия типа «начинать – переставать», «действие – уничтожение результата действия», «Р – не Р», «больше – меньше», «прежде – теперь» и ряд других [Апресян 1995а: 288–299].

Признавая, что члены антонимической пары характеризуются наличием определенного набора архи- и дифференциальных сем, на основании анализа дифференциальных сем Н.Л. Соколова создает классификации антонимов по отношению к оппозициям. Антонимические пары, в которых один из членов характеризуется наличием, а другой – отсутствием какого-либо признака (*decisive* – *indecisive*), относятся к привативным оппозициям. Антонимы, члены которых характеризуются различной степенью обладания одним и тем же признаком (*many* – *few*), составляют градуальные оппозиции. Логически равноправные антонимы образуют эквиполентные оппозиции (*start* – *finish*, *ask* – *answer*) [Соколова 1977: 61–62].

Интегративное семантическое поле ДОБРОТА ↔ ЗЛОБА представляет собой комплексную лексическую суперпарадигму высшего уровня иерархии, которая формирует свою структуру на антонимической оппозиции. В зависимости от суперклассификаторов данное комплексное семантическое поле разделяется на микрополя, состоящие из лексико-семантических групп нижерасположенного уровня иерархии, которые связаны между собой отношениями противоположности и в которых присутствуют соответствующие слова-антонимы. Ю.В. Федосов справедливо отмечает, что «антонимия в таких объединениях стоит на первом месте» [Федосов 2002: 3]. Подобные микрополя основаны на антонимической оппозиции, а составляющие их слова включают в свое значение

следующие семантические признаки: во-первых, объединительные (суперклассификаторы), отражающие общие компоненты значения для всех слов микрополя, например, 'человек', 'качество характера' и др. Во-вторых, противоположные признаки в статусе категориально-лексической семы, указывающие на противоположность между двумя группами: 'доброта' и 'злоба'; в-третьих, дифференцирующие, выражающие различие между словами в каждой группе. В связи с этим алгоритм описания семантики антонимически соотносительных ЛСГ выглядит следующим образом: 1) выявление и определение типовой семантики каждой из противопоставленных друг другу групп слов с опорой на базовый идентификатор и оппозитивный признак (*доброта* ↔ *злоба*), которая отражает тождество слов одной группы; 2) выявление индивидуальной семантики каждой из лексем, входящих в группу, с учетом дифференциальных признаков, отображающих семантические различия [Цуй, Бабенко 2019: 314–315].

Степень представленности антонимов в составе различных семантически противоположных ЛСГ, по утверждению Л.А. Введенской, зависит от ряда факторов: объема лексико-семантических групп, характера смысловых различий слов каждой ЛСГ, эмоционально-оценочной характеристики и дистрибуции слов с соотносительно противоположными значениями [Введенская 1995: 456]. Мы обнаруживаем, чем больше лексических единиц в группах и меньше смысловых различий между словами, тем продуктивнее ЛСГ в антонимическом отношении. Таким образом, антонимами считаются принадлежащие определенному семантическому полю слова, которые объединены общим интегрирующим признаком и противопоставлены по сигнификативному компоненту. Их степень антонимичности зависит от ступени семантической противоположности и количества взаимоисключающих антонимичных компонентов: чем выше ступень, на которой проявляется антонимичность слов, и больше антонимичных дифференцирующих компонентов, тем полнее их семантическая противоположность. Отношения противоположности в интегральном семантическом поле воплощаются в различных по рангу совокупностях лексических единиц: противопоставленных подполях ДОБРОТА и ЗЛОБА,

антонимически соотносительных лексико-семантических группах и лексических оппозициях, состоящих из двух слов, входящих в состав ЛСТ.

Выводы по первой главе

1. Значение лексических единиц как элемент семантической системы языка обладает сложной иерархической структурой и характеризуется многокомпонентностью. Семная семасиология изучает лексическое значение слов путем последовательного описания их на семных уровнях. В практике описания семантики слова членение семемы на семы зависит от ряда факторов: исходных теоретических позиций ученых, их подходов, целей и материала исследования. Иерархическая структура значения обусловлена наличием в ней последовательного подчинения семантических компонентов разного уровня абстракции, которые также различаются ролью в структуре семемы. По возрастанию степени конкретности в структуре семемы присутствует иерархия семантических компонентов: категориально-грамматическая сема (КГС) как самая общая сема (сема 'действие' в глаголах, сема 'признак' в прилагательных, сема 'предмет' в существительных), которой подчинены все другие семы; лексико-грамматическая сема (ЛГС), которая присутствует в лексических значениях одной части речи, но не является одинаковым для всех этих слов (сема 'качественность', 'относительность'); категориально-лексическая сема (КЛС), которая является важнейшей в организации лексического значения слов и их классификации; дифференциальная сема (ДС), которая уточняет категориально-лексическую сему и создает индивидуальность слов, дифференцирует их. В этой связи, по мнению Э.В. Кузнецовой, иерархическая структура семемы представляет собой единство категориально-грамматической, лексико-грамматической, категориально-лексической и дифференциальных сем, связанных отношениями уточнения. Именно такая иерархия семантических компонентов в структуре семемы обуславливает иерархию значений лексических

единиц и системную организацию языка.

2. Аспектно-структурный анализ посредством вычленения семантических аспектов в структуре значения способствует всестороннему и точному описанию семантики слова, эффективному сопоставлению семантически близких значений, а также установлению парадигматических отношений между словами. Этот подход позволяет обобщить информацию о совокупности семантических компонентов единиц в составе семантического поля, которые составляют определенное семное пространство языка, что является важным для выяснения особенностей репрезентации соответственной денотативной отнесенности в языковом сознании.

3. Полевой подход к семантике слова, воплощающий в себе принцип организации структуры семемы «ядро – периферия», позволяет адекватно описать структуру лексического значения в единстве всех его компонентов – как ядерных, так и периферийных, что выявляет яркие и существенные компоненты для определенного семного пространства.

4. В рамках семной семасиологии использован комплекс различных методов для выявления семантических компонентов разных типов в значении слов, например, рефлексивный анализ семного состава слова, компонентный анализ значения, анализ словарных дефиниций, метод семной интерпретации и др. Это дает возможность наиболее адекватно и полно представить содержание значения, максимально приближенное к реальному языковому сознанию.

В качестве метаязыка семантического описания применяется естественный язык, обладающий неограниченной описательной силой для отражения семантики любых языковых единиц. Наличие различных метаязыковых формулировок одних и тех же единиц оказывается неизбежным при описании их семантики на естественном семантическом метаязыке и предполагает унификацию метаязыка описания. При этом результаты семантического описания подчиняются принципу дополнительности.

5. Семантическое поле выступает как способ вычленения системы лексики, отраженной в сознании носителя языка, и рассматривается как компонент

языковой картины мира, структуры конкретного языка с учета его культурного и национального своеобразия. Структура семантического поля и значения слова изоморфны: организованы иерархически и по полемому принципу. Семантическое поле как единица высшего порядка лексико-семантической системы языка включает в себя такие единицы низшего порядка, как лексико-семантические группы, антонимы, синонимы и другие парадигмы. Наличие однотипных и повторяющихся сем делает слова в пределах семантического поля связанными между собой определенными оппозициями: привативными и эквиполентными. Учет парадигматических отношений между словами позволяет определить сущности и функции семантических компонентов в структуре значения и выявить особенности организации различных лексических парадигм.

Интегративное семантическое поле ДОБРОТА ↔ ЗЛОБА основано на антонимической оппозиции и обладает особой иерархической и параллельно организованной структурой. Сопоставление семантических компонентов в структуре значения слов, относящихся к противопоставленным подполям ДОБРОТА и ЗЛОБА в разных языках, и установление антонимических отношений между словами дают возможность выявить специфику репрезентации доброты и злобы в лексике разных языков, обнаружить особенности категоризации эмоций доброты и злобы в семантической системе языка и выяснить антонимическую соотносительность между добротой и злобой в языковом сознании разных национальностей.

Глава 2. Грамматическая и семантическая категоризация лексики доброты в китайском и русском языках

Цель главы – проанализировать грамматические классификации и семантические интерпретации лексических единиц в семантическом подполе ДОБРОТА, обнаружить особенности репрезентации доброты в различных частеречных множествах в китайском и русском языках.

2.1. Статистическое описание лексики доброты в китайском и русском языках

В китайском языке семантическое подполе ДОБРОТА составляют 129 слов, а в русском языке – 85 слов.

Количество китайских существительных (59 ЛСВ) с семантикой доброты больше количества русских существительных (36 ЛСВ) на 39%. В ходе исследования установлено, что классы существительных в двух языках характеризуются неоднородностью состава: в зависимости от категориально-лексических сем асимметрично выделяется разные лексико-семантические группы.

В русском языке в подполе ДОБРОТА выделяются 4 ЛСГ существительных, которые различаются в количественном соотношении: «Доброта как качество характера» (33%), «Доброе отношение к окружающим» (31%), «Человек как носитель доброты» (28%), «Действие, характеризующееся добротой» (8%).

В китайском языке кроме этих 4 общих ЛСГ еще выделяется 3 малочисленные подгруппы. С учетом частотности в классе существительных присутствует иерархия совпадающих ЛСГ: «Человек как носитель доброты» (35%), «Качество характера ‘доброта’» (24%), «Действие, характеризующееся добротой» (17%), «Доброе отношение к окружающим» (12%). Выделены 3

специфические подгруппы существительных в китайском языке: «Речь, характеризующаяся добротой» (7%), «Воздействие добра» (3%), «Доброе выражение лица» (2%).

Классы прилагательных подполя ДОБРОТА в китайском и русском языках имеют сходное количественное наполнение (39 ЛСВ, 36 ЛСВ) и характеризуются однородностью состава. В них выделяется 3 ЛСГ прилагательных: «Характеризующий качество характера 'доброта'», «Характеризующий доброе отношение к окружающим» и «Внешне выражающий доброту», которые по составу лексических репрезентаций пересекаются друг с другом и различаются в количественном соотношении. В классе китайских прилагательных с семантикой доброты основное место занимает ЛСГ «Характеризующий качество характера 'доброта'» (67%), которая в процентном соотношении значительно превосходит «Характеризующий доброе отношение к окружающим» (30%), а ЛСГ «Внешне выражающий доброту» (15%) по составу лексических репрезентаций пересекается с другими двумя группами. В русском языке класс прилагательных в подполе ДОБРОТА в основном состоит из 2 ЛСГ «Характеризующий качество характера 'доброта'» (47%) и «Характеризующий доброе отношение к окружающим» (53%), а ЛСГ «Внешне выражающий доброту» (30%) пересекается с данными группами.

Китайские глаголы с семантикой доброты (31 ЛСВ) в два раза больше, чем русских глаголов с семантикой доброты (13 ЛСВ). Доброта в глагольной лексике двух языков отображается в разнообразных ракурсах, передается как действие (行善 'совершать добрые дела'; благотворить), становление доброго характера (向善 'становиться добрым, великодушным и бесхитростным'; добреть), так и проявление отношения к окружающим (善待 'добродушно и дружелюбно относиться к кому-либо'; благоволить).

2.2. Существительные, репрезентирующие доброту

2.2.1. Существительные, репрезентирующие доброту, в китайском языке

Приоритет в изображении доброты в китайском языке принадлежит существительным (46%), за ними следуют прилагательные (30%) и глаголы (24%). Методом сплошной выборки из Большого словаря современного китайского языка под ред. Гун Сюешэн выделено 59 существительных, словарные дефиниции которых содержат указание на номинацию доброты и тесно связанные с ней понятия. В зависимости от категориально-лексической семы выделяются 4 лексико-семантической группы и 3 подгруппы, которые отображают доброту в разных ракурсах и имеют различное количественное наполнение в составе класса существительных в подполе ДОБРОТА.

По нашим данным, существительные, репрезентирующие доброту, во-первых, называют человека как носителя доброты (35%) и качество характера 'доброта' (24%), во-вторых, обозначают доброе действие (17%), эмоциональное отношение человека к окружающим (12%), в-третьих, выражают доброту в речи (7%), обозначают доброе выражение лица (2%) и положительные результаты добрых поступков (3%).

Углубленный компонентный анализ слов в лексико-семантической группе позволил выявить ее семантический комплекс и обнаружить специфические семантические компоненты в структуре значения слов при отображении доброты в китайской субстантивной лексике. Анализ внутрисемейной синтагматики и лексической репрезентации семантических компонентов в словарных дефинициях позволил обнаружить семантические модели искомых слов и совмещенные смыслы в процессе выражения качества доброты.

ЛСГ «Человек как носитель качества доброты»

ЛСГ «Человек как носитель качества доброты» (21 ЛСВ, 35% от всех существительных в подполе ДОБРОТА) имеет семантический комплекс, включающий в себя КЛС 'человек' и набор ДС: 'определимость', 'степень качества', 'поступок', 'объект действия', 'образ действия', 'средство действия',

‘обстоятельство’.

Анализ внутреннего синтаксиса существительных данной группы позволил обнаружить, что слова характеризуют человека как воплощение доброты в двух аспектах: внутренние качества человека: эмоциональные, интеллектуальные, моральные качества и внешнее поведение. Например, 善心人士 ‘человек, склонный к отзывчивости, с радостью, охотно помогающий другим’. В данной словарной дефиниции есть репрезентант ‘склонный к отзывчивости’, который указывает на внутреннее качество человека, и репрезентант ‘помогающий другим’, отмечающий проявление этого качества в поведении, направленном на других.

Сема ‘определительность’ в структуре значения слова уточняет категориально-лексическую сему ‘человек’. В словарной дефиниции слов этой группы она репрезентируется качественными прилагательными и существительными. Например, 贤良 ‘добродетельный и мудрый человек’, 善心人士 ‘человек, склонный к **отзывчивости** ...’. Анализ лексических репрезентантов данного семантического компонента обнаруживает комплекс качеств человека, характеризующих человека как носителя доброты. Анализ выявил следующий набор качеств, совмещенных с качеством доброты: честность, справедливость, преданность, великодушие, отзывчивость, сострадание, человеколюбие, кротость, почтительность, мудрость, талант, бесхитростность и нравственность. При этом регулярно наблюдаются следующие варианты совмещения доброты с другими психолого-интеллектуальными качествами человека: 1) доброта + этические качества характера, близкие по тональности качеству доброты (*честность + справедливость*) (好人); 2) доброта + сопутствующие эмоциональные качества (*сострадание*) (善人); 3) доброта + интеллектуальные качества (*мудрость*) (贤良); 4) доброта + моральные качества (*мораль + великодушие + отзывчивость + честность + справедливость*) (仁人志士). Данные варианты тесно взаимодействуют, присутствуя в семной структуре анализируемой лексики.

Сема ‘степень качества’ конкретизирует изображаемые качества в аспекте

их проявления, например: 忠良 ‘добродетельный, мудрый и **крайне преданный человек**’; 菩薩 ‘добрый, сострадательный человек, отличающийся **большим человеколюбием**’.

Лексическими репрезентантами субъектной семы – ‘человек’ являются конкретные номинации человека с указанием на его количественные, половые, возрастные и родственные признаки: люди, женщина, сын, потомки. Например, 善类 ‘**добрые люди**’; 闺秀 ‘**добрая, великодушная, кроткая, добродетельная и талантливая женщина**’; 孝子贤孙 ‘**почтительные и добродетельные потомки**’.

Сема ‘поступок’ в словарной дефиниции репрезентируется глаголом и отображает типичное поведение доброго человека: совершение добра, оказание помощи, уход за родителями, соблюдение нормы сыновней почтительности. Данная значимая сема в структуре значений слов уточняется в следующих аспектах: образа действия, средства действия, обстоятельств осуществления действия, его субъекта и объекта.

Сема ‘образ действия’ в словарной дефиниции репрезентируется наречием, обозначая частотность и образ выполнения действия (*часто, тщательно, строго*), внутреннее эмоциональное состояние и желание человека, наблюдаемые при совершении действия (*радостно, страстно, охотно, активно*). Например, 善人 ‘**добрый, сострадательный человек, который часто совершает добро**’; 孝子贤孙 ‘**потомки с добрым поведением, способные содержать и ухаживать за родителями и старшими родственниками, тщательно и строго соблюдать нормы сыновней почтительности**’; 善心人士 ‘человек, склонный к отзывчивости, который **радостно** помогает другим’; 仁人君子 ‘**добродетельный и великодушный человек, который охотно и активно помогает другим**’.

Сема ‘средство действия’ конкретизирует способы оказания помощи, то, как и с помощью чего добрый человек помогает другим, часто отдавая им свое имущество, деньги. Например, 菩薩 ‘о добром, сострадательном человеке,

отличающемся большим человеколюбием, охотно совершающем добро и с радостью помогающем бедным **деньгами и имуществом**'.

Сема 'обстоятельство' характеризует ситуацию, когда происходит оказание помощи, например, 救世主 'о человеке, который помогает народу выйти из **трудных обстоятельств**'.

Объекта действия выражают лексические репрезентанты, указывающие на неопределенное лицо (другой), совокупность людей (народ, бедные, пострадавшие, несчастные), родственников (родители, старшие родственники). См. выше приведенные дефиниции слов 菩萨, 救世主, 孝子贤孙.

Семантический анализ существительных, относящихся к ЛСГ «Человек как носитель качества доброты» позволил выявить 2 основные семантические модели слов: 1) КЛС 'человек' + ДС 'определительность' + 'степень качества'; 2) КЛС 'человек' + ДС 'поступок' + 'объект действия' + 'образ действия' + 'средство действия' + 'обстоятельство'. Данные модели могут сочетаться в структуре семемы.

В собственно-определительном аспекте КЛС 'человек' характеризуется различными качествами характера, близкими по тональности к качеству доброты: в том числе, эмоциональными, интеллектуальными и моральными, которые порождают комплексный характер семантики слов этой группы. Отображаемое качество человека может характеризоваться сильной степенью, как в слове 忠良 '**крайне преданный человек**'.

Основная дифференциальная сема 'поступок' характеризуется в определительно-обстоятельственных аспектах: образ действия, средство, обстоятельство и объект действия. При этом в сознании носителей китайского языка доброта воплощается в следующем поведении: частое совершение добра; охотное и активное оказание помощи; усердный уход за родителями и строгое соблюдение сыновней почтительности: 善人 'добрый человек, часто совершающий добро'; 孝子贤孙 почтительные потомки с добрым поведением.

Субъектная сема в дефинициях слов данной ЛСГ репрезентируется

разнообразно, обозначая человека с актуализацией различительных признаков: половых, количественных, возрастных, родственных: *женщина, множество людей, сын, дочь, потомки*.

ЛСГ «Доброта как качество характера»

ЛСГ «Доброта как качество характера» (14 ЛСВ, 24%) имеет семантический комплекс, состоящий из КЛС 'качество характера' и набора ДС: 'определительность', 'естественность', 'субъектность', 'необнаружение', 'поступок', 'образ действия', 'объект действия'. Носителями семантического компонента 'качество человека' являются морфемы '德' '*внутреннее качество характера*', '心' '*сердце*' и '心肠' '*душа*'. Качество доброты в данной группе изображается как эмоциональное качество по отношению к другим и отображается в поведении человека. Например, 慈悲 '*доброе сердце, отличающееся отзывчивостью, сострадательным отношением к кому-либо*'. 热心肠 '*качество характера, проявляющееся в готовности активно, охотно, радостно помочь другим*'. В этих словарных дефинициях есть репрезентанты, обозначающие проявление сострадательного отношения к окружающим и оказание помощи нуждающимся, в которых воплощается качество доброты.

Сема 'определительность' в словарной дефиниции слов этой группы репрезентируется прилагательным и существительным и выражает комплексные эмоциональные и этические качества, сопутствующие основному качеству доброты в семантике слов. Так, в лексическом значении слов реализуются следующие варианты совмещения доброты с другими различными качествами: доброта + честность + искренность (至性), доброта + кротость + добродетель (懿德), доброта + отзывчивость + сострадание (善心), доброта + великодушие + отзывчивость (菩萨心肠), доброта + справедливость + великодушие + отзывчивость + любовь (仁义).

Сема 'естественность' подчеркивает врожденность определяемого качества человека, например, 天良 '*доброе, сострадательное сердце от природы*', 至性 '*честное, искреннее и доброе качество характера от природы*'.

Сема ‘необнаружение’ выражает ⁶⁴глубоко скрываемое, тайное качество человека, не проявляющееся внешне. Например, 阴德 ‘*доброе качество и поведение, не обнаруженное людьми*’.

Сема ‘субъектность’ в семной структуре слов, отображающих качество доброты, большей частью обозначает человека обобщенно, а также обозначает человека с указанием на конкретный пол (женский), подчеркивая наличие определенных эмоциональных качеств, свойственных женщине. Например, 懿德 ‘*совокупность кротости, добродетельности и доброты как качество характера женщины*’.

Семы ‘поступок’ и ‘образ действия’ образуют определительно-обстоятельственную цепочку, обозначающую охотное и активное оказание субъектной помощи кому-либо, которое отражает доброе качество человека (см. дефиницию слова 热心肠 ‘*качество характера, проявляющееся в готовности активно, охотно, с радостью помочь другим*’).

Объектом, на которого направлено доброе эмоциональное отношение и/ или поведение, выступает неопределенное лицо.

Итак, качество доброты (о человеке) в субстантивной лексике отличается комплексностью семантики, в которой совмещаются различные эмоциональные и этические качества. Комплексное качество доброты также характеризуется его врожденностью, степенью узнаваемости и принадлежностью только женщине.

ЛСГ «Действие, характеризующееся добротой»

ЛСГ «Действие, характеризующееся добротой» (10 ЛСВ, 17%) имеет семантический комплекс, состоящий из КЛС ‘поведение’ и набора ДС: ‘определительность’, ‘оценка’, ‘причина’, ‘объект действия’, ‘цель действия’.

Носителями семантического компонента ‘поведение’ являются морфемы ‘行’ ‘поведение’, ‘举’ ‘поступок’, ‘事’ ‘дело’. Сема ‘определительность’ в дефиниции слов репрезентируется прилагательными, характеризующими поведение следующими признаками: *добрый, благотворительный*. Например, 善事 ‘*доброе дело*’, 善举 ‘*благотворительный поступок*’.

Сема ‘оценка’ в дефиниции слов этой группы репрезентируется оценочным прилагательным и выражает положительную оценку определяемого данным словом поведения, например, 懿行 ‘*добрый и прекрасный поступок*’.

Сема ‘причина действия’ в семантике слова выражает свернутое причинно-следственное отношение. Например, в слове 慈善事业 ‘*деятельность по оказанию материальной помощи несчастным из милосердия*’ фиксируется ситуация, когда качество милосердия является причиной осуществления доброго действия – оказания помощи несчастным.

Объектом действия выступают или несчастные люди, которым направляется материальная помощь, или родители, старшие родственники, за которыми ухаживают их дети: 孝行 ‘*поведение, заключающееся в усердном уходе за родителями и старшими родственниками и содержании их*’.

Сема ‘цель действия’ присутствует в структуре слов, которые обозначают действие, связанное с благотворительностью, например, 义唱 ‘*спектакль, устроенный с целью собрать средства на благотворительность*’, 善款 ‘*денежные средства, собранные для благотворительности*’, 善堂 ‘*специализированная организация, созданная с целью заниматься благотворительной деятельностью*’. При этом благотворительность в качестве воплощения доброты является целью действий, обозначаемых словами разных денотативных сфер.

Итак, качество доброты в сфере социальной деятельности, во-первых, отображается как благой поступок, заключающийся в оказании материальной помощи (慈善事业 *благотворительность*); во-вторых, изображается как направленные на благотворительность средства (善款), мероприятия (义唱) и организации (善堂), занимающиеся благотворительностью; в-третьих, воплощается в содержании и уходе за родителями (孝行).

Подгруппа «Воздействие добра»

Подгруппа «Воздействие добра» (2 ЛСВ, 3%) имеет семантический комплекс: интегральная сема ‘воздействие добра’ и дифференциальные семы:

‘оценка’, ‘причина’, ‘темпоральность’, ‘поступок’. При этом в семантике слова передаются причинно-следственные и временные отношения и фиксируется ситуация, когда благодаря добрым поступкам достигнуты хорошие результаты. Например, 善果 *‘хорошее воздаяние за **прежние** совершенные добрые поступки’*.

ЛСГ «Доброе отношение к окружающим»

ЛСГ «Доброе отношение к окружающим» (7 ЛСВ, 12%) включает существительные, обозначающие внешнее проявление доброты. В состав ее семантического комплекса входят КЛС ‘доброе отношение к кому-либо’ и набор ДС: ‘определительность’, ‘оценка’, ‘субъект отношения’, ‘объект проявления доброго отношения’.

Категориально-лексическая сема ‘доброе отношение’ в дефиниции слов передается лексическими репрезентантами: ‘心意’ ‘*намерение*’, ‘态度’ ‘*отношение*’. Семантические признаки определительного аспекта наделяют отображаемое отношение следующими эмоциональными качествами: доброжелательность, дружелюбие, кротость, великодушие, забота, отзывчивость, близость, почтительность. Например, 好脸 *‘доброжелательное, дружелюбное, кроткое отношение к кому-либо’*; 睦誼 *‘дружба, основанная на **дружелюбном, близком и доброжелательном** отношении’*.

Сема ‘оценка’ в семантике слова дает и положительную, и отрицательную оценку обозначаемого словом отношения к кому-либо. 好意 *‘доброе и **хорошее** пожелание’*, 假仁假义 *‘**притворные** добрые намерения’*. В данных словарных дефинициях есть репрезентант ‘хорошее’, который указывает на прямую положительную оценку, и репрезентант ‘притворные’, отмечающий отрицательную оценку с указанием на неискренность отношения к кому-либо.

Субъекта и объекта доброго отношения выражают лексические репрезентанты, указывающие на неопределенное лицо (кто-либо), представителей определенного поколения (*старшее, младшее поколение, родители и старшие родственники*). В данной группе наблюдается ситуация,

когда субъект доброго отношения в семантике одного слова может выступать объектом отношения в другом слове, а в данном слове субъект отношения является объектом отношения в семантике первого слова. Например, старшее поколение в качестве субъекта доброго отношения в слове 慈爱 (*‘великодушное, заботливое, доброе и отзывчивое отношение старшего поколения к младшему’*) выступает как объект отношения в слове 孝心 (*‘почтительное отношение к родителям и старшим родственникам’*), в последнем случае субъектом отношения выступает младшее поколение, которое является объектом отношения в семантике слов 慈爱.

В этой группе доброе отношение изображается как комплекс эмоций и чувств, близких по тональности к доброте, в котором реализуются варианты совмещения доброты с другими различными эмоциональными качествами: доброжелательность + дружелюбие + кротость (好脸), доброжелательность + дружелюбие + близость (睦谊), доброта + великодушие + забота + отзывчивость (慈爱). Оценочные семантические компоненты в семантике слов обозначают и положительную (хорошее), и отрицательную (притворное) оценку отображаемого доброго отношения к кому-либо. Лексические репрезентанты субъектной и объектной сем представляют собой и обобщенную номинацию человека (кто-либо), и номинации человека разных поколений (старшие, младшие, родители, дети).

В китайской субстантивной лексике внешнее проявление доброты также изображается в сопряжении с речевой деятельностью и в выражении лица. Поэтому в этой группе выделяются следующие подгруппы слов.

Подгруппа «Речь, характеризующаяся добротой»

Подгруппа «Речь, характеризующаяся добротой» (4 ЛСВ, 7%) имеет простой по составу семантический комплекс: интегральная сема ‘речь’ и дифференциальные семы: ‘определительность’, ‘оценка’. В речевой деятельности качество доброты отображается в следующих аспектах: содержание речи, выражаемые эмоции в речи и ее воздействие. Во-первых, содержание речи

соответствует нормам добра, например, 良心话 *‘речь, соответствующая справедливости и этическим нормам добра и зла’*; во-вторых, речь выражает добрые эмоции, 好言好语 *‘слова, выражающие доброжелательность, дружелюбие, кротость’*; в-третьих, речь оказывает положительное воздействие, 善言 *‘добрые и полезные слова’*.

Подгруппа «Доброе выражение лица»

Доброта отображается как комплексное эмоциональное выражение лица, например, 慈眉善目 *‘доброе выражение лица, выражающее приветливость, кротость, великодушие и любовь’*.

Итак, доброта в китайской субстантивной лексике отображается в разнообразных ракурсах: акцент делается на человеке как воплощении доброты (35%), качестве доброты человека (24%), внешнем доброжелательном отношении к окружающим (21%) и основанной на желании добра социальной деятельности (20%).

Анализ семных структур существительных с семантикой доброты позволил обнаружить то, что категориально-лексические семы конкретизируются прежде всего семантическими признаками в определительном аспекте. При этом в семантике анализируемых китайских существительных доброта отображается в комплексе с другими близкими по тональности эмоциональными, интеллектуальными, этическими и моральными качествами. Субъектная и объектная семы в дефинициях слов репрезентируются достаточно разнообразно, обозначая человека с указанием его отличительных признаков: *половых, возрастных, родственных, количественных*. Анализируемые слова в своем значении имеют специфические компоненты, указывающие на врожденность и необнаружение качества доброты, на притворство доброжелательного отношения, на благотворительность цели доброго действия и др.

2.2.2. Существительные, репрезентирующие доброту, в русском языке

При выделении класс существительных подполя ДОБРОТА в русском языке мы опирались на Большой толковый словарь русских существительных под ред. Л. Г. Бабенко, Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова. В данном классе было выделено 36 существительных, содержащих эмоциональный компонент 'доброта' или тесно связанный с ним компонент. С учетом типа категориально-лексических сем данные существительные распределяются по 4 лексико-семантическим группам, различающимся в количественной представленности: ЛСГ «Доброта как качество характера» (33%), ЛСГ «Доброе отношение к окружающим» (31%), ЛСГ «Человек как носитель доброты» (28%), ЛСГ «Действие, характеризующееся добротой» (8%). Далее мы подробно рассмотрим состав семантических комплексов каждой ЛСГ и лексические репрезентации отдельных дифференциальных сем с целью выявить закономерности репрезентации доброты в русской субстантивной лексике.

ЛСГ «Доброта как качество характера»

ЛСГ «Доброта как качество характера» (12 ЛСВ, 33% от общего числа русских существительных с семантикой доброты) имеет семантический комплекс, состоящий из КЛС 'качество характера' и набора ДС: 'определительность', 'отсутствие злобы', 'оценка', 'объект проявления отношения', 'поступок', 'причина действия'. Качество характера 'доброта' в этой группе отображается в эмоциональном отношении к другим, а также во внешнем поведении человека, изображается и как этическое качество. Например, милосердие '*качество характера, проявляющееся в готовности оказать помощь, проявить снисхождение из сострадания, человеколюбия*' [БТСРС]. В данной словарной дефиниции есть репрезентант 'оказать помощь', отмечающий проявление обозначаемого качества в поведении, и репрезентант 'проявить снисхождение из сострадания, человеколюбия', указывающий на ряд эмоциональных качеств, проявляемых по отношению к другим, связанных причинно-следственными отношениями.

Сема 'определительность' в словарной дефиниции слов репрезентируется прилагательными и существительными, которые обозначают различные эмоциональные и этические качества, связанные и совмещенные с качеством доброты: отзывчивость, душевность, теплота, расположение, мягкость, доброжелательность, снисхождение, сострадание, человеколюбие, искренность, уступчивость, бескорыстие, нравственность, чистота. Например, незлобивость '*свойство характера, заключающееся в доброжелательном отношении к окружающим, уступчивости*' [БТСРС]; душевность '*качество характера, проявляющееся в искренности, доброте по отношению к кому-то*' [БТСРС].

Сема 'отсутствие злобы' в семной структуре указывает на отсутствие противоположных по отношению к доброте качеств, и в словарной дефиниции отображается сочетаниями 'отсутствие + имя эмоций в родительном падеже' и 'неспособность + эмотивный глагол в инфинитиве', которые обозначают отсутствие злобных качеств (*злоба, неприязнь, злопамятство*) и действий (*сердиться*). Например, доброта '*качество характера, заключающееся в <...> отсутствии злобы и неприязни*' [БТСРС], беззлобие '*качество характера, проявляющееся в неспособности сердиться*' [БТСРС]. С учетом семантических признаков определительного аспекта в лексическом значении слов, обозначающих качество доброты, регулярно выявляются следующие варианты совмещения эмоциональных и этических качеств: доброта + искренность (*душевность*); доброжелательность + доброта + искренность (*благодушие*); доброжелательность + неспособность сердиться (*беззлобие*); доброжелательность + уступчивость (*незлобивость, кротость*); уступчивость + снисходительность + бескорыстие + отсутствие злопамятства (*великодушие*); отзывчивость + душевность + теплота + отсутствие злобы и неприязни (*доброта, добросердечие, добродушие*), отзывчивость + теплота + расположение + отсутствие злобы и неприязни (*добродушие*); отзывчивость + душевность + теплота + расположение + мягкость + отсутствие злобы и неприязни (*мягкосердечие*); нравственность + чистота (*добродетель*).

Сема 'оценка' в словарной дефиниции слов репрезентируется оценочными

прилагательными, которые обозначают положительную оценку отображаемых этических качеств: *высокий, положительный*. Например, добродетель *‘положительное моральное качество человека, высокая нравственность, моральная чистота’* [БТСРС].

Сема ‘поступок’ в словарной дефиниции репрезентируется глагольно-именным оборотом, указывающим типичное поведение, в котором проявляется качество доброты: оказание помощи и самопожертвование. Например, великодушие *‘свойство характера, выражающееся в способности жертвовать своими интересами’* [БТСРС].

Сема ‘причина действия’, являясь дифференциальной эмотивно-причинной семой, в семной структуре слова *милосердие* конкретизирует причину выполнения доброго действия и репрезентируется эмотивным предложно-падежным сочетанием ‘из + имя эмоций в родительном падеже’, например, *‘качество характера, проявляющееся в готовности оказать помощь, проявить снисхождение из сострадания, человеколюбия’* [БТСРС]. В этом слове передаются причинно-следственные отношения и фиксируется ситуация, когда наличие добрых эмоциональных качеств (сострадание, человеколюбие) является причиной оказания помощи и проявления снисходительного отношения к кому-либо.

Лексические репрезентанты семы ‘объект проявления эмоционального отношения’ в словарной дефиниции слов этой группы обозначают не просто неопределенное лицо, но и жизненные обстоятельства. Например, благодушие *‘качество характера, заключающееся в доброжелательном отношении к жизненным обстоятельствам, к людям’* [БТСРС].

Итак, качество доброты в русской субстантивной лексике преимущественно репрезентируется в проявлении эмоционального отношения к окружающим людям, жизненным обстоятельствам и поведению, направленном на других. Оно также отображается как комплекс эмоциональных качеств, связанных причинно-следственными отношениями.

ЛСГ «Доброе отношение к окружающим»

ЛСГ «Доброе отношение к окружающим» (11 ЛСВ, 31%) включает в себя существительные, обозначающие внешнее проявление добрых эмоций. В ее семантический комплекс входят КЛС 'доброе отношение к кому-либо' и набор ДС: 'определительность', 'оценка', 'степень качества', 'поступок', 'объект проявления отношения'. Доброе отношение изображается как проявляемые комплексные чувства по отношению к другим и готовность выполнить определенное действие, направленное на других.

Семантические признаки определительного аспекта выражают различные эмоции, чувства человека по отношению к другим: доброжелательность, дружелюбие, расположение, тяготение, влечение, сердечность, сочувствие, отзывчивость, участие, любовь, великодушие. Например, симпатия *'благожелательное отношение к кому-либо, чему-либо, чувство влечения, внутреннего тяготения, расположения к кому-либо, чему-либо'* [БТСРС].

Сема 'оценка' в словарной дефиниции репрезентируется оценочным прилагательным, выражающим положительную оценку отображаемого отношения к кому-либо: хороший, благоприятный, добрый. Например, расположение *'хорошее, благоприятное отношение, доброе чувство, испытываемое кому-либо, внутреннее тяготение к кому-либо'* [БТСРС].

Сема 'степень качества' в словарной дефиниции репрезентируется прилагательным, обозначающим сильную степень проявляемых чувств, например, человеколюбие *'чувство безграничной любви к человечеству, к людям'* [БТСРС].

Лексические репрезентанты семы 'поступок' обозначают желание оказания помощи, который является типичным проявлением доброты по отношению к другим.

Объектом проявления доброго отношения выступает и неопределенное лицо (*кто-то*), и определенный человек с указанием на его трудное положение, и совокупность людей (*человечество*). Например, участие *'сердечное отношение, сочувствие к кому-либо, находящемуся в трудных обстоятельствах, желание помочь кому-либо'* [БТСРС].

В этой группе доброе отношение передается как комплекс чувств, близких по отношению к доброте, в которых наблюдаются следующие варианты совмещения различных эмоций, чувств: дружелюбность + расположение (*доброжелательство*), влечение + тяготение + расположение (*симпатия*), сердечность + сочувствие (*участие*), великодушие + благосклонность + человеколюбие (*милость*). Доброе эмоциональное отношение в семантике существительных характеризуется положительной оценкой (*хороший, благоприятный*) и степенью интенсивности проявления (*безграничный*).

ЛСГ «Человек как носитель качества доброты»

ЛСГ «Человек как носитель качества доброты» (10 ЛСВ, 28%) имеет семантический комплекс: КЛС 'человек' и набор ДС: 'определительность', 'оценка', 'степень качества', 'поступок', 'образ действия', 'объект действия'. Существительные отображают человека как носителя доброты в трех аспектах: внутреннее качество, проявляемое эмоциональное отношение к другим и поведение человека. Например, добряк *'бесхитростный человек, отличающийся большой добротой'* [БТСРС]; доброжелатель *'человек, проявляющий участие, расположение, желающий добра кому-либо, чему-либо'* [БТСРС]; филантроп *'человек, который занимается благотворительной деятельностью, оказывает помощь и покровительство нуждающимся'* [БТСРС]. В данных дефинициях различаются лексические репрезентанты, характеризующие указанные выше аспекты.

Семантические признаки определительного аспекта наделяют человека различными эмоциональными качествами, близкими по тональности к качеству доброты: бесхитростность, участие, расположение, сердечность, сострадание, милосердие. Например, человеколюбец *'человек, который сердечно и с состраданием относится к людям, готов помочь им'* [БТСРС]. В данной словарной дефиниции есть репрезентант 'сердечно и с состраданием относится к людям', который отмечает эмоциональные качества человека по отношению к людям.

Сема 'степень качества' в семной структуре определяет степень проявления

качества доброты, например, добряк *‘человек, отличающийся **большой** добротой’* [БТСРС]. Сема ‘оценка’ уточняет и положительную, и отрицательную оценку качества человека, например, ангел *‘о человеке как воплощении красоты, добра, чего-либо **положительного**, благочестивого, **лучших** человеческих качеств’* [БТСРС], ханжа *‘человек, который прикрывается показной добродетельностью, **притворной** набожностью, лживый, двуличный’* [БТСРС].

Лексические репрезентанты сочетания сем ‘поступок’ и ‘образ действия’ в словарных дефинициях обозначают следующее поведение, отражающее доброту: бескорыстно заботиться о благе других, жертвовать своими личными интересами, заниматься благотворительностью, оказывать помощь и покровительство нуждающимся.

Объектом, на который направлено доброе отношение и действия, выступает неопределенное лицо или человек, нуждающийся в помощи.

Итак, добрый человек в субстантивной лексике изображается преимущественно как воплощение добрых комплексных качеств, как лицо, совершающее типичные добрые поступки: *оказание помощи, забота о благе других, самопожертвование и благотворительность*.

ЛСГ «Действие, характеризующееся добротой»

Эта малочисленная группа (3 ЛСВ, 8%) включает в себя существительные, которые обозначают конкретные действия, отражающие доброту: оказание материальной помощи, забота о благе других и самопожертвование. В семной структуре слов выделяются КЛС ‘поступок’ и конкретизирующие ее ДС: ‘определительность’, ‘причина действия’, ‘объект действия’. Семантические признаки определительного аспекта наделяют поведение качествами: *бесвозмездный, бескорыстный*. Объектом действия выступают неопределенный человек, лица и организации, нуждающиеся в помощи. Например, благотворительность *‘деятельность по оказанию безвозмездной материальной помощи нуждающимся лицам и организациям’* [БТСРС]; альтруизм *‘поведение, определяемое бескорыстной заботой о благе других, готовность жертвовать для других своими личными интересами’* [БТСРС]. Сема ‘причина действия’ в

семной структуре слова *филантропия* указывает на определенное эмоциональное качество в качестве причины совершения доброго поведения, например, филантропия *‘благотворительность, покровительство (обычно из снисхождения) нуждающимся’* [БТСРС].

Итак, в русской субстантивной лексике ДОБРОТА отображается в 4 аспектах: качество доброты человека (34%), внешнее доброе отношение к кому-либо (31%), человек как носитель доброты (26%) и конкретный добрый поступок (9%). Класс существительных с семантикой доброты в русском языке (36 слов) по объему и составу гораздо меньше, чем в китайском языке (59 слов), в нем отсутствуют существительные, обозначающие добрые речи, доброе выражение лица и воздействие добра, что обнаруживает определенные национальные приоритеты в отображении доброты в субстантивной лексике. При этом в семантике русских существительных доброта изображается в сопряжении с другими эмоциональными качествами по отношению к другим (*отзывчивость, расположение, мягкость, сострадание, снисхождение, искренность, уступчивость, дружелюбность, влечение, сердечность, сочувствие, любовь, бесхитрость*) и проявляется во внешнем поведении (*оказание помощи и самопожертвование*). Лексические репрезентанты объектной семы в дефинициях слов отличаются обобщенностью номинации человека, обозначая неопределенное лицо, совокупность людей и нуждающихся в помощи лиц. В семантике русских существительных наблюдается эмотивно-причинный компонент и фиксируется ситуация, когда наличие доброго характера (*сострадание, человеколюбие, снисхождение*) является источником-стимулом проявления соответственного отношения и совершения определенного поступка.

2.3. Прилагательные, репрезентирующие доброту

2.3.1. Прилагательные, репрезентирующие доброту, в китайском языке

В китайском языке в подполе ДОБРОТА имеются 39 прилагательных, содержащих в значении эмотивный компонент 'добрый'. Парадигматические группировки прилагательных с семантикой доброты поражают неопределенностью, размытостью параметров обозначения признака доброты [Бабенко 1989: 67]. Адъективная лексика доброты фиксируется в словаре таким образом, что одно прилагательное может располагать комбинацией значений, передающих доброту по-разному: как эмоциональное качество, как отношение, и как внешнее выражение эмоций. Например, 善良 *добрый* 1) *'имеющий порядочную и целомудренную душу'*; 2) *выражающий доброту, порядочность и целомудренность*. Вследствие этого, одно и то же прилагательное может относиться к разным лексико-семантическим группам. В классе прилагательных с семантикой доброты выделяются 3 ЛСГ, разграничиваемые с учетом категориально-лексических сем, которые занимают разные доли в составе класса: «Характеризующий качество характера 'доброта'» (67%), «Характеризующий доброе отношение к окружающим» (33%) и ЛСГ «Внешне выражающий доброту» (15%), которая по составу лексических репрезентаций пересекается с другими двумя группами.

ЛСГ «Характеризующий качество характера 'доброта'»

ЛСГ прилагательных «Качество характера 'доброта'» включает 26 слов, которые обозначают доброту как качество человека и имеет семантический комплекс: КЛС 'имеющий добрый характер' и ДС: 'степень качества', 'оценка', 'определительность', 'субъектность'. В словарной дефиниции прилагательных этой группы сема 'степень качества' репрезентируется наречием, выражающим сильную степень отображаемого качества, например, 至善 *'крайне добрый'*. Сема 'оценка' репрезентируется оценочными прилагательными, выражающими отрицательную и положительную оценку качества, 伪善 *'притворяющийся*

добротой', 贤良 'добродетельный, имеющий **высокую** нравственность и **выдающийся** талант'. Лексический репрезентант субъектной семы обозначает человека с указанием на конкретный пол (*женский*), 贤惠 'добрый, склонный к кротости, приветливости, способный вести себя правильно и благоразумно (*о женщине*)'.

Сема 'определительность' в словарной дефиниции слов этой группы репрезентируется прилагательными и существительными, обозначающими различные эмоциональные качества, близкие по тональности к качеству доброты. В этой группе представлены прилагательные с включенной эмотивной семантикой, в семной структуре которых эмотивные смыслы в статусе дифференциальной семы передают значимую информацию, они в качестве дополнительных компонентов уточняют категориальное значение и ориентированы на отображение качества доброты. Например, 仁慈 'добрый, склонный к великодушию и отзывчивости', в семантике которого *доброта* как главное качество совмещается с другими дополнительными эмоциональными качествами: *великодушие*, *отзывчивость*. Семантический анализ прилагательных этой группы выявил следующий комплекс эмоциональных, этических и интеллектуальных качеств, совмещенных с качеством 'доброта': отзывчивость, кротость, покорность, великодушие, приветливость, заботливость, любовь, преданность, искренность, справедливость, нравственность, талантливость, бесхитростность. При этом наблюдаются следующие регулярные варианты совмещения доброты с другими психолого-интеллектуальными качествами: доброта + отзывчивость (慈善), доброта + великодушие + отзывчивость (仁慈), доброта + великодушие + кротость (贤淑), доброта + кротость + покорность (绵善), доброта + кротость + приветливость (和善), доброта + великодушие + преданность + бесхитростность (良善), доброта + преданность + справедливость (忠良), доброта + справедливость + искренность (良实), добродетель + мудрость (贤良). Также наблюдается совмещение противоположных по тональности внутренних качеств и признаков внешности: доброта (*внутренние*) + злоба (*внешние*) (面恶心善). С учетом

наличия в семантике общих и специфических компонентов прилагательные, отображающие качество доброты, связаны между собой отношениями пересечения, образуя семантически эквивалентные оппозиции.

В комплексной семантике прилагательных этой группы компонент 'имеющий добрый характер' также совмещается со следующими позиционно равноправными компонентами, представленными по рангу КЛС: 'ведущий себя правильно и благоразумно' (贤惠), 'с почтительностью и покорностью ухаживающий за родителями' и 'с заботливостью, жалостью и любовью относящийся к младшему поколению' (仁孝), 'способный прощать других' (仁恕). Данные совмещенные компоненты в семантике прилагательных дополняют друг друга.

Итак, прилагательные, обозначающие добрый характер человека, репрезентируют комплекс эмоциональных, этических и интеллектуальных качеств, близких по тональности к доброте, в котором наиболее частотными включенными качествами, сопрягаемыми с добротой, являются великодушие, отзывчивость, кротость и преданность. В семантике прилагательных также отображается совмещение качества доброты со следующим поведением: правильный и благоразумный поступок, проявление почтительного, покорного отношения к старшему поколению и великодушного, милосердного к младшему, проявление пощады к другим.

ЛСГ «Характеризующий доброе отношение к окружающим»

ЛСГ «Характеризующий доброе отношение к окружающим» (13 ЛСВ) ориентирована на отображение проявления добрых эмоций по отношению к другим. Ее семантический комплекс состоит из КЛС 'проявляющий доброе отношение' и набора ДС: 'определимость', 'степень проявления отношения', 'объект проявления отношения'.

Сема 'определимость' в словарной дефиниции слов этой группы репрезентируется эмотивными прилагательными и существительными, обозначающими сопутствующие эмоции при проявлении доброго отношения: великодушие, отзывчивость, кротость, покорность, приветливость, радость,

дружелюбие, близость, скромность, почтительность, вежливость, сердечность, искренность. Например, 亲善 *‘проявляющий доброе, близкое, дружелюбное, приветливое и кроткое отношение’*.

Сема ‘степень проявления отношения’ в словарной дефиниции прилагательного 至孝 репрезентируется наречием степени, обозначающим сильную степень отображаемого эмоционального отношения, например, 至孝 *‘самый почтительный и покорный родителям’*.

В качестве объекта проявления доброго отношения могут использоваться лексические репрезентанты, указывающие на неопределенное лицо (*кто-либо*) и представителей определенного поколения (*старшее, младшее поколение, родители*). Например, 慈和 *‘проявляющий радость и дружелюбие, по отношению к другим людям и относящийся к младшему поколению с отзывчивостью, заботливостью, жалостью и любовью’*; 谦善 *‘проявляющий доброе, дружелюбное, приветливое, скромное, почтительное, покорное и вежливое отношение к кому-либо или к старшему поколению’*.

В комплексной семантике прилагательных этой группы также совмещены два предикатных компонента, позиционно равноправных и представленных по рангу КЛС [Бабенко 1997: 30], например, ‘проявляющий честное, искреннее и великодушное отношение к кому-либо’ и ‘сердечно и охотно помогающий людям’ в слове 古道热肠, ‘проявляющий почтительность, покорность к родителям и старшим родственникам’ и ‘с усердием ухаживающий за ними’ в слове 孝顺.

Итак, в семантике прилагательных, обозначающих доброе отношение, отображается комплекс эмоций, в котором совмещены доброта и различные близкие по тональности эмоции, а также выражаются совмещенные действия, дополняющие друг друга: проявление искренности, великодушия и оказание помощи кому-либо; проявление почтительности, покорности к старшим родственникам и уход за ними. В их семантике также имеется указание на сильную степень проявления эмоций (*предельно*) и конкретный объект доброго отношения (*младшее, старшее поколение, родители*).

ЛСГ «Внешне выражающий доброту»

ЛСГ «Внешне выражающий доброту» (6 ЛСВ) по составу лексических репрезентаций пересекается с вышеуказанными двумя группами и в ней прилагательные обозначают выражение добрых эмоций в речи, мимике и др. Например, 慈善 добросердечный *‘выражающий доброту и отзывчивость’* (добросердечное выражение лица, добросердечная улыбка, добросердечные слова). В семной структуре прилагательных этой группы имеются КЛС ‘выражающий доброту’ и ДС ‘определительность’. В семантике прилагательных этой группы доброта отображается в комплексе со следующими этическими и эмоциональными качествами: порядочность, целомудренность, отзывчивость, дружелюбие, приветливость, кротость, сердечность, искренность. Например, 善良 добрый *‘выражающий доброту, порядочность и целомудренность’* (добрый взгляд).

Такими образом, доброта в адъективной лексике изображается в 3 аспектах: доброта как комплексное качество характера человека, доброта в проявлении комплексных эмоций к кому-либо и доброта во внешнем выражении в речи, мимике и др. Китайские прилагательные с семантикой доброты – это прилагательные с включенными эмотивными смыслами, в семантике которых качество доброты конкретизируется и осложняется дополнительными эмоциональными, этическими и интеллектуальными качествами, а также совмещается со следующим поведением: правильно и благоразумно вести себя, с почтительностью и усердием ухаживать за родителями, прощать кого-либо, помогать кому-либо. Эти прилагательные также включают в значение указание на сильную степень качества ‘доброта’ (крайне), на субъект качества ‘доброта’ (женщина), на притворный характер и на представителей определенного поколения как объект проявления добрых эмоций (младшее, старшее поколение, родители).

2.3.2. Прилагательные, репрезентирующие доброту, в русском языке

В русском языке в подполе ДОБРОТА имеются 36 прилагательных, выявленных из Словаря-тезауруса прилагательных русского языка под ред. Л.Г. Бабенко и Толкового словаря русского языка под ред. Д. Н. Ушакова. В зависимости от типа КЛС данные прилагательные распределяются по 3 ЛСГ: «Характеризующий качество характера ‘доброта’» (47%), «Характеризующий доброе отношение к окружающим» (53%) и ЛСГ «Внешне выражающий доброту» (30%), которая по составу лексических репрезентаций пересекается с другими двумя группами.

ЛСГ «Характеризующий качество характера ‘доброта’»

Эта группа включает 17 прилагательных, обозначающих доброту как характер человека и имеет семантический комплекс: КЛС ‘имеющий добрый характер’ и ДС ‘определительность’, ‘оценка’. Например, сердечный *‘добрый, чуткий, отзывчивый (о человеке, его характере)’* [СТПРЯ], в данной словарной дефиниции репрезентант категориального значения ‘доброта’ представляет собой *‘добрый’*, а репрезентант семы ‘определительность’ – это *‘чуткий, отзывчивый’*. Поэтому в семной структуре прилагательных этой группы различные эмотивные смыслы в статусе дифференциальной семы характеризуют категориальное значение и дополняют качество доброты.

Анализ лексических репрезентантов семы ‘определительность’ позволил выявить комплекс различных эмоциональных и этических качеств, близких по тональности к доброте: благожелательность, отзывчивость, мягкость, незлобивость, спокойствие, веселье, чуткость, сострадание, милосердие, кротость, великодушие, дружелюбие, искренность, простодушие, скромность, порядочность, высоконравственность. Наблюдаются регулярные варианты совмещения доброты с другими психологическими качествами: доброта + мягкость + незлобивость (*добродушный*), доброта + мягкость + незлобивость + спокойствие + веселье (*благодарный*), доброта + мягкость + отзывчивость (*добросердечный*), доброта + отзывчивость + чуткость (*сердечный*), доброта + отзывчивость + чуткость +

искренность + дружелюбие (душевный).

Сема 'оценка' в словарной дефиниции слов этой группы репрезентируется оценочными прилагательными, выражающими положительную оценку качества: хороший, высокий, например, добронравный '*отличающийся **хорошим** характером, скромным поведением, порядочностью*' [СТПРЯ]; добродетельный '*руководствующийся стремлением к добру, добродетели, **высоко**нравственный*' [СТПРЯ].

В семной структуре прилагательных также совмещены два или более предикатных компонентов, позиционно равноправных, представленных по рангу КЛС и дополняющих друг друга. Например, в слове *добрый* совмещаются три категориально-лексических компонента: '*имеющий благожелательное, отзывчивое качество*', '*делающий добро другим*', '*готовый помочь людям*'; в слове *беззлобный* соединяются два категориально-лексических компонента: '*имеющий добрый нрав*' и '*неспособный сердиться*'.

Итак, прилагательные, отображающие добрый характер человека, репрезентируют разнообразные эмоциональные, этические качества, близкие по тональности к качеству доброты. Наиболее частотными в их ряду являются: мягкость, отзывчивость, чуткость. В семной структуре прилагательных также присутствуют предикатные компоненты, отмечающие проявляемые качества доброты в следующем поведении, направленном на других: *делать добро другим, помогать людям, не сердиться на кого-либо*.

ЛСГ «Характеризующий доброе отношение к окружающим»

ЛСГ «Характеризующий доброе отношение к окружающим» (19 ЛСВ) ориентирована на отображение комплексных добрых эмоций по отношению к людям. Ее семантический комплекс составляют КЛС 'проявляющий доброе отношение' и ДС: 'определительность', 'субъектность', 'объект проявления отношения'.

Сема 'определительность' в словарной дефиниции репрезентируется эмотивной лексикой, обозначая различные эмоции по отношению к другим: расположение, дружелюбие, приязнь, доброжелательность, радушие,

приветливость, снисходительность, ⁸³сочувствие, отзывчивость, сострадание, милость. Например, доброхотный *‘проявляющий расположение к кому-либо, доброжелательный’* [СТПРЯ].

Сема ‘субъектность’ в структуре прилагательного конкретизирует субъект межличностных отношений и в словарной дефиниции подается в специализированной форме: «о + номинация субъекта в предложном падеже», заключающейся в скобки. Например, дружественный *‘взаимно благожелательный, основанный на дружбе (преимущ. о государствах и отношениях между ними)’* [ТСРЯ].

Объектом проявления доброго отношения выступает неопределенное лицо.

В комплексной семантике прилагательных также присутствуют предикатные компоненты, обозначающие добрые поступки по отношению к людям: *содействовать благополучию другого, оказать помощь*. Например, доброжелательный *‘проявляющий доброе отношение, расположение к кому-либо, чему-либо, готовый содействовать благополучию кого-либо’* [ТСРЯ].

Итак, в семантике прилагательных, обозначающих доброе отношение, выражается комплекс эмоций, близких по тональности к доброте, в котором наиболее частотными являются расположение, доброжелательность, дружелюбие, приязнь, и содержится специфический субъект дружественных отношений (*государства*). В ней также выражаются совмещенные действия, направленные на других: *оказание помощи и содействие благополучию другого*.

ЛСГ «Внешне выражающий доброту»

ЛСГ «Внешне выражающий доброту» (11 ЛСВ) по составу лексических репрезентаций пересекается с вышеуказанными двумя группами и в ней прилагательные обозначают внешнее выражение добрых эмоций в речи, мимики и др. Например, добродушный *‘выражающий доброту, мягкость, незлобивость’* [СТПРЯ] (*добродушные слова, добродушный взгляд*). В семной структуре прилагательных этой группы имеются КЛС ‘выражающий доброту’ и ДС ‘определительность’. В их семантике выражаются различные эмоции, близкие по тональности к доброте: расположение, сочувствие, мягкость, незлобивость,

задушевность, доброжелательность, кротость, покорность, смирение, приязнь, радушие, снисходительность.

Таким образом, в адъективной лексике русского и китайского языков доброта изображается как качество характера человека, как внутреннее эмоциональное состояние и как его внешнее выражение. Русская адъективная лексика доброты в основном состоит из ЛСГ прилагательных «Характеризующий доброе отношение к окружающим» (53%) и «Характеризующий качество характера ‘доброта’» (47%), а в классе китайских прилагательных с семантикой доброты первое место занимает ЛСГ «Характеризующий качество характера ‘доброта’» (67%), которая значительно превосходит в процентном соотношении ЛСГ «Характеризующий доброе отношение к окружающим» (33%). В значении прилагательных с семантикой доброты отражается комплекс качеств, включающий в себя доброту и другие дополнительные близкие по тональности эмоциональные качества. В китайском языке такой комплекс качеств бывает более содержательным: наблюдается совмещение качества доброты с интеллектуальными качествами и противоположными по тональности признаками внешности. В семной структуре китайских прилагательных участвуют специфические компоненты – высшая степень качества доброты и его субъектность, а в русских прилагательных участвует специальный компонент – субъект межличностных отношений.

2.4. Глаголы, репрезентирующие доброту

2.4.1. Глаголы, репрезентирующие доброту, в китайском языке

Класс глаголов подполя ДОБРОТА в китайском языке составляет 31 глагол, выявленный из Большого словаря современного китайского языка под ред. Гун Сюешэн [БССКЯ 2015]. В зависимости от типа категориально-лексических сем глаголы в подполе ДОБРОТА распределяются по 3 ЛСГ и 4 подгруппам, которые

различаются количественной соотносительностью: ЛСГ «Совершение добра» (23%), ЛСГ «Проявление доброго отношения к окружающим» (13%), ЛСГ «Становление доброго характера» (6%), подгруппы «Оказание помощи кому-либо» (29%), «Уход за родителями» (16%), «Осуществление добрых отношений с кем-либо», «Побуждение к становлению доброго характера» (10%). Изучение состава семантического комплекса отдельной ЛСГ и лексических репрезентантов различных сем в словарных дефинициях позволило выявить закономерности семантических моделей глаголов с семантикой доброты и обнаружить особенности интерпретации доброты в китайской глагольной лексике.

ЛСГ «Совершение добра»

ЛСГ «Совершение добра» (7 ЛСВ, 23%) имеет семантический комплекс, состоящий из КЛС 'совершать добро' и набора ДС: 'периодичность', 'количество', 'способ действия', 'цель действия', 'объект действия'.

Сема 'периодичность' в словарной дефиниции репрезентируется наречием и оборотом, обозначающим периодичность совершения добра: *часто, каждый день*. Данная сема обычно сочетается с семой 'количество', которая в словарной дефиниции представлена количественными числительным и наречием и обозначает количество совершенных добрых дел: *одно, побольше*, например, 日行一善 '*каждый день совершать одно доброе дело*', 积德 '*часто совершать побольше добрых дел, чтобы совершенствовать добродетель*'. В сочетании с КЛС 'совершать добро' эти две ДС выражают определенное частотное и количественное значение, отражая призыв людей к постоянному совершению многочисленных добрых дел.

Сема 'цель действия' предикативного типа в словарной дефиниции репрезентируется инфинитивной конструкцией с союзом цели 以 (*чтобы*), выражающей включенное целевое действие, к которому стремится основное действие – совершение добра. Например, в семантике глагола 积德 целью частого совершения добрых дел является совершенствование добродетели.

Сема 'способ действия' в словарной дефиниции репрезентируется

инфинитивной конструкцией с подчинительным союзом 而, выражающим связь с предшествующей обстоятельственной конструкцией предикативного типа, отмечая сопутствующий поступок как способ совершения основного обозначаемого словом действия, например, 积善: *多做好事而积累善行* ‘*совершая побольше хороших дел, накапливать добро*’.

В комплексной семантике глаголов этой группы основной предикативный смысл *совершать добро* также совмещается с другими близкими по тональности предикативными смыслами: *спасать, помогать*, при этом объектом действия выступают *слабые и бедные*. Например, 行善 ‘*спасать и помогать слабым и бедным, совершать добрые дела*’.

Итак, глаголы этой группы имеют различную степень семантической сложности. Основная идея *совершать добро* может отображаться как единственная ситуация, выражаемая одним категориально-лексическим предикатом и характеризуемая семантическими признаками ‘количество’ (*одно, побольше*) и ‘периодичность’ (*часто, каждый день*); она может конкретизироваться включенными предикатными компонентами ‘способ действия’, ‘цель действия’ – ‘*совершая побольше хороших дел*’, ‘*чтобы совершенствовать добродетель*’; она также может совмещаться с другими предикатами: *спасать, помогать*.

Подгруппа «Оказание помощи кому-либо»

Подгруппа «Оказание помощи кому-либо» (9 ЛСВ, 29% от общего числа глаголов в подполе ДОБРОТА) имеет семантический комплекс, состоящий из КЛС ‘помогать’ и набора ДС: ‘образ действия’, ‘степень интенсивности’, ‘способ действия’, ‘следствие действия’, ‘объект действия’. Анализ семной структуры глаголов этой подгруппы позволил обнаружить, что основной предикат *помогать* характеризуется в аспекте желаемости субъекта оказания помощи, объекта, которым направляется помощь, и еще конкретизируется включенными предикатами, выражающими способ и следствие оказания помощи, а также совмещается с другим равноправным предикатом в семантике глагола.

Сема ‘образ действия’ в словарной дефиниции репрезентируется эмотивным

наречием и обозначает эмоциональное состояние человека при оказании помощи кому-либо: *добросердечно, охотно, добровольно, с удовольствием*. Сема ‘степень интенсивности’ в сочетании с семой ‘образ действия’ выражает сильную степень эмоций субъекта в процессе действия, например, 乐捐 *‘очень охотно, добровольно и с удовольствием жертвуя деньги, помогать кому-л’*.

Сема ‘способ действия’, являясь включенным предикатом, в структуре глаголов этой подгруппы конкретизирует способ оказания помощи. В словарной дефиниции она имеет разные виды репрезентантов. Во-первых, он представляет собой инфинитивный оборот с орудийным значением, находящийся в препозиции к доминирующему предикату, например, 布施: *散发财物救助需要的穷苦人 ‘жертвуя деньги и необходимые вещи, помогать нуждающимся бедным’*. Во-вторых, может быть в составе инфинитивной конструкции с вспомогательным глаголом 来, находящийся в препозиции к основному предикату, например, 乐捐: *捐出财物来帮助 ‘жертвуя деньги, помогать кому-л’*.

Сема ‘следствие действия’ в качестве включенного предиката в структуре глаголов этой подгруппы выражает каузальное отношение. В словарной дефиниции она репрезентируется инфинитивным оборотом, обозначая то, что случилось благодаря помощи, например, 急难: *热心的帮助别人摆脱困境 ‘добросердечно помогать другим выйти из трудного положения’*.

Объектами, получающими помощь от кого-либо, выступают и неопределенное лицо и совокупность людей: *другие, мир, бедные*.

В семантике глаголов этой подгруппы основной предикат *помогать* в статусе КЛС не просто конкретизируется включенными предикатами ‘способ действия’, ‘следствие действия’ в статусе ДС, обозначающими *‘жертвовать деньги и необходимые вещи’* (布施, 乐捐), *‘выйти из трудного положения’* (急难), но и совмещается с другим равноправным предикатом *спасать*, например, 济世 *‘спасать и помогать миру’*. Итак, семантика глаголов этой подгруппы репрезентирует комплекс действий, взаимосвязанных отношениями способа и следствия действия.

Подгруппа «Уход за родителями»

Подгруппа «Уход за родителями» (5 ЛСВ, 16%) имеет простой по составу семантический комплекс: КЛС ‘ухаживать за родителями’ и набор ДС: ‘образ действия’, ‘объект действия’, ‘степень интенсивности’. В этой подгруппе в большой степени представлены глаголы с совмещенной пропозицией, в семантике которых основной поступок *ухаживать за родителями* сопрягает с такими поступками, как *соблюдать нормы сыновней почтительности* (孝顺), *заботиться о братьях* (孝悌), *служить родине* (忠孝).

Сема ‘образ действия’ в словарной дефиниции слов этой подгруппы репрезентируется преимущественно эмотивными наречиями и глаголами, обозначающими проявляемые чувства при выполнении действия: *строго, усердно, преданно, с почтительностью, с любовью, дружелюбно*. Например, 孝顺 ‘**строго** соблюдать нормы сыновней почтительности’; 尽孝 ‘**с усердием, с почтительностью** ухаживать за родителями’; 孝悌 ‘**дружелюбно** заботиться о братьях, любя их’; 忠孝 ‘**преданно** служить родине’.

Сема ‘степень интенсивности’ отображает сильную степень выполнения действия: *всеми силами, изо всех сил*, например, 尽孝 ‘**всеми силами** ухаживать за родителями’; 忠孝 ‘**изо всех сил** служить родине’.

В этой подгруппе лексические репрезентанты объектной семы обозначают человека с указанием на родственные признаки: *родители, старшие родственники, братья*, а также являются обобщенной номинацией – *родина*.

Семантический анализ глаголов этой подгруппы позволил обнаружить, что поведение *ухаживать за родителями*, которое считается воплощением доброты в сознании носителей китайского языка, в глагольной лексике отображается не изолированно, а часто совмещается со следующими поступками: *соблюдать нормы сыновней почтительности, заботиться о братьях, служить родине*, которые также характеризуются эмоциональным состоянием человека (*строго, усердно, преданно, с почтительностью, с любовью, дружелюбно*), интенсивностью выполнения действия (*всеми силами, изо всех сил*).

ЛСГ «Проявление доброго отношения к окружающим»

ЛСГ «Проявление доброго отношения к окружающим» (4 ЛСВ, 13%) имеет семантический комплекс, состоящий из КЛС ‘относиться’ и набора ДС: ‘образ действия’, ‘причина’, ‘объект проявления отношения’. Анализ семной структуры слов позволил выявить, что в этой группе объединяются и простые глаголы, и глаголы с включенными причинными предикативными смыслами.

Сема ‘образ действия’ в словарной дефиниции слов этой группы репрезентируется эмотивными наречиями, глаголами, существительными и выражает следующие проявляемые эмоции по отношению к другим: *добродушие, дружелюбие, доброжелательность, сочувствие, жалость, понимание, пощада*. Например, 善待 ‘*добродушно и дружелюбно относиться к кому-либо*; 惻隱 ‘*относиться к кому-либо с сочувствием, жалостью, вызванными чьим-либо несчастьем*’; 仁恕 ‘*относиться с пониманием к кому-либо из-за милосердия, щадить кого-либо*’.

Включенная предикатная сема ‘причина действия’ в семной структуре слов 惻隱, 仁恕 выражает каузальное отношение и указывает на причину проявления доброго отношения. В словарной дефиниции данная сема репрезентируется инфинитивной конструкцией с сочинительным союзом 而 (*и, отсюда*) и предлогом 因 (*по причине, благодаря*), например, 惻隱: 見人遭遇不幸而 ‘*видеть, что кто-то испытывает несчастье, и относиться к нему с сочувствием, жалостью*’; 仁恕: 因有仁心而 ‘*благодаря милосердию относиться с пониманием к кому-либо, щадить кого-либо*’. При этом в семантике фиксируется ситуация, когда милосердие субъекта и несчастье других являются причиной проявления субъектом доброго отношения к ним.

В семантике глаголов этой группы объект проявления доброго отношения отличается обобщенностью номинации человека: 人 (*человек*), 他人 (*другие*).

Итак, смысл *проявление доброго отношения* в китайской глагольной лексике изображается в трех аспектах: проявляемых сопутствующих эмоций, близких по тональности к доброте; причины проявления доброты другому: субъективную и

объективную причины (*милосердие субъекта, несчастье другого*); обозначения объекта, на кого направлена доброта.

Подгруппа «Осуществление добрых отношений с кем-либо»

К подгруппе «Осуществление добрых отношений с кем-либо» относится глагол 敦睦, в семной структуре которого имеются КЛС ‘осуществлять добрые отношения’ и ДС ‘определительность’. Семантические признаки определительного аспекта наделяют межличностные отношения следующими качествами, сопрягаемыми с качеством доброты: дружба, близость. Например, 敦睦 ‘осуществлять добрые, дружеские и близкие отношения с кем-либо’.

ЛСГ «Становление доброго характера»

ЛСГ «Становление качества характера ‘доброта’» (2 ЛСВ, 6%) содержит глаголы, обозначающие приобретение добрых внутренних качеств, и имеет простейший по составу семантический комплекс: КЛС ‘становиться добрым’ и ДС ‘определительность’.

Семантические признаки определительного аспекта наделяют человека эмоциональным и интеллектуальным качествами, сопрягаемыми с добротой: *великодушный, бесхитростный*. Например, 向善 ‘становиться добрым, великодушным, бесхитростным’.

В семантике глагола 迁善 обнаруживается совмещение различных поступков, связанных отношениями временной последовательности: *исправляться и становиться добрым*. Например, 迁善 ‘исправляться и становиться добрым, великодушным, бесхитростным’.

Итак, смысл *становление качества характера ‘доброта’* изображается в глагольной лексике либо изолированно, либо совмещенно с предварительным поступком: *исправляться*.

Подгруппа «Побуждение к становлению доброго характера»

Подгруппа «Побуждение к становлению доброго характера» (3 ЛСВ, 10%) включает в себя глаголы с включенными целевыми предикативными смыслами и имеет семантический комплекс, состоящий из КЛС ‘побуждать становиться

добрым' и набора ДС: 'цель действия', 'определительность', 'объект действия', 'образ действия', 'способ действия'.

С учетом смысловой соотносительности с КЛС 'убеждать становится добрым' сема 'цель действия' в семной структуре глаголов этой группы обозначает целеустановку этого действия. Она в словарной дефиниции имеет различные виды репрезентантов: во-первых, глагол с целевым значением, например, 劝善: 劝他人向善积德 'побуждать кого-либо становиться добрым, **чтобы кто-либо совершенствовал добродетель**'; во-вторых, придаточное предложение цели с служебным побудительным глаголом 使 (чтобы), включающее в себя эмотивные прилагательные с семантикой доброты, например, 感化: 善意劝导他人, 使其品性变好 'доброжелательно побуждать кого-либо, **чтобы кто-то стал хорошим по характеру**'.

Объект, которого субъект побуждает к становлению доброго характера и совершению добрых поступков, отличается обобщенностью семантики и репрезентируется как 人 человек, 他人 другие.

Сема 'образ действия' в семной структуре глаголов с включенной пропозицией выражает и субъектное эмоциональное отношение, и характер выполнения действия. В словарной дефиниции она репрезентируется наречием: доброжелательно, старательно. Например, 感化 'доброжелательно побуждать кого-либо'; 劝善规过 'побуждать кого-либо **старательно становиться добрым и исправляться**'.

Сема 'способ действия' конкретизирует способ побуждения людей к доброте, в словарной дефиниции она предстает оборотом существительных с предлогом 以 (посредством, при помощи), например, 感化: 以言语或行为影响他人 'воздействуя **словами и поведением**, доброжелательно побуждать кого-либо к совершению добрых поступков'.

В комплексной семантике глаголов этой подгруппы основное действие побуждать становиться добрым характеризуется дополнительным целевым действием (совершенствовать добродетель) и конкретным способом выполнения

действия (*посредством слов и поведения субъекта*), а также характеризуется эмоциональным состоянием субъекта действия (*добродушно*).

По нашим данным, спектр включенных в наименование действия семантических признаков обусловлен спецификой отображаемого денотата, воплощенного в лексической семантике категориально-лексической семой. Поэтому в глагольной семантике каждая КЛС характеризуется определенным набором ДС (табл. 1).

Таблица 1

Модели сочленения КЛС и ДС

КЛС \ ДС	‘совершать добро’	‘помогать’	‘ухаживать за родителями’	‘доброжелательно относиться’	‘осуществлять добрые отношения’	‘становиться добрым’	‘побуждать становиться добрым’
‘объект действия’	+	+	+	+			+
‘образ действия’		+	+	+			+
‘способ действия’	+	+					+
‘цель действия’	+						+
‘определительность’					+	+	+
‘степень интенсивности’		+	+				
‘следствие действия’		+					
‘причина действия’				+			
‘количество’	+						
‘периодичность’	+						

Как видим, частота представления ДС в семной структуре глаголов с семантикой доброты различна. Объектная сема имеет самую широкую сочетаемость с 5 типами КЛС: ‘помогать’, ‘совершать добро’, ‘ухаживать за родителями’, ‘доброжелательно относиться’, ‘убеждать становиться добрым’. С учетом разной сочетаемости с КЛС сема ‘объект действия’ имеет различные варианты представления в словарной дефиниции по степени конкретности. Во-первых, при проявлении доброго отношения и побуждении к становлению качества характера ‘доброта’ объектом действия выступает неопределенное лицо (*кто-либо, другой*); во-вторых, при оказании помощи в совершении добра объектом действия является совокупность людей (*мир, другие*) или множество

людей с указанием на материальные признаки (*бедные, слабые*); в-третьих, при изображении ухода за родителями объектная сема обозначает конкретного человека с актуализацией родственных признаков: *родители, старшие родственники, братья* и родное место людей: *родина*. В семантике китайской глагольной лексики доброты находят отражение актуализируемые конфуцианством принципы: повиновение родственникам старшего поколения, любовь между родственниками одного поколения, преданность государству. Это также связано с обнаружением специфических морфем в морфемной структуре китайских глаголов: 孝 *быть почтительным к старшим родственникам и родителям*, 悌 *быть дружелюбным к братьям*, 忠 *быть преданным родине*.

Сема 'образ действия' конкретизирует 4 типа КЛС: 'помогать', 'ухаживать за родителями', 'доброжелательно относиться', 'убеждать становиться добрым'. В словарной дефиниции она преимущественно репрезентируется эмотивной лексикой и выражает сопутствующие эмоции субъекта при осуществлении действия: *добродушие, дружелюбие, преданность, любовь, доброжелательность, добросердечность, сочувствие, жалость, понимание*, а также обозначает активное психологическое состояние человека: *добровольность, большая охота*, и образ протекания действия: *с большим усердием, старательно*.

Включенная предикатная сема 'способ действия' сочетается с 3 КЛС: 'совершать добро', 'помогать', 'побуждать становиться добрым'. В семной структуре китайских глаголов проводниками семы 'способ действия' являются союзы 而 (*и*), 以 (*при помощи*), 来 (*чтобы*), которые вводят включенные предикаты в форме инфинитивного оборота, выражающие следующие дополнительные поступки как способ выполнения основного действия: *совершать побольше хороших дел; жертвовать деньги; воздействовать на кого-либо словами и поведением*.

Включенная предикатная сема 'цель действия' сочетается с 2 КЛС: 'совершать добро', 'убеждать становиться добрым'. В словарной дефиниции она репрезентируется глагольно-именной конструкцией с союзом цели 以 (*чтобы*),

使 (*пусть*), выражает искомый идеал совершения добра и становления доброго характера – *совершенствовать добродетель*.

Сема ‘определительность’ присутствует в семной структуре глаголов, содержащих КЛС ‘становиться добрым’, ‘побуждать становиться добрым’ и ‘осуществлять добрые отношения’. В словарной дефиниции она репрезентируется эмотивным прилагательным, близким по тональности к доброте, и наделяет межличностные отношения и внутреннее качество человека следующими качествами: *дружеский, близкий, добрый и хороший, великодушный, бесхитростный*.

Сема ‘степень интенсивности’ характеризует 2 типа КЛС: ‘помогать’ и ‘ухаживать за родителями’. В семной структуре она либо используется в сочетании с компонентом ‘образ действия’, либо находится в определительной соотносительности с КЛС ‘ухаживать за родителями’ и выражает сильную степень психологического состояния субъекта действия: *очень охотно, активно помогать, всеми силами ухаживать за родителями*.

Сема ‘следствие действия’ как включенный предикат характеризует КЛС ‘помогать’ и в дефиниции глагола 急难 репрезентируется инфинитивным оборотом, обозначающим результат оказания помощи: *выйти из трудного положения*.

Сема ‘причина действия’ предикативного типа определяет КЛС ‘доброжелательно относиться’. С помощью инфинитивной конструкции с союзами 而 (*отсюда*), 因 (*благодаря*) передается причина проявления доброго отношения к другим: *видеть чужое несчастье и обладать милосердием*.

Семы ‘периодичность’ и ‘количество’ часто совместно характеризуют КЛС ‘совершать добро’. В словарной дефиниции они репрезентируются частотным наречием (*часто*), словосочетанием (*каждый день*) и количественным числительным, наречием (*один, побольше*). Это побуждает людей чаще совершать добро.

Таким образом, с учетом различной значимости ДС в плане информативности и ее частоты представления в семной структуре мы обнаружили,

что отображаемая ситуация в семантике глагольной лексики доброты характеризуется компонентами определительного аспекта: образ протекания действия, количество, периодичность совершения действия и эмоциональное состояние субъекта; а также конкретизируется включенными компонентами предикативного типа: способ, цель, следствие и причина действия, которые выражают каузальное отношение, связывающее сопутствующие поступки и основное доброе действие, обнаруживая тем самым определенную антропоцентрическую ориентацию.

Семантический анализ китайской глагольной лексики доброты обнаруживает различную степень ее семантической сложности, среди которой выделяются «простые монопропозитивные глаголы, глаголы с включенной пропозицией и глаголы с совмещенной пропозицией» [Бабенко 1997: 38]. Простые глаголы представлены в составе подполя ДОБРОТА незначительно. Их денотатом является одна элементарная ситуация, обозначаемая одним предикатом. Например, 日行一善 *‘каждый день совершать одно доброе дело’*, 向善 *‘становиться добрым, великодушным, бесхитростным’*, 善待 *‘добродушно и дружелюбно относиться к кому-либо’*.

Большинство глаголов, отображающих доброту, имеет комплексную семантику и способно отображать «комплекс ситуации с помощью механизма включения и совмещения предикатных смыслов в глагольном значении» [Бабенко 1997: 37]. Глаголы с включенными предикатными смыслами в большей степени представлены в подполе ДОБРОТА, в семантике которых первый доминирующий предикатный смысл репрезентирован КЛС, второй доминирующий компонент предикатного характера в структуре семемы понижен в ранге и занимает зависимую от КЛС позицию [Бабенко 1997: 40–45]. В семантике искомых глаголов включенные предикатные смыслы по рангу ДС регулярно уточняют различные КЛС в следующих аспектах действия. Во-первых, включенные предикатные семы способа и следствия действия характеризуют КЛС *‘помогать’* (добровольно жертвовать деньги и имущество; выйти из трудного положения). Во-вторых, включенная предикатная сема цели действия характеризует КЛС

‘убеждать становится добрым’ (*совершенствовать добродетель*). В-третьих, включенная сема причины действия характеризует КЛС ‘доброжелательно относиться’ (*видеть чужое несчастье, обладать милосердием*). В словарных дефинициях глаголов данные включенные предикаты выступают как инфинитивные обороты и инфинитивные конструкции с союзами 而, 以, 来, 因, 使.

В семной структуре некоторых глаголов совмещены два или более равноправных денотативных компонента предикатного характера в ранге КЛС [Бабенко 1997: 38], их «равноправие напоминает в некоторой степени синтаксическое сочинение» [Васильев 1981: 42]. Например, 济世 ‘*спасать мир и помогать ему*’, 行善 ‘*спасать слабых и бедных, помогать им, совершать добрые дела*’. Лексическими репрезентантами совмещенных предикатов служат инфинитивы. Поскольку отображаемые совмещенные события в семантике глагола «происходят одновременно, параллельно, и предполагают друг друга по принципу дополнительности, в словарной дефиниции порядок следования инфинитивов можно изменить» [Бабенко 1997: 39]. Глаголы этого типа совмещения характерны для подгруппы «Уход за родителями». В семантике составляющих ее глаголов действие *ухаживать за родителями* совмещается с другими равноправными действиями: *строго соблюдать нормы сыновней почтительности* (孝顺), *с любовью, дружелюбно заботиться о братьях* (孝悌), *преданно служить родине* (忠孝). Это отражает принципы конфуцианства: наблюдать гармоничные семейные отношения, проявляя уважение к старшим родственникам и дружелюбие к братьям; регулировать отношения между семьей и государством – совместно преданно служа родине и усердно содержа родителей.

В ЛСГ «Становление доброго характера» также представлен глагол комплексной семантики с совмещенной логической пропозицией, например, 迁善 ‘*исправляться и становится добрым, великодушным, бесхитростным*’. Семантика этого глагола отображает два события (*исправляться и становится добрым*), связанные отношениями логической и временной последовательности.

В этом случае словарные дефиниции глагола не допускают изменения порядка инфинитивов.

Как утверждает Л.Г. Бабенко, «глагол ориентирован на отображение комплексной ситуации и включает в значение указание на объект действия, образ, способ, следствие, цель и причину выполнения действия» [Бабенко 1997: 30], глагол обозначает доброту как сложный процессуальный признак; доброта в китайской комплексной глагольной семантике отображается достаточно многогранно и богато.

2.4.2. Глаголы, репрезентирующие доброту, в русском языке

Методом сплошной выборки из Большого толкового словаря русских глаголов под ред. Л.Г. Бабенко был выявлен класс глаголов с семантикой доброты. Данный класс состоит из 13 глаголов и формируется на основе 7 КЛС: ‘совершать добро’ (*благотворить, благотворительствовать*), ‘помогать’ (*вызволять, выручать*), ‘относиться’ (*благоволить, сострадать, сочувствовать, жалеть, щадить*), ‘внешне проявлять отношение’ (*приветствовать*), ‘побуждать’ (*мирить*), ‘становиться’ (*добреть*), ‘испытывать чувства’ (*благодушествовать*). В семантическом комплексе данных глаголов кроме КЛС выделяется 7 ДС: ‘определительность’, ‘следствие действия’, ‘образ действия’, ‘причина действия’, ‘способ действия’, ‘цель действия’, ‘объект действия’.

Анализ семной структуры отдельных глаголов и репрезентаций различных сем в их словарных дефинициях позволил выявить способы семантизации обозначаемых ситуаций, связанных с отображением доброты, модели их сопряжения в глагольной семантике, и обнаружить специфику репрезентации доброты в русской глагольной лексике.

Анализ материала показал, что семантический компонент ‘доброта’ занимает разные позиции в семной структуре, выполняет различные функции и выступает в облике то категориально-лексической (31%), то дифференциальной

(69%) семы.

Компонент ‘доброта’, выступая в статусе КЛС, выполняет функцию основного предиката и в словарной дефиниции репрезентируется инфинитивом или глагольно-именным сочетанием, например, выручать *‘помогать выйти из тяжелого положения’*; благотворить *‘делать добро’* [БТСРГ]. В данных дефинициях лексические репрезентанты категориально-лексической семы *‘помогать’*, *‘делать добро’* отражают доброту.

Компонент ‘доброта’ может выступать в статусе ДС и уточнять содержательно различные КЛС в разных аспектах: собственно-определятельный и образ, цель действия. Например, добреть *‘становиться отзывчивым, расположенным к людям’* (КЛС ‘становиться’); благодушествовать *‘находиться в добродушном настроении’* (КЛС ‘испытывать чувства’); благоволить *‘относиться к кому-либо доброжелательно’* (КЛС ‘относиться’); приветствовать *‘проявлять доброжелательное отношение к кому-либо, обращаясь к кому-либо с добрыми словами’* (КЛС ‘внешне проявлять отношение’); мирить *‘заставлять кого-либо восстанавливать согласие, добрые отношения между ссорившимися, враждующими’* (КЛС ‘побуждать’) [БТСРГ].

Как видим, дифференциальные компоненты, отображающие доброту, подаются в словарных дефинициях разнообразными грамматическими формами. Во-первых, семы ‘собственно-определятельная’ и ‘образ действия’ репрезентируются предложно-падежными формами эмотивных существительных, прилагательных и наречиями, обозначая различные проявляемые эмоции и чувства по отношению к другим, близкие по тональности к доброте: *доброжелательность, благосклонность, расположение, сочувствие, жалость, сострадание, милосердие, участие, приязнь*. Во-вторых, сема ‘образ действия’ также может репрезентироваться деепричастным оборотом, включающим предложно-падежную конструкцию со значением средства, например, в дефиниции слова *приветствовать* есть репрезентант *‘обращаясь к кому-либо с добрыми словами’*, отмечающий образ внешнего проявления отношения. В-третьих, сема ‘цель действия’ репрезентируется инфинитивной конструкцией,

например, в дефиниции слова *мирить* есть репрезентант '*восстанавливать добрые отношения между ссорившимися, враждующими*', указывающий на доброжелательную цель субъекта.

Русские глаголы с семантикой доброты характеризуются разной степенью семантической сложности. Их семантика может быть простой, отображает «минимальные дискретные кусочки действительности, приближающиеся к элементарным событиям и ситуациям» [Уфимцева 1986: 138], при этом обозначаемая элементарная ситуация в семной структуре выражается одним предикатом, например, *благотворительствовать* '*заниматься благотворительностью*'. Большинство глаголов данного класса имеет комплексную семантику. Это обусловлено тем, что в реальной действительности отдельные состояния, поступки, действия чаще взаимосвязаны, «глаголы способны обозначать одним словом совокупность последовательных ситуаций, развернутых событий» [Уфимцева 1986: 138]. При этом обозначаемый комплекс ситуаций в семной структуре глаголов может выражаться путем совмещения двух или более предикатов в статусе КЛС, которые в словарной дефиниции репрезентируются инфинитивами. Например, в семантике глагола *добреть* совмещаются 2 категориально-лексических значения '*становиться добрым*' и '*помогать*', в семантике *щадить* соединяются 3 позиционно равноправных предиката: '*относиться к кому-либо милосердно, с состраданием*', '*не губить кого-либо*', '*давать пощаду кому-либо*' [БТСРГ]. В этом случае совмещенные события дополняют друг друга и происходят параллельно.

Глаголы с семантикой доброты также репрезентируют комплекс ситуаций, в которых главная ситуация отображает доброту и передается основным предикатом в статусе КЛС в форме инфинитива, а зависимая ситуация выражается включенным предикатом в статусе ДС, характеризующей основную ситуацию в следующих аспектах: следствие, причина, образ и способ действия.

Включенная предикатная сема 'следствие действия' в словарной дефиниции репрезентируется инфинитивом, конкретизируя следствие совершения доброго поступка, это представляет собой '*выйти из тяжелого положения*', например,

выручать *‘помогать выйти из тяжелого положения, выводить из трудных обстоятельств’* [БТСРГ].

Сема *‘причина действия’* репрезентируется причастным оборотом, включающим причастие *вызываемый*, и сочетанием *‘по поводу + имя в родительном падеже’*, указывая причину проявления доброго отношения к кому-либо, например, сострадать *‘относиться к кому-либо с сочувствием, жалостью, вызываемыми чьим-либо несчастьем, горем’*; жалеть *‘относиться к кому-либо с состраданием, выражать соболезнование по поводу чего-либо неприятного, печального, проявляя милосердие’* [БТСРГ].

Предикатная сема *‘образ действия’* репрезентируется деепричастным оборотом, конкретизируя образ протекания доброго эмоционального состояния, например, благодушествовать *‘находиться в добродушном настроении, проводя время без дела и забот’* [БТСРГ].

Включенная предикатная сема *‘способ действия’* в словарной дефиниции репрезентируется деепричастием, конкретизируя средство выполнения доброго действия, то, каким способом побуждать кого-либо восстанавливать добрые отношения с другими, это составляет воздействие субъекта. Например, мирить *‘воздействуя на кого-либо, заставлять кого-либо восстанавливать согласие, добрые отношения между ссорившимися, враждующими’* [БТСРГ].

Итак, в семной структуре глаголов данного класса в качестве включенных предикатов могут функционировать инфинитив, деепричастие, причастие, различные предложно-падежные конструкции.

Объектом, на который направлено доброжелательное отношение, оказание помощи и доброжелательное побуждение к какому-то действию, выступает неопределенное лицо или враждующие, ссорившиеся.

Таким образом, глагол является «как бы концентрированным выражением целой ситуации» [Шмелев 1976: 10], в состав которой входят субстанции с их признаками и процессы с их характеристиками [Гак 1973: 359]. Как утверждает Л.Г. Бабенко, в лексической семантике глаголов семы функционально распределяются относительно элементов отображаемой ситуации [Бабенко 1997:

34]. В семной структуре глаголов с семантикой доброты компонент 'доброта' занимает разные позиции: категориально-лексической семой или дифференциальной семой. При включении предикативного смысла в глагольную семантику как дифференциального признака в семантике глаголов реализуются следующие логико-семантические отношения: результативные, целевые, причины, образа и манеры действия. В связи с этим выделяются следующие модели сочленения сем:

- 1) КЛС_{доброта} 'совершать добро';
- 2) КЛС_{доброта} 'помогать' + ДС_{предикат} 'следствие действия';
- 3) КЛС 'относиться' + ДС_{доброта} 'образ действия' + ДС_{предикат} 'причина действия';
- 4) КЛС 'внешнее проявлять отношение' + ДС_{доброта} 'определительность' + ДС_{предикат, доброта} 'образ действия';
- 5) КЛС 'побуждать' + ДС_{доброта} 'цель действия' + ДС_{предикат} 'способ действия';
- 6) КЛС 'становиться' + ДС_{доброта} 'определительность' + КЛС 'помочь';
- 7) КЛС 'испытывать чувства' + ДС_{доброта} 'определительность' + ДС_{предикат} 'образ действия'.

В глагольной лексике русского и китайского языков доброта отображается в разнообразных ракурсах: передается как действие, становление качества, так и проявление отношения к другим. В русском языке доброта еще изображается как пребывание в добродушном настроении, а в китайском языке доброта может проявляться в уходе за родителями и побуждении к становлению доброго характера. Большинство глаголов с семантикой доброты ориентированы на отображение комплекса ситуаций, которые связаны отношениями одновременности, дополнительности, причины, образа, манеры действия. В китайском языке в комплексной семантике глаголов отображаются ситуации, связанные отношениями логической и временной последовательности. В ней более разнообразно репрезентируются способ и цель совершения добра и включаются специфические признаки, выражающие сильную степень желаемости

субъекта и частотности выполнения доброго действия. Объектом действия в словарной дефиниции могут быть репрезентанты, которые обозначают не просто неопределенное лицо, но и конкретные номинации с указанием на родственные связи. В связи с этим, можно сказать, что доброта в китайской глагольной лексике изображается богаче, чем в русской глагольной лексике.

Выводы по второй главе

1. Статистическое описание показывает, что лексическое воплощение доброты в китайском языке (129 слов) богаче, чем в русском языке (85 слов). Национальные приоритеты в отображении доброты прежде всего обнаруживаются в асимметрии ее воплощения в различных частеречных классах слов. В китайском языке в подполе ДОБРОТА основное место занимают имена существительные (46% от общего числа слов в подполе ДОБРОТА), которые намного превосходят по количеству прилагательные (30%) и глаголы (24%). В русском языке аналогичное подполе состоит из совокупности имен существительных (42%) и прилагательных (42%), которые по количеству вместе намного превосходят глаголы (16%).

2. Набор ЛСГ в составе различных частеречных классов характеризуется неполным совпадением, которое дополняется их различием в количественной представленности в разных языках. В классах существительных разных языков наблюдается асимметрия в наборе ЛСГ: в русском языке есть 4 ЛСГ, которые являются общими для двух языков: ЛСГ «Доброта как качество характера», ЛСГ «Доброе отношение к окружающим», ЛСГ «Человек как носитель доброты», ЛСГ «Действие, характеризующееся добротой». В китайском языке еще имеются три специфические для его национальной языковой картины мира подгруппы существительных: «Речь, характеризующаяся добротой», «Доброе выражение лица», «Воздействие добра». Для русского языка основными являются ЛСГ «Доброта как качество характера», «Доброе отношение к окружающим»,

«Человек как носитель доброты» (соответственно составляет примерно 30% от общего числа существительных в подполе ДОБРОТА). В китайском языке основное место занимают ЛСГ «Человек как носитель доброты» и «Доброта как качество характера» (59%), а ЛСГ «Доброе отношение к окружающим» (12%), наоборот, занимает незначительное место. Для русского языка незначительной по составу является ЛСГ «Действие, характеризующееся добротой», а для китайского языка количественное наполнение этой группы является достаточным, в два раза превышающей в процентном отношении аналогичную группу в русском языке.

Классы прилагательных подполя ДОБРОТА в двух языках характеризуются однородностью состава, в которых выделяются три ЛСГ: «Характеризующий качество характера 'доброта'», «Характеризующий доброе отношение к окружающим» и «Внешне выражающий доброту». Для русского языка первые две ЛСГ занимают равные количественные доли в классе прилагательных подполя ДОБРОТА, соответственно составляя 53% и 47% от общего числа прилагательных. Для китайского языка первое место занимает ЛСГ «Характеризующий качество характера 'доброта'» (67%), которая в два раза в процентном отношении превышает ЛСГ «Характеризующий доброе отношение к окружающим» (30%). В двух языках ЛСГ «Внешне выражающий доброту» по составу лексических репрезентаций пересекается с другими двумя ЛСГ.

Классы глаголов подполя ДОБРОТА в русском и китайском языках имеют различное количественное наполнение (соответственно 13 глаголов и 31 глагол). В зависимости от типов интегральных компонентов доброта в семантике глаголов отображается в различных ракурсах, среди них общими для двух языков являются следующие: совершение добра, проявление доброго отношения к окружающим, становление доброго характера, оказание помощи кому-либо, побуждение к добру. В русском языке доброта еще специфически изображается как пребывание в добродушном состоянии, а в китайском языке доброта своеобразно проявляется в уходе за родителями.

В китайской субстантивной и глагольной лексике доброта изображается в сопряжении с речевой деятельностью, воздействием определенных поступков, а

также проявляется в выражении лица, уходе за родителями. Напротив, в русском языке доброта чаще репрезентируется как бытийное эмоциональное состояние.

3. Большинство слов подполя ДОБРОТА в обоих языках имеют комплексную семантику, выражающую различные сопрягаемые с добротой качества человека, сопутствующие эмоции и поступки. В семантике китайских слов доброта совмещается не только с близкими по тональности эмоциональными, этическими качествами, но и с интеллектуальными качествами (*доброта + мудрость 贤良*), с противоречащими ей признаками внешности (*добрый характер + злобное лицо 面恶心善*). В двух языках обнаруживается осмысление доброты как действия, направленного на оказание помощи нуждающимся лицам, при этом в русском языке она отображается как самопожертвование, забота о благе других, а в китайском языке ее типичным проявлением является уход за родителями, старшими, бедными и другими нуждающимися.

4. Наличие специфических семантических компонентов в структуре семем подполей ДОБРОТА обуславливает особенности отображения доброты в лексике разных языков. Китайские слова включают в свое значение следующие специфические дифференциальные компоненты: степень интенсивности проявления качества доброты (*крайне добрый*), врожденность отображаемого качества доброты (*от природы*), степень узнаваемости качества доброты (*не обнаруживаемое людьми*), конкретный субъект обозначаемого качества доброты (*женщина*), частотность совершения доброго действия (*каждый день, часто*). Семантические компоненты 'субъект' и 'объект' в дефинициях китайских слов репрезентируются не только обобщенными и неопределенными номинациями лиц, а указывают на пол, возраст, принадлежность определенному поколению, родственные отношения и другие конкретные признаки лиц. В русском языке в семной структуре слов данного подполя активно присутствует эмотивно-причинный компонент, с помощью которого 'доброта' является причиной совершения определенного поступка или проявления определенного отношения к другим людям, что передается в свернутом виде одним словом.

5. Доброта своеобразно репрезентируется в классах слов различной

грамматической природы, которые характеризуются разнообразным набором ЛСГ в разных языках, что в плане статистики и семантики обнаруживает национальные приоритеты в отображении доброты. При наличии большего количества лексических репрезентаций и специфических семантических компонентов в структуре значения слов в китайском языке можно сказать, что доброта имеет более глубокую лексическую и семантическую разработанность, чем в русском языке.

Глава 3. Грамматическая и семантическая категоризация лексики злобы в китайском и русском языках

3.1. Статистическое описание лексики злобы в китайском и русском языках

В китайском языке семантическое подполе ЗЛОБА составляют 150 слов, а в русском языке – 94 слова.

Количество китайских существительных с семантикой злобы (74 ЛСВ) в два раза больше, чем русских существительных (35 ЛСВ). Состав ЛСГ существительных в подполе ЗЛОБА характеризуется неполным совпадением. В двух языках имеются 5 общих ЛСГ существительных: «Человек как носитель злобы», «Злобное отношение к окружающим», «Речь, характеризующаяся злобой», «Действие, характеризующееся злобой», «Злоба как качество характера». В китайском языке еще имеется 2 специфические малочисленные подгруппы: «Воздействие зла» и «Злобное выражение лица», а в русском языке имеется специфическая ЛСГ существительных «Злобное состояние человека».

Классы прилагательных подполей ЗЛОБА в китайском и русском языках имеют сходное количественное наполнение (41 ЛСВ, 39 ЛСВ) и характеризуются однородностью состава. В них выделяется 3 ЛСГ: «Характеризующий качество характера ‘злоба’», «Характеризующий злобное отношение к окружающим» и «Внешне выражающий злобу», которые по составу лексических репрезентаций пересекаются друг с другом.

Классы глаголов с семантикой злобы в двух языках имеют различное количественное наполнение: в китайском языке имеется 35 глаголов, в русском языке – 20 глаголов.

3.2. Существительные, репрезентирующие злобу

3.2.1. Существительные, репрезентирующие злобу, в китайском языке

В китайском языке злоба наиболее богато отображается в субстантивной лексике, об этом свидетельствует факт, что существительные занимают наибольшую долю (53%) в составе подполя ЗЛОБА, намного превосходящие количество прилагательных (33%) и глаголов (14%). Принцип выборки слов из словарей заключается в том, что словарные дефиниции должны содержать указание на номинацию злобы. При этом из Большого словаря современного китайского языка под ред. Гун Сюешэн выявлены 74 существительных, отображающих злобу в разных ракурсах. В зависимости от типа категориально-лексических сем выделены 4 лексико-семантические группы и 3 подгруппы, различающиеся в количественном соотношении: ЛСГ «Человек как носитель злобы» (46%), ЛСГ «Злобное отношение к окружающим» (13%), подгруппа «Речь, характеризующаяся злобой» (8%), подгруппа «Злобное выражение лица» (5%), ЛСГ «Действие, характеризующееся злобой» (10%), подгруппа «Воздействие зла» (12%), ЛСГ «Злоба как качество характера» (6%).

Компонентный анализ слов позволил выделить семные структуры слов в составе лексико-семантических групп и выявить их семантические комплексы. Анализ внутреннего синтаксиса семем и лексических репрезентаций сем в словарных дефинициях позволил обнаружить основные внутренние семантические модели искомых слов и совмещенные смыслы при отображении злобы в лексическом значении слов.

ЛСГ «Человек как носитель злобы»

ЛСГ «Человек как носитель злобы» включает в себя 34 ЛСВ и является наибольшей группой по количеству единиц, занимая 46% в классе существительных подполя ЗЛОБА. Эта группа имеет богатый семантический комплекс, состоящий из КЛС 'человек' и набора ДС: 'определительность', 'оценка', 'степень качества', 'поступок', 'образ действия', 'средство действия',

‘объект действия’, ‘локальность’, ‘скрытность’.

Сема ‘определимость’ в словарной дефиниции репрезентируется прилагательными, обозначающими эмоциональные, интеллектуальные, моральные качества, близкие по тональности к качеству злобы. Например, 奸邪 ‘человек с вероломным, хитрым, лицемерным, непорядочным характером, проникнутый злобой’. В семантике слов этой группы выявляются следующие качества, сопрягаемые со злобой: коварство, жестокость, бесстыдство, грубость, вероломство, хитрость, лицемерие, испорченность, непорядочность, распушенность, самоволие. При этом наблюдаются следующие варианты совмещения злобы с другими различными психолого-интеллектуальными качествами человека: 1) злоба + сопутствующие эмоциональные качества (коварство + жестокость) (恶人); 2) злоба + моральные и эмоциональные качества (испорченность + жестокость + коварство) (腐恶); 3) злоба + интеллектуальные и моральные качества (хитрость + вероломство + лицемерие + непорядочность) (奸邪); 4) злобные внутренние качества (злоба + жестокость) + противоположные признаки внешности (доброта + кротость + приветливость) (笑面虎).

Сема ‘оценка’ нередко присутствует в семной структуре слов, репрезентирующих злобу, и выражает отрицательную оценку обозначаемого словом человека, качества характера и поведения человека. В словарных дефинициях есть следующие типичные репрезентанты ‘плохой человек’, ‘дурное дело’, ‘дурное качество характера’. Наличие регулярного семантического компонента ‘отрицательная оценка’ в семантике слов этой группы свидетельствует о негативном отношении носителей китайского языка к злобному человеку.

Сема ‘степень качества’ в словарных дефинициях репрезентируется наличием: крайне, все и обозначает сильную степень проявления качества характера и выполнения действия человеком. Например, 恶人 ‘человек с **крайне** дурными свойствами характера, имеющий злобное, коварное, жестокое сердце’;

恶少 ‘юноша с дурным характером, совершающий **все** зло’.

Носителями семантического компонента ‘человек’ в данной группе являются разнообразные морфемы: ‘人’ ‘человек’, ‘徒’ ‘отрицательный тип людей’, ‘棍’ ‘непорядочный человек’, ‘类’ ‘группа людей’, ‘党’ ‘сообщество’, ‘首’ ‘главарь’, ‘霸’ ‘человек, действующий в родной местности’, ‘子’ ‘сын’. Так, КЛС ‘человек’ в дефинициях слов этой группы репрезентируется достаточно разнообразно, обозначая и группу людей, и человека обобщенно, и человека с указанием на его различительные признаки: количественные, половые, возрастные, родственные, принадлежность к какой-либо организации и положение в ней. Например, 恶徒 ‘**человек**, склонный к жестокости, коварству, исполненный злобы, зловредный’; 丑类 ‘о **типе людей** дурных, злобных, коварных, жестоких’; 恶少 ‘дурной **юноша**’; 孽子 ‘недобродетельный **сын**’; 奸党 ‘**сообщество** вероломных негодяев, совершающих зло’; 首恶 ‘**главарь** шайки людей, совершающих преступление и зло’.

Сема ‘поступок’ присутствует в структуре 50% слов данной группы и в словарной дефиниции репрезентируется глаголом, обычно обозначая комплексное действие. В семантике слов выделяется следующее типичное поведение злобного человека: убийство, злодейство, преступление, готовность быть поработленным, оказание помощи другим в совершении зла, склонность играть женщинами, притеснение других, причинение вреда людям, неспособность содержать и ухаживать за родителями и соблюдать нормы сыновней почтительности. Эти поступки часто совмещаются в семантике слов, например, 奴才 ‘человек, который добровольно готов быть поработленным и помогает другим творить зло’; 淫棍 ‘жестокий, коварный, злобный человек, который совершает все зло в родной местности и постоянно играет женщинами’; 孽子 ‘недобродетельный сын, не способный содержать и ухаживать за родителями, не соблюдать нормы сыновней почтительности’.

Сема ‘образ действия’ в структуре слова сочетается с семой ‘поступок’, обозначая частотность (*постоянно*), скрытность (*тайно*) осуществления действия,

субъективное психологическое состояние человека, наблюдаемое при совершении действия (*добровольно*), и сопутствующие поступки в качестве образа выполнения злобного действия (*захватывать господство, составлять компанию*). Например, *‘добровольно быть поработленным’* (奴才); *‘постоянно играть женищинами’* (淫棍); *‘захватывая господство над местностью, совершать все зло’* (恶霸); *‘составляя компанию, творить зло’* (逆党).

Сема ‘средство действия’ конкретизирует способ совершения зла, уточняет то, как злой человек притесняет других, например, 土霸王 ‘злой человек, который *пользуясь своим положением, притесняет других и совершает все зло*’.

В качестве объекта действия могут использоваться лексические репрезентанты, обозначающие неопределенное лицо (*другой, человек*) и человека с указанием на его конкретные признаки: женский пол (*женищина*) и близкие родственные отношения (*родители*).

Сема ‘локальность’ характеризует место, где человек совершает зло (*в родной местности*), например, 恶棍 ‘*плохой человек с жестоким, коварным и злобным характером, который в родной местности совершает все зло*’.

Итак, КЛС ‘человек’ в структуре слов данной группы характеризуется разнообразными семантическими компонентами. Во-первых, семантические признаки определительного аспекта отрицательно характеризуют злобного человека, наделяют его комплексом качеств характера, в котором злоба совмещается со следующими типичными качествами: эмоциональными (*коварство, жестокость*), интеллектуальными (*хитрость, вероломство*) и моральными (*испорченность, непорядочность, распушенность*). В семантике слова также наблюдается совмещение противоположных по тональности внешних признаков и внутренних качеств, что выражает лицемерие человека. Во-вторых, семантические признаки предикатного аспекта характеризуют злобного человека рядом поступков, которые также конкретизируются в следующих аспектах: желание субъекта действия, частотность, интенсивность его выполнения, образ, тайность, средства и локальность осуществления действия.

Субъектная сема в семантике слов этой группы конкретно репрезентируется с указанием на молодой возраст, мужской пол, положение в обществе, родственное отношение и другие конкретные признаки лиц, объектная сема также указывает на женский пол и родственные отношения.

ЛСГ «Злобное отношение к окружающим»

ЛСГ «Злобное отношение к окружающим» (10 лексем, 13%) включает в себя существительные, обозначающие внутреннее эмоциональное отношение человека. Она имеет семантический комплекс: КЛС ‘злобное отношение’ и набор ДС: ‘определительность’, ‘оценка’, ‘поступок’.

Носителями семантического компонента ‘внутреннее эмоциональное отношение человека’ являются следующие типичные морфемы: ‘意’ ‘отношение’, ‘心眼儿’ ‘мысли’, ‘念’ ‘намерение’, ‘心’ ‘замысел’.

Сема ‘определительность’ в словарной дефиниции репрезентируется прилагательными, которые указывают на скрытность задней мысли и обозначают комплексные эмоции. Например, 鬼胎 ‘*тайные злые намерения*’. 歹意 ‘*зловредные, коварные, жестокие намерения*’. При этом в семантике слов этой группы наблюдаются следующие варианты совмещения злобы с другими близкими по тональности эмоциональными качествами: недоброжелательность + коварство (坏水); злоба + коварство + жестокость + зловредность (歹念); а также с моральными и эмоциональными качествами: злоба + зловредность + непорядочность + вероломство + жестокость (恶念).

Сема ‘оценка’ в дефинициях слов репрезентируется оценочными прилагательными (плохой, жуткий), обозначая отрицательную оценку отображаемого отношения к кому-либо. Например, 恶意 ‘*плохие намерения, мысли*’; 魔念 ‘*жуткие, зловредные, непорядочные и жестокие намерения*’.

Злобное отношение человека может внешне проявляться в следующих поступках: выполнении коварных и обманных планов, совершении зла. Например, 祸心 ‘*зловредные, вероломные, непорядочные и жестокие намерения, заключающиеся в использовании коварных и обманных планов*’, 贼心 ‘*зловредные,*

вероломные, непорядочные и жестокие мысли, проявляющиеся в совершении зла’.

Итак, злобное отношение в китайской субстантивной лексике отображается как комплексное внутреннее эмоциональное отношение, которое конкретизируется отрицательной оценкой, тайным свойством и может воплощаться во внешнем поведении. Отсутствие семантического компонента ‘объект проявления отношения’ в семной структуре слова свидетельствует о том, что в семантике существительных имплицитно выражается направленность злобного отношения на адресата.

В китайской субстантивной лексике внешнее проявление злобы изображается в сопряжении с речевой деятельностью и в выражении лица. Поэтому в этой группе выделяют следующие подгруппы существительных.

Подгруппа «Речь, характеризующаяся злобой»

Подгруппа «Речь, характеризующаяся злобой» (6 ЛСВ, 8%) включает в себя существительные, которые называют речь, слова, выражающие злобные эмоции, и имеет семантический комплекс, состоящий из интегральной семы ‘высказывание, речь’ и набора ДС: ‘определительность’, ‘оценка’ ‘объект-адресат речи’, ‘цель речи’.

Сема ‘определительность’ в словарной дефиниции репрезентируется эмотивным прилагательным или существительным, обозначающим комплексные эмоции в речи, близкие по тональности к качеству злобы: коварство, жестокость, недоброжелательство. Например, 恶舌 ‘*выражение злобы, коварства, жестокости в речи*’.

Сема ‘оценка’ в дефинициях слов этой подгруппы, выражая отрицательную оценку злобной речи, репрезентируется следующими оценочными прилагательными: невежливый, ложный, плохой, грубый, безобразный. Например, 恶骂 ‘*выражение злобы, коварства, жестокости в грубых, безобразных, оскорбительных, ругательных словах*’.

В качестве объекта-адресата злобной речи может использоваться лексический репрезентант, указывающий на неопределенное лицо (кто-либо), 谗言 ‘*выражение недоброжелательности в адрес кого-либо в ложных, плохих*

словах с целью сеять раздор между кем-либо’.

Сема ‘цель речи’ присутствует в семной структуре слова этой подгруппы, характеризует злобную речь в аспекте цели – *обвинение, оскорбление, сеяние раздора* – и целенаправленно повергает адресата речи в негативное эмоциональное состояние. Например, 坏话 ‘*выражение недоброжелательности в адрес кого-либо в плохих словах с целью обвинить и опозорить кого-либо*’.

Итак, в этой подгруппе речевая деятельность наполняется комплексными негативными эмоциями: *злота, коварство, жестокость, недоброжелательность*, характеризуется пейоративной оценкой: *невежливый, плохой, ложный, грубый и др.*, конкретизируется объектом-адресатом речи, а также недоброжелательными целями: *обвинение, оскорбление, сеяние раздора*.

Подгруппа «Злобное выражение лица»

К подгруппе «Злобное выражение лица» (4 лексемы, 5%) относятся слова, называющие комплексное злобное эмоциональное переживание в выражении лица, в семантике слов выражение лица характеризуется регулярным комплексом эмоций: *злота + коварство + жестокость*. Например, 煞气 ‘*злобное, коварное и жестокое выражение лица*’; 横肉 ‘*мышцы лица, выглядящие злобными, коварными и жестокими*’.

ЛСГ «Действие, характеризующееся злобой»

ЛСГ «Действие, характеризующееся злобой» (8 лексем, 10%) включает в себя существительные, обозначающие злобные поступки. В состав семантического комплекса этой группы входят КЛС ‘поведение’ и набор ДС: ‘оценка’, ‘степень качества’, ‘определительность’, ‘цель действия’, ‘образ действия’, ‘следствие действия’, ‘объект действия’.

Сема ‘оценка’ в структуре слова дает отрицательную оценку определяемого поведения, 恶习 ‘*плохой поступок и плохая привычка*’.

Сема ‘степень качества’ в дефиниции слова репрезентируется наречием степени, обозначающим степень интенсивности отрицательной оценки действия, 恶行 ‘*крайне плохой поступок*’.

Сема ‘определительность’ в дефинициях слов репрезентируется эмотивными прилагательными, которые наделяют поведение комплексными качествами, близкими по тональности к качеству злобы. Например, 毒手 ‘злые, жестокие, коварные и зловредные средства’. При этом наблюдаются регулярные варианты совмещения злобы с эмоциональными качествами: злоба + жестокость + коварство + зловредность (毒手), совмещение злобы с интеллектуальными, моральными и эмоциональными качествами: злоба + вероломство + непорядочность + жестокость + зловредность (邪气).

В структуре слов этой группы злобное поведение конкретизируется следующими семантическими признаками: ‘объект действия’, в качестве которого выступает неопределенное лицо, ‘цель действия’ – ‘с целью вредить другим’ (坏水), ‘образ действия’ – ‘тайно вредить другим’ и ‘следствие действия’ – ‘подвергать действующее лицо возмездию’ (罪孽).

Анализ дефиниций слов данной группы позволил выявить следующее типичное злобное поведение: *причинение вреда другим, нарушение закона и совершение поступков против совести* (罪恶).

Итак, в субстантивной лексике злобное поведение характеризуется преимущественно оценочными, эмоциональными, интеллектуальными и моральными качествами, сопрягаемыми по тональности со злобой. В семантике слов обычно имеется указание на характер выполнения действия (тайный вид), цель злобного поведения (причинение вреда) и его последствие (получение дурного возмездия).

Подгруппа «Воздействие зла»

Подгруппа «Воздействие зла» (9 ЛСВ, 12%) имеет семантический комплекс: интегральная сема ‘воздействие зла’ и дифференциальные семы: ‘оценка’, ‘причина’, ‘темпоральность’, ‘поступок’.

Носителями семантического компонента ‘результат под воздействием зла’ являются различные морфемы: ‘果’ ‘результат’, ‘报’ ‘последствие’, ‘障’ ‘преграда’, ‘债’ ‘долг’, ‘魂’ ‘влияние’. Например, 阴魂 ‘дурное влияние злодеев,

злых поступков'; 业债 'долг за злодеяние'.

Сема 'оценка' в словарной дефиниции репрезентируется оценочными прилагательными: *плохой, дурной, несчастный, злой*, обозначая отрицательную оценку отображаемого словом последствия.

Семы 'причина' и 'поступок' в структуре слова составляют причинно-следственные цепи: совершение зла является причиной получения плохого возмездия, несчастья. Например, 恶果 '*дурные, несчастные последствия из-за злых поступков*'.

Сема 'темпоральность' в дефиниции слова репрезентируется прилагательным, указывающим временной ряд, составляя отношения временной последовательности между компонентами 'причина' и 'плохой результат', например, 业障 '*преграда нынешней жизни из-за предыдущего злодеяния*'.

Итак, смысл 'что посеешь, то и пожнешь' находит относительно богатое отражение в семантике слов, репрезентирующих злобу. Это учит носителей китайского языка не совершать зло, иначе можно получить несчастье.

ЛСГ «Злоба как качество характера»

Малочисленная ЛСГ «Злоба как качество характера» (5 ЛСВ, 6%) имеет простой по составу семантический комплекс: состоящий из КЛС 'качество характера' и набора ДС: 'определимость', 'оценка', 'степень качества', 'естественность'. Исходя из состава семантического комплекса этой группы мы наблюдаем, что КЛС 'злой характер' характеризуется только в собственно-определятельном аспекте.

Сема 'определимость' в словарной дефиниции репрезентируется прилагательным, обозначающим комплексные эмоциональные, моральные и интеллектуальные качества, сопрягаемые по тональности с качеством злобы. При этом реализуются следующие варианты совмещения различных качеств: злоба + коварство + жестокость + безнравственность (黑心); злоба + жестокость + вероломство + непорядочность (贼性).

Сема 'оценка' в словарной дефиниции репрезентируется оценочным

прилагательным (*плохой, дурной*), ¹¹⁶ выражающим отрицательную оценку отображаемого словом качества характера человека. Например, 坏心眼儿 '*плохая душа, дурное качество характера*'.

Сема 'степень качества' в структуре слова этой группы характеризует отображаемое оценочное и эмоциональное качество сильной, даже высшей степенью, например, 丑行 '*крайне плохой характер*'; 兽心 '*крайне жестокое, коварное и злобное качество характера, доведение до степени совершенно бесчеловечного*'.

Сема 'естественность' подчеркивает врожденность отображаемого злобного характера, носителем данного семантического компонента является морфема '性' 'натура'. Например, 贼性 '*злобное, жестокое, вероломное и непорядочное качество характера от природы*'.

Итак, в семантике существительных, отображающих злобное качество человека, отражается комплекс эмоциональных качеств и имеется указание на степень интенсивности отрицательной оценки и врожденность отображаемого качества.

Как показали статистическое описание и семантический анализ, в классе существительных подполя ЗЛОБА по количественной представленности основной является ЛСГ «Человек как носитель качества злобы», составляя 46% от общего числа существительных, а ЛСГ «Злоба как качество характера» является незначительной, составляя маленькую долю (6%).

Анализ лексических репрезентантов отдельных сем в дефинициях существительных, репрезентирующих злобу, позволил выявить лексико-семантические особенности отображения злобы в субстантивной лексике.

Сема 'определительность' регулярно повторяется в структуре слов, отображающих злобу, и обозначает различные качества, сопрягаемые по тональности с качеством злобы. В их семантике наблюдаются следующие типичные варианты совмещения злобы с другими качествами: злоба + эмоциональные качества (*коварство, жестокость*); злоба + интеллектуальные +

этические + эмоциональные качества (*вероломство, хитрость, непорядочность, жестокость*). В семантике слова также присутствует совмещение противоположных по тональности качеств: внешние признаки (*доброта, кротость, приветливость*) + внутренние качества (*жестокость, злоба, зловредность*). Слова, обозначающие злобного человека, эмоциональное отношение и поведение, включают в значение указание на скрытность (*тайный, потенциальный вид*), выражая их неблагоприятность и неприемлемость.

В семантике существительных подполя ЗЛОБА включаются разнообразные отрицательные оценки отображаемого денотата: *плохой, дурной, жуткий, несчастный, злой, невежливый, ложный, грубый, безобразный*.

При обозначении злобного характера человека частотный компонент значения 'степень качества' выражает интенсивность проявления злобы (*крайне, доведение до совершенно бесчеловечного*). Компонент значения 'естественность' указывает на врожденность злобного характера (*от рождения*).

Субъектная сема в дефинициях слов подполя ЗЛОБА репрезентируется достаточно разнообразно, обозначая человека с актуализацией конкретных признаков: возрастных, половых, родственных, местности, положения в обществе и др. Лексические репрезентанты объектной семы обычно отличаются обобщенностью номинации человека, иногда обозначают человека с указанием на женский пол и родственные отношения. Учитывая половые признаки человека в качестве субъекта и объекта действия мы отметили, что в семантике исследуемых слов субъектом злобного поведения выступает человек мужского пола, а объектом – женского пола.

При изображении злобного действия в семантике слов указываются его следующие характеристики: субъективное желание (*добровольно*), частотность действия (*постоянно*), интенсивность (*все зло*) и место совершения зла (*в родной местности*), образ выполнения основного злобного действия (*захватывать господство над местностью, составлять компанию*), средство осуществления действия (*посредством положения субъекта в обществе*), цель (*вредить другим*) и следствие свершения действия (*подвергать действующее лицо возмездию*).

Семы 'причина' и 'темпоральность' в семантике слов, обозначающие воздействие зла, характеризуют причинно-следственные и временные последовательные отношения между неблагоприятным результатом и злыми поступками.

Итак, злоба самобытно репрезентируется в китайской субстантивной лексике, что проявляется в своеобразном структурировании различных ЛСГ в составе подполя ЗЛОБА и наличии специфических компонентов в семантике отдельных слов.

3.2.2. Существительные, репрезентирующие злобу, в русском языке

В русском языке выделяются 35 существительных, содержащих эмоциональный компонент 'злоба' или тесно связанные с ним эмоциональные компоненты. В зависимости от типа КЛС мы распределили данные русские существительные по 6 ЛСГ, которые различаются в количественном соотношении: ЛСГ «Человек как носитель злобы» (40%), ЛСГ «Злобное отношение к окружающим» (14%), ЛСГ «Речь, характеризующаяся злобой» (20%), ЛСГ «Злобное состояние человека» (10%), ЛСГ «Злоба как качество характера» (8%), ЛСГ «Действие, характеризующееся злобой» (8%).

ЛСГ «Человек как носитель злобы»

Это наибольшая группа существительных с семантикой злобы, которая включает в себя 14 ЛСВ и составляет 40% от общего числа существительных в подполе ЗЛОБА в русском языке. Ее семантический комплекс состоит из КЛС 'человек' и набора ДС: 'определительность', 'оценка', 'степень качества', 'причина', 'поступок', 'объект проявления отношения'. Анализ семной структуры слов этой группы позволил обнаружить, что существительные отображают человека как носителя злобы в трех ипостасях: проявление эмоционального отношения человеком к другим, его внутреннее качество и внешнее поведение. Например, недоброжелатель *'человек, который настроенный по отношению к*

кому-либо неприязненно, недружелюбно, враждебно, не желающий добра другому' [БТСРС], мучитель 'человек, отличающийся крайней жестокостью, любящий мучить кого-либо' [БТСРС]. В данных дефинициях различаются лексические репрезентанты, характеризующие указанные выше аспекты: 'человек, настроенный по отношению к кому-либо неприязненно', 'человек, отличающийся крайней жестокостью', 'человек, любящий мучить кого-либо'.

Сема 'определительность' в словарной дефиниции репрезентируется эмотивной лексикой, обозначающей различные эмоциональные качества, близкие по тональности к качеству злобы: *неприязнь, недружелюбие, враждебность, нерасположение, придирчивость, ненависть, отвращение, насмешливость, хитрость, язвительность, коварство, жестокость, зловредность*. В семантике слов обнаруживаются следующие варианты совмещения злобных эмоциональных качеств: злоба + придирчивость + враждебность (*злопыхатель*); злоба + насмешливость + хитрость + язвительность + коварство (*ехидна*); неприязнь + недружелюбие + враждебность (*недоброжелатель*); ненависть + неприязнь + отвращение (*ненавистник*).

Сема 'оценка' в словарной дефиниции слов репрезентируется оценочными прилагательными и наречиями: *несправедливо, злой, низкий, дурной*, отрицательно характеризует качество человека, эмоциональное отношение человека к другим и его поведение. Например, злопыхатель 'человек, *несправедливо* злобствующий на кого-нибудь' [БТСРС], негодяй 'о человеке *подлом, низком, бесчестном, совершающем что-либо дурное*' [БТСРС].

Сема 'степень качества' в семной структуре конкретизирует интенсивность проявления качества человека и острое желание совершения поступков, например, мучитель 'человек, отличающийся *крайней жестокостью*' [БТСРС], садист 'человек, одержимый *страстью* к жестокостям, истязаниям' [БТСРС].

Сема 'причина' в словарной дефиниции репрезентируется сочетанием 'от + имя эмоций, чувств в родительном падеже', например, садист 'человек, получающий наслаждения *от чужих страданий, боли*' [БТСРС]. В семантике этого слова передаются причинно-следственные отношения между

противоположными по тональности эмоциями: чужие страдания, боли являются причиной получения наслаждения субъекта.

Лексические репрезентанты семы 'по поступок' в дефинициях слов обозначают следующее типичное поведение злобного человека: совершение злодеяния, выполнение дурных, жестоких поступков; стремление задеть, колоть, мучить, истязать кого-то; побуждение к злу. Например, злодей *'тот, кто совершает злодеяние, кто способен на него'* [БТСРС].

Объектом проявления злобного отношения выступает неопределенное лицо.

Итак, человек как носитель злобы в русской субстантивной лексике изображается как носитель комплексных эмоциональных качеств по отношению к другим и субъект, совершающий определенные поступки. При этом отображаемые качества и действия характеризуются отрицательной оценкой, сильной степенью, а также конкретизируются в зависимости от эмоциональной причины.

ЛСГ «Злобное отношению к окружающим»

Эта группа (5 ЛСВ, 14%) включает в себя существительные, отображающие злобу как эмоциональное отношение к окружающим, и имеет семантический комплекс: КЛС 'отношение' и ДС: 'определительность', 'степень проявления эмоций', 'оценка', 'причина', 'объект проявления эмоций', 'поступок'.

Сема 'определительность' в словарной дефиниции репрезентируется эмотивными прилагательными и существительными, выражающими разные эмоциональные качества, связанные или совмещенные со злобой: недоброжелательность, враждебность, ирония, насмешка, ехидство, язвительность, неприязнь, ненависть. Например, человеконенавистничество *'отношение к людям, человечеству, основанное на сильной злобе, неприязни, ненависти'* [БТСРС]. В семантике слов этой группы обнаруживаются варианты совмещения злобы с другими эмоциональными качествами: злоба + неприязнь + ненависть (човеконенавистничество); злоба + ирония + насмешка (язвительность); злоба + ехидство + язвительность (яд). При этом комплексные эмоциональные отношения также характеризуются степенью проявления – *сильный* и отрицательной оценкой – *ненормальный*.

Дифференциально-эмотивная сема 'причина' в семной структуре слова *садизм* конкретизирует причину получения наслаждения субъекта, то, из чего злобный человек испытывает наслаждение, и это представляет собой чужие страдания и боли. Злобные эмоции также проявляются во внешнем поведении: жестокости и истязании. Например, садизм '*состояние наслаждения, упоения, получаемое **при наблюдении чужих страданий, боли, ненормальная страсть к жестокостям, истязаниям***' [БТСРС].

Объектом проявления отношения в словарной дефиниции слов этой группы могут быть репрезентанты, которые обозначают не просто неопределенное лицо, но и совокупность людей (*мир, человечество*).

Итак, злоба по отношению к другим отображается в комплексе с другими эмоциями (*неприязнь, ненависть, враждебность, ехидство*) и характеризуется сильной степенью ее проявления.

В русской субстантивной лексике внешнее выражение злобы также воплощается в речевой деятельности, поэтому выделяется следующая группа.

ЛСГ «Речь, характеризующаяся злобой»

Эта группа (7 ЛСВ, 20%) включает в себя существительные, обозначающие слова, речь, в которых выражаются злобные эмоции. Ее семантический комплекс состоит из КЛС 'высказывание, слова' и набора ДС: 'определительность', 'оценка', 'цель речи', 'средство', 'объект-адресат'.

Сема 'определительность' в словарной дефиниции слов этой группы репрезентируется эмотивными прилагательными и существительными, которые обозначают выражаемые в речи различные эмоции, близкие по тональности к злобе: обвинение, недоброжелательность, обида, язвительность. Например, злословие '*выражение осуждения, недоброжелательности, злобы в разговоре с кем-либо*' [БТСРС].

Сема 'оценка' в словарной дефиниции репрезентируется как: *ложный, уничтожающий*, выражая отрицательную оценку называемой речи.

Сема 'цель речи' в семной структуре слов характеризует КЛС 'высказывание, речь' в аспекте цели и в словарной дефиниции репрезентируется

сочетанием 'с целью + глагол в инфинитиве', например, клевета '*выражение обвинения в адрес кого-либо с целью опозорить кого-либо*' [БТСРС], подковырка '*слова, высказанные с целью болезненно задеть человека, его чувства*' [БТСРС].

Сема 'средство выражения эмоций' в семантике слов этой группы указывает на определенное языковое средство выражения злобы, то, с помощью чего выражается злоба, это может быть *насмешка, замечание, ирония*. Например, подковырка '*слова, высказанные с целью болезненно задеть человека, его чувства насмешкой, язвительным замечанием*' [БТСРС].

Объектом-адресатом речи, выражающей злобу, может выступать неопределенное лицо.

Итак, в этой группе речевая деятельность характеризуется и комплексом эмоций (*злоба, недоброжелательность, осуждение, язвительность*), и недоброжелательной целью (*опозорить, задеть человека*). В семантике слов также есть указание на отрицательную оценку высказывания (*ложный, уничтожающий*) и средство выражения злобы (*насмешка, ирония*).

ЛСГ «Злобное состояние человека»

ЛСГ «Злобное состояние человека» (4 ЛСВ, 10%) включает существительные, обозначающие злобное эмоциональное состояние, и имеет семантический комплекс: КЛС 'эмоциональное состояние' и ДС 'определительность', 'причина', 'степень качества'.

Сема 'определительность' в словарной дефиниции репрезентируется эмотивными существительными и прилагательными, обозначающими различные эмоции, которые близки по тональности к злобе. При этом в семантике слов выделяются следующие варианты совмещения различных чувств: злоба + ненависть + гнева (*ожесточение*), раздражение + враждебность (*злость*), гнев + раздражение (*озлобление*), а также вариант совмещения противоположных по тональности чувств: злоба + радость (*злорадство*).

Сема 'причина' в семной структуре слова конкретизирует причину пребывания в определенном состоянии и в словарной дефиниции репрезентируется предложно-падежным сочетанием с предлогом *при* и

причастным оборотом, включающим слово *вызванный*, например, злорадство *‘злая радость, испытываемая при несчастье, неудаче другого’* [БТСРС]; ожесточение *‘состояние злобы, ненависти, гнева, вызванное какими-либо неблагоприятными обстоятельствами, событиями’* [БТСРС].

Сема ‘степень качества’ репрезентируется в словарной дефиниции прилагательными, обозначающими сильную степень эмоционального качества: *сильный, крайний*. Например, злость *‘состояние **сильного** раздражения, враждебности’* [БТСРС].

Злобное состояние человека обычно отображается как комплекс эмоций, в котором совмещены не просто близкие по тональности чувства: *злоба, ненависть, гнев, раздражение, враждебность*, но и противоположные чувства: *злоба, радость*. В семантике существительных этой группы также имеется указание на причину пребывания в негативном эмоциональном состоянии (*неблагоприятные обстоятельства, события, чужие несчастье и неудача*) и на интенсивность эмоций (*сильно*).

ЛСГ «Злоба как качество характера»

Эта малочисленная группа (3 ЛСВ, 8%) включает в себя существительные, репрезентирующие злобный характер человека и имеет семантический комплекс: КЛС ‘качество характера’ и набор ДС: ‘определительность’, ‘оценка’, ‘отсутствие чего-либо’, ‘объект проявления отношения’.

Сема ‘определительность’ в словарной дефиниции репрезентируется эмотивными прилагательными и существительными, обозначающими проявляемые эмоциональные качества по отношению к кому-либо, близкие по тональности к злобе. Сема ‘отсутствие чего-либо’ в семной структуре указывает на отсутствие противоположных по отношению к злобе эмоциональных качеств. При этом в семантике слов выделяются следующие варианты совмещения эмоциональных качеств: *бездущность + отсутствие чуткости, сострадания (бессердечие)*, *недоброжелательность + отсутствие жалости (жестокосердие)*. Объектом проявления отношения выступает неопределенное лицо или страждущие.

В семантике слова *коварство* указывается противоположность между внешней и внутренней сторонами человека, т.е. совмещены противоположные оценки и качества: подлый, злой (*сущность*) + благодушный, доброжелательный (*внешне*).

Итак, качество характера ‘злоба’ в семантике существительных изображается путем отсутствия определенных добрых качеств характера (*чуткость, сострадание, жалость*) и наличия показной доброжелательности.

ЛСГ «Действие, характеризующееся злобой»

В этой малочисленной группе (3 ЛСВ, 8%) существительные обозначают злобный поступок, в семной структуре которых присутствуют КЛС ‘поступок’ и ДС ‘определительность’, ‘цель действия’. Семантические признаки определительного аспекта наделяют называемый поступок следующими качествами: *злодейский, злой, недоброжелательный*. Например, злодеяние ‘*злодейский поступок, преступление*’ [БТСРС]. В семантике слова *каверза* также указывается цель обозначаемого словом действия – запутать что-либо, причинение вреда кому-либо. Например, *каверза ‘выражение отношения недоброжелательства к кому-л в злой интриге, происках, затеваемых с целью запутать что-либо, повредить кому-либо’* [БТСРС].

Итак, злоба в русской субстантивной лексике отображается в разных денотативных сферах: человек, качество характера, эмоциональное отношение к окружающим, а также эмоциональное состояние человека. В семантике русских существительных злоба репрезентируется в комплексе с различными эмоциональными качествами по отношению к кому-либо (*неприязнь, недружелюбие, враждебность, нерасположение, ненависть, жестокость и др.*), она также характеризуется причиной ее появления (*чужие несчастье, страдание и боль; неблагоприятное положение субъекта*).

Количество существительных, репрезентирующих злобу, в китайском языке гораздо больше, чем в русском языке, в котором отсутствуют существительные, обозначающие злобное выражение лица и воздействие зла. Злоба в китайской лексике обладает глубокой лексической и семантической разработанностью, что

проявляется в содержательности семантики китайских слов. В их семантике злоба может совмещаться с интеллектуальными и этическими качествами (*вероломство, непорядочность*), субъектная сема разнообразно репрезентируется в актуализации различительных признаков человека (*возрастные, половые, положение в обществе, родственные отношения и др.*). Более того, китайские существительные включают в свое значение указание на врожденность злобного характера (*от природы*), скрытность злобного отношения (*тайный*), следствие (*получение дурного возмездия*) и локальность (*в родной местности*) злобного действия.

3.3. Прилагательные, репрезентирующие злобу

3.3.1. Прилагательные, репрезентирующие злобу, в китайском языке

В русском языке в подполе ЗЛОБА имеется 41 прилагательное, содержащее в значении эмотивный компонент ‘злобный’. Класс прилагательных с семантикой злобы в основном состоит из ЛСГ «Характеризующий качество характера ‘злоба’» (86% от общего числа прилагательных), в ней некоторые слова одновременно относятся к ЛСГ «Характеризующий злобное отношение к окружающим» и «Внешне выражающий злобу», и даже составляют большую часть этих групп. Отсюда видно, что выделяемые 3 ЛСГ по составу лексических репрезентаций пересекаются друг с другом.

ЛСГ «Характеризующий качество характера ‘злоба’»

Эта наибольшая группа включает в себя 35 прилагательных, характеризующих злобное качество, и имеет семантический комплекс: КЛС ‘имеющий злобное качество’ и ДС: ‘определительность’, ‘отсутствие чего-либо’, ‘степень качества’.

Сема ‘отсутствие чего-либо’ в словарной дефиниции прилагательных этой группы выражается сочетанием ‘*не имеющий + имя качеств человека*’, например,

不仁 *бесчеловечный* ‘не имеющий доброе и отзывчивое качество’; 黑心 ‘не имеющий нравственность и доброе качество’. Сема ‘степень качества’ репрезентируется наречием степени, обозначающей интенсивность проявления качества, 万恶 ‘**крайне** злой, зловердный’.

Сема ‘определительность’ в словарной дефиниции слов этой группы репрезентируется прилагательными, обозначающими различные эмоциональные, этические и интеллектуальные качества, близкие по тональности к качеству злобы: неотзывчивость, жестокость, коварство, зловердность, язвительность, вероломство, развязность, варварство, смелость, грубость, испорченность, непорядочность, хитрость, лицемерие, многоопытность, угодливость. Например, 恶毒 ‘имеющий злобное, зловердное качество, склонный к жестокости, коварству’, в семантике которого основное качество злоба дополняется сопутствующими эмоциональными качествами: *жестокость, коварство*. Семантический анализ таких прилагательных со включенными эмотивными смыслами позволил выявить 3 регулярных варианта совмещения качеств: злоба + жестокость, злоба + коварство + жестокость, злоба + вероломство, на основе которых в семантику прилагательных включаются другие эмоциональные, этические и интеллектуальные качества: 1) злоба + жестокость + *зловердность* (凶残) / *развязность* (凶狂) / *варварство* (凶蛮) / *смелость* (凶猛); 2) злоба + коварство + жестокость + *грубость* (粗犷) / *испорченность* (腐恶) / *многоопытность* (老辣) / *язвительность* (刻毒); 3) злоба + вероломство + *жестокость* (奸凶) / *коварство* (险恶) / *непорядочность* + *жестокость* (奸恶) / *непорядочность* + *жестокость* + *зловердность* (邪恶) / *непорядочность* + *жестокость* + *хитрость* (刁恶) / *непорядочность* + *хитрость* + *лицемерие* (奸邪) / *непорядочность* + *хитрость* + *лицемерие* + *угодливость* (奸佞) / *непорядочность* + *коварство* + *разврат* (淫邪). Большинство прилагательных в этой группе семантически пересекается при наличии и общих, и дифференциальных компонентов в их семантике; некоторые прилагательные

связаны отношениями включения, когда все компоненты одного прилагательного включаются в другое, которое в своем значении еще содержит специфические компоненты; в данной многочисленной группе также присутствуют абсолютные синонимы, содержащие полностью сходные семантические компоненты, например, 恶毒 = 歹毒 = 凶恶 = 毒辣.

В семантике прилагательного 阴险 коварный также наблюдается совмещение противоположных по тональности качеств человека, отражая двуличный характер, например, *‘кажущийся добрым, кротким, приветливым, на самом деле имеющий вероломный, жестокий, злобный и зловредный характер’*.

Итак, прилагательные, характеризующие качество характера ‘злоба’, отображают комплексные злобные эмоциональные и этические качества, в том числе, *жестокость, коварство, вероломство и непорядочность* являются регулярными и частотными дополнительными качествами. При наличии общих семантических компонентов прилагательные этой группы семантически связаны отношениями пересечения, включения и тождества. Они включают в свое значение указание на интенсивность проявления качества и отсутствие определенных добрых качеств.

ЛСГ «Характеризующий злобное отношение к окружающим»

ЛСГ «Характеризующий злобное отношение к окружающим» (16 ЛСВ, 38%) включает в себя прилагательные, обозначающие проявление злобных эмоций по отношению к другим, она по составу лексических репрезентаций пересекается с ЛСГ «Характеризующий качество характера ‘злоба’», в них имеются 12 совпадающих прилагательных. Например, 恶毒 1) *‘зловредный, проявляющий злобу, жестокость и коварство’*; 2) *‘имеющий злобный, зловредный характер, склонный к жестокости, коварству’*. Данная группа имеет следующий семантический комплекс: КЛС ‘проявляющий злобное отношение’ и ДС ‘определительность’, ‘оценка’, ‘объект проявления отношения’.

Сема ‘определительность’ в словарной дефиниции слов этой группы репрезентируется прилагательными и существительными, обозначающими различные сопутствующие эмоции при проявлении злобного отношения и

совмещенные этические качества человека: недоброжелательность, жестокость, коварство, непочтение, вероломство и непорядочность. Например, 没良心 *‘проявляющий недоброжелательное отношение’*, 邪恶 *‘непорядочный, вероломный, зловерный, проявляющий злобное и жестокое отношение’*.

Сема ‘оценка’ репрезентируется оценочным прилагательным *‘сумасшедший’*, обозначающим отрицательную оценку субъекта проявления злобного отношения, 狂虐 *‘сумасшедший, проявляющий злобное и жестокое отношение’*. Объектом злобного отношения служат не только неопределенное лицо, но и конкретный человек с указанием на родственные связи (*родители*). Например, 不孝 *‘проявляющий непочтение к родителям, не ухаживающий за ними’*.

Итак, прилагательные, обозначающие злобное отношение к окружающим, отображают комплекс эмоциональных и этических качеств, сопрягаемых со злобой: *жестокость, коварство, вероломство, непорядочность*. Они также включают в свое значение оценку проявляемого эмоционального отношения человека (*сумасшедший*) и конкретный объект проявления непочтительного отношения человека (*родители*).

ЛСГ «Внешне выражающий злобу»

ЛСГ «Внешне выражающий злобы» (17 ЛСВ, 40%) по составу лексических репрезентаций пересекается с вышеуказанными двумя группами, в ней имеются 15 совпадающих и 2 специфических прилагательных. Прилагательные этой группы характеризуют выражение злобных эмоций в речи и мимике, например, 残忍 жестокий *‘выражающий злобу, неотзывчивость, зловерный’* (*жестокый голос, жестокий взгляд*). Данная группа имеет семантический комплекс: КЛС *‘выражающий злобу’* и ДС: *‘определительность’*, *‘оценка’*.

В семантике прилагательных этой группы отображаются внешне проявляемые комплексные эмоциональные и этические качества, близкие по тональности к злобе: жестокость, неотзывчивость, коварство, вероломство, разврат, непорядочность, смелость, например, 凶猛 *‘выражающий злобу, жестокость, полный смелости’*, а также указывается отрицательная оценка

определяемого денотата, например, 狰狞 *‘страшный, выражающий злобу, жестокость (о выражении лица)’*. В семантике прилагательного 面恶心善 также совмещаются злобные признаки внешности и противоположные по тональности добродушные внутренние качества человека – *‘имеющий злобное выражение лица, но доброжелательный, кроткий и дружелюбный характер’*.

Таким образом, злоба в китайской адъективной лексике изображается как комплексное качество характера человека, как внутреннее злобное отношение человека и как внешнее выражение злобных эмоций. В семантике прилагательных злоба отображается в комплексе с различными близкими по тональности эмоциональными и этическими качествами, а также наблюдается совмещение противоположных качеств человека: показная доброта и фактические злобные качества человека, злобные признаки внешности и добрые внутренние качества. При наличии общих эмотивно-дифференциальных компонентов прилагательные, репрезентирующие злобу, связаны между собой отношениями, прежде всего, пересечения, включения, а также тождества. Они включают в свое значение указание на интенсивность проявления качества (*крайне*) и его отрицательную оценку (*сумасшедший, страшный*).

3.3.2. Прилагательные, репрезентирующие злобу, в русском языке

В русском языке в подполе ЗЛОБА имеется 39 прилагательных. В зависимости от типа КЛС они распределяются по 3 ЛСГ: «Характеризующий качество характера ‘злоба’» (59%), «Характеризующий злобное отношение к окружающим» (38%), и ЛСГ «Внешне выражающий злобу» (41%), которые по составу лексических репрезентаций пересекаются с другим двумя группами.

ЛСГ «Характеризующий качество характера ‘злоба’»

Эта группа включает в себя 23 прилагательных, отображающих злобный характер человека, и занимает основное место в классе прилагательных подполя

ЗЛОБА. Ее семантический комплекс состоит из КЛС ‘имеющий злобное качество’ и ДС ‘определительность’, ‘оценка’, ‘степень качества’.

Анализ лексических репрезентантов семы ‘определительность’ позволил выявить различные дополнительные эмоциональные качества, совмещенные со злобой: враждебность, недоброжелательность, раздражение, коварство, ненависть, язвительность. Например, злой *‘преисполненный чувства злобы, вражды, недоброжелательности (о человеке)’*; дьявольский *‘злобный, коварный’*.

Сема ‘степень качества’ в семной структуре прилагательных указывает на сильную степень качества злобы и репрезентируется в словарной дефиниции прилагательным, наречием и причастным оборотом со значением степени: *очень, сильный, необыкновенный, сверхчеловеческий, крайне, дошедший до*, например, осатанелый *‘крайне злобный, дошедший до бешенства’*.

В семной структуре прилагательных этой группы также присутствуют предикатные компоненты по рангу КЛС, которые отражают качество злобы, например, злоречивый *‘зло, язвительно говорящий о других’*; злопамятный *‘памятливый на зло, не прощающий обиды, зла, мстящий за них’*; мстительный *‘причиняющий зло, неприятности’*.

Итак, прилагательные, репрезентирующие качество характера ‘злоба’, отображают комплексные эмоциональные качества, близкие по тональности к злобе, и типичные поступки, отражающие злобу: *говорить зло, быть памятливым на зло, причинять зло*.

ЛСГ «Характеризующий злобное отношение к окружающим»

Эта группа включает в себя 15 прилагательных, отображающих проявление злобных эмоций по отношению к другим, и имеет семантический комплекс: КЛС ‘проявляющий злобное отношение’, ДС ‘определительность’, ‘оценка’, ‘объект действия’.

Сема ‘определительность’ в словарной дефиниции прилагательных этой группы репрезентируется эмотивной лексикой, выражающей сопутствующие эмоции в протекании проявления злобного отношения, близкие по тональности к злобе: озлобление, враждебность, неприязнь, недружелюбие, придирчивость,

злорадство, оскорбительность, язвительность. Например, злопыхательский *‘злоствующий на кого-н., пышащий злобой, придирчиво, враждебно относящийся к кому-нибудь’*, в семантике данного слова основное качество *‘злоба’* сопровождается другими качествами: враждебность, придирчивость. В семантике прилагательных этой группы также содержится указание на сознательность субъекта проявления злобы и отрицательную оценку проявляемого отношения, например, злостный *‘предумышленно направленный, стремящийся ко злу, исполненный злых умыслов’*; злопыхательский *‘несправедливо злоствующий на кого-либо’*.

Предикатные компоненты в семантике прилагательных выражают следующие поступки, проявляющие злобу по отношению к окружающим: желать зла людям (*зложелательный*), досадить, задеть другого (*язвительный*), стремиться к злу (*злостный*).

Объектом проявления злобного отношения является неопределенное лицо.

ЛСГ «Внешне выражающий злобу»

Эта группа (16 ЛСВ) по составу лексических репрезентаций пересекается с вышеуказанными двумя группами. В ней прилагательные отображают внешне проявляемые злобные эмоции в речи, мимике, действии и др., например, злой *‘выражающий злобу, раздражение’* (злой язык, злая улыбка, злая насмешка). Семантический комплекс ЛСГ составляет КЛС *‘выражающий злобу’* и ДС: *‘определительность’*, *‘степень качества’*, *‘оценка’*. В семантике прилагательных выражаются различные эмоциональные качества, совмещенные со злобой: раздражение, коварство, недоброжелательность, ожесточение, недружелюбие, нерасположение, неприязнь, язвительность, например, озлобленный *‘выражающий злобу, ожесточение’*. В их семантику также включается указание на сильную степень (*крайний*) и отрицательную оценку (*дурной*) выражаемых эмоциональных качеств, например, осатанелый *‘выражающий крайнее озлобление, бешенство, крайнюю ярость’*; зловещий *‘являющийся дурным предзнаменованием, предвещающий несчастье, зло’*.

Таким образом, классы прилагательных подполей ЗЛОБА в русском и

китайском языках характеризуются однородностью состава. Злоба в адъективной лексике обоих языков изображается как комплексное качество характера человека, эмоциональное отношение к окружающим, так и внешнее выражение злобных эмоций в речи, мимике и др. В семантике прилагательных регулярно содержится указание на сильную степень и отрицательную оценку обозначаемого словом качества и отражается комплекс качеств, в котором совмещены злоба со близкими по тональности и дополнительными эмоциональными качествами. В китайском языке такой комплекс качеств бывает более содержательным: наблюдается совмещение злобы с этическими (*испорченность, непорядочность, угодливость, разврат*) и интеллектуальными (*многоопытность*) качествами. В семантике русских прилагательных есть указание на сознательность проявления злобного отношения (*предумышленно*), а в китайских прилагательных имеется указание на конкретный объект проявления злобы с актуализацией родственных признаков (*родители*).

3.4. Глаголы, репрезентирующие злобу

3.4.1. Глаголы, репрезентирующие злобу, в китайском языке

Класс глаголов подполя ЗЛОБА в китайском языке составляют 35 глаголов, содержащих в значении общий компонент ‘злоба’. В зависимости от типа категориально-лексических сем они распределяются по 4 ЛСГ и 3 подгруппам, которые различаются в количественном отношении. По нашим данным, китайские глаголы с семантикой злобы преимущественно обозначают ‘говорить зло’ (40%) и внешнее проявление злобного отношения через мимику и сопутствующие поступки (23%); затем они выражают совершение зла (17%) и отсутствие добрых качеств человека (8%), они также отображают побуждение к совершению зла (6%), воздействие зла (3%) и проявление внутренних недоброжелательных эмоций по отношению к окружающим (3%). Изучение семной структуры глаголов отдельной

ЛСГ и лексических репрезентантов различных сем в словарных дефинициях позволило выявить семантические особенности репрезентации злобы в китайской глагольной лексике.

ЛСГ «Говорить зло»

Наибольшая ЛСГ «Говорить зло» (14 ЛСВ, 40% от общего числа глаголов в подполе ЗЛОБА) включает в себя глаголы, обозначающие злонамеренное и оскорбительное речевое действие. Ее семантический комплекс состоит из КЛС ‘говорить зло’ и набора ДС: ‘образ действия’, ‘определительность’, ‘оценка’, ‘цель действия’, ‘объект-адресат’, ‘степень интенсивности’. Анализ семной структуры глаголов этой группы позволил обнаружить, что речевое действие характеризуется эмоциональным состоянием и намерением адресанта, оценочными качествами речи, и сопровождается дополнительным целевым действием.

Сема ‘образ действия’ в словарных дефинициях глаголов этой группы репрезентируется эмотивными наречиями, обозначающими злобные эмоции адресанта и его намерение (*зло, злонамеренно, язвительно, злобно, недоброжелательно, злопыхательски*), а также выражается наречием, обозначающим громкость речи (*громко*). Например, 诽谤 ‘*зло, злонамеренно, язвительно говорить плохие слова о ком-либо*’, 詈骂 ‘*громко говорить в адрес кого-либо зlostные и строгие слова*’.

Сема ‘определительность’ в словарной дефиниции глаголов репрезентируется эмотивными прилагательными и наделяет обозначаемые глаголом ругательные слова следующими качествами: *злоба, грубость, строгость*, например, 骂人 ‘*говорить в адрес кого-либо зlostные, грубые, безобразные слова, чтобы оскорбить кого-либо*’.

Сема ‘оценка’ в словарной дефиниции репрезентируется оценочными прилагательными, которые дают отрицательные оценки различной злобной речи, наделяя зlostную клевету оценками *плохой, ложный*, а оскорбительные слова – оценкой *безобразный*. Например, 谤毁 ‘*злонамеренно говорить ложные, плохие*

слова о ком-либо, чтобы опорочить его репутацию или повредить ему'; 恶骂 'злбно говорить в адрес кого-либо злстные, грубые, безобразные слова, чтобы оскорбить кого-либо'.

Сема 'цель действия' как включенный предикат в структуре глаголов этой группы указывает на цель злбного речевого действия. В словарной дефиниции она имеет разные виды репрезентантов: во-первых, глагол, находящийся в постпозиции к глагольно-именной конструкции с предлогом 以 (при помощи) или 用 (посредством), который выражает сопутствующее действие как цель основного действия, например, 谤毁: 以夸大不实的言论中伤 'злонамеренно говорить ложные, плохие слова о ком-либо, чтобы опорочить его репутацию или повредить ему'; во-вторых, глагольно-именная конструкция с предлогом 让 (заставлять, пусть), находящаяся в постпозиции к основному предикату, например, 咒骂: 用恶毒的话侮辱人, 想让他人不吉利 'говорить в адрес кого-либо злстные слова, чтобы оскорбить его и заставить его попасть в несчастье'; в-третьих, глагольно-именной оборот в постпозиции к основному предикату, например, 恶评: 评论文艺作品时恶意贬低, 甚至进行人身攻击 'недоброжелательно, злоыхательски критиковать художественные произведения, чтобы принизить их, даже опорочить личность автора'. Анализ лексических репрезентантов включенной предикатной ДС 'цель действия' позволил обнаружить, что клеветнические слова характеризуются следующими целями: порочить чью-либо репутацию, вредить кому-либо, принижать кого-либо, порочить личность, а оскорбительные слова характеризуются следующими целями: оскорблять, упрекать кого-либо, ставить кого-либо в несчастливое положение.

Сема 'степень интенсивности' в сочетании с предикатным компонентом 'цель действия' выражает усиление злонамеренного действия в качестве цели злбной речи и в словарной дефиниции она представлена союзом 甚至 (даже), например, в семантике глагола 恶评 'чтобы принизить художественные произведения, даже опорочить личности'.

В этой группе лексические репрезентанты семы 'объект-адресат' обозначают не просто неопределенное лицо, но и конкретного человека с указанием на родственные отношения и женский пол (*мать*), а также обозначают художественные произведения. Например, 骂娘 '*говорить зlostные, грубые, безобразные слова, чтобы оскорбить чью-либо мать*'.

Анализ семантической модели глаголов ЛСГ «Говорить зло» позволил выявить, что данная группа отличается различной степенью семантической сложности составляющих ее глаголов. Во-первых, смысл *говорить зло* в семантике глаголов может выражаться единственным предикатом, который характеризуется следующими семантическими компонентами: 'злобные эмоции адресанта как образ действия', 'объект-адресат речи' и 'отрицательная оценка', например, 诽谤 '*зло, злонамеренно, язвительно говорить плохие слова о ком-л*'. Во-вторых, главный предикат '*говорить зло*' характеризуется включенным предикатом 'цель действия', который отмечая каузальное отношение, обозначает следующие сопутствующие поступки в качестве цели речи: *порочить репутацию, вредить, оскорблять, упрекать, попасть в несчастье, принижать, порочить личность*. В-третьих, в семантике глаголов данной группы главное действие *говорить зло* может совмещаться с другими равноправными действиями: *порочить чью-либо репутацию и вредить кому-либо*, которые связаны между собой отношениями логической и целевой последовательности. Например, 中伤 '*злонамеренно говорить плохие слова о ком-либо, порочить его репутацию и вредить ему*'. Можно сказать, что смысл 'говорить зло' в китайской глагольной лексике содержательно отображается.

ЛСГ «Внешнее проявление злобного отношения через мимику и поступки»

В этой группе (8 ЛСВ, 23% от общего числа глаголов в подполе ЗЛОБА) преимущественно представлены глаголы с включенной логической пропозицией качественной характеристики в аспекте образа протекания проявления злобного отношения [Бабенко 1997: 43], которые обозначают внешнее проявление злобного отношения к окружающим через мимику и сопутствующие поступки субъекта.

Семантический комплекс данной группы включает в себя КЛС ‘внешне проявлять злобное отношение’ и набор ДС: ‘определительность’, ‘степень качества’, ‘объект проявления отношения’, ‘образ действия’.

Сема ‘определительность’ в словарной дефиниции репрезентируется прилагательными, обозначающими различные эмоциональные и этические качества, сопрягаемые с качеством злобы: *коварство, жестокость, непочтительность, непокорность, вероломство, лезть, требовательность*. Например, 奸笑 ‘*проявлять злобное, коварное и жестокое отношение, смеясь*’, 忤逆 ‘*проявлять непочтительное и непокорное отношение к родителям*’.

Сема ‘степень качества’ в словарной дефиниции глагола репрезентируется наречием степени: *чрезмерно*, выражая сильную степень проявления эмоционального и этического отношения, например, 虐待 ‘*проявлять чрезмерно взыскательное, жестокое, злобное отношение, совершая жестокие поступки и принимая зловердные меры*’.

Сема ‘образ действия’, являясь включенным предикатом, в структуре глаголов этой группы конкретизирует сопутствующие поступки субъекта в протекании проявления злобного отношения. Она в словарной дефиниции репрезентируется глаголом или глагольно-именным оборотом, находящимся в постпозиции к доминирующему предикату. Например, 狞视: 表现出凶恶的态度 注视 ‘*проявлять злобное и жестокое отношение, смотря на кого-либо*’.

Объект, на который направлены злобные эмоции, представляет собой неопределенное лицо или конкретного человека с указанием на родственных связи (*родители*).

В комплексной предикативной семантике глаголов этой группы основное действие уточняется другими дополнительными поступками в аспекте образа действия (*проявлять злобное отношение каким образом? – смеяться, смотреть на кого-либо, совершать жестокие поступки, принимать зловердные меры*), а также совмещается с другим действием, которые одновременно происходят и предполагают друг друга по принципу дополнительности (см. в глаголе 忤逆

совмещены параллельные действия: *проявлять непочтительное отношение к родителям и не ухаживать за ними*).

Подгруппа «Проявление злобных чувств по отношению к окружающим»

К этой подгруппе относится глагол, обозначающий проявление внутренних недоброжелательных эмоций к другим, в семной структуре которого имеются КЛС 'относиться' и ДС: 'образ действия', 'объект проявления отношения'. Например, 藏奸 '*относиться к кому-либо недоброжелательно*'.

ЛСГ «Совершение зла»

ЛСГ «Совершение зла» (6 ЛСВ, 17% от общего числа глаголов в подполе ЗЛОБА) включает в себя глаголы, обозначающие совершение злых поступков. Глагол 作恶 '*совершать зло*' содержит общее значение этой группы в «чистом» виде, отличаясь самой простой семантикой, и является ядром этой группы. Семантический комплекс этой группы состоит из КЛС 'совершать зло' и набора ДС: 'следствие действия', 'темпоральность', 'образ действия', 'объект действия'.

Сема 'следствие действия' предикативного типа в структуре глаголов этой группы указывает на дурной результат под воздействием зла, в сочетании с семой 'темпоральность' в семантике глаголов передаются причинно-следственные и временные отношения. В словарной дефиниции глагола 作孽 включенная предикатная сема 'следствие действия' имеет лексический репрезентант: глагольно-именную конструкцию с модальным глаголом 会 (*может случиться, что ...*), а сема 'темпоральность' репрезентируется именем со значением времени: 将来 (*в будущем*). Например, 作孽: 干坏事, 将来会受到报应 '*совершать зло, получая возмездие в будущем*'.

Сема 'образ действия' в словарной дефиниции глагола репрезентируется наречием: бесчинно, обозначая образ выполнения злобного поведения. 肆虐 '*бесчинно совершать зло*'.

В комплексной семантике глаголов этой группы также совмещаются два равноправных предиката — 'совершать зло' и 'губить людей', которые

предполагают друг друга по принципу дополнительности, например, 逞凶 ‘бесчинно губить людей и совершать зло’. В этой группе объектом, на который направлено злобное действие, выступает неопределенное лицо.

Итак, глаголы данной группы различаются степенью семантической сложности. Основной предикат *совершать зло* может изолированно выражаться в простой семантике глагола (作恶); характеризуется включенным предикатным компонентом ‘следствие действия’, выражая воздаяние за грехи (作孽); а также может совмещаться с другим однотипным действием – *губить людей* (逞凶).

Подгруппа «Побуждение к совершению зла»

К этой подгруппе (2 ЛСВ, 6%) относятся глаголы 主使, 教唆, в семной структуре которых присутствуют КЛС ‘побуждать к совершению зла’ и ДС: ‘объект действия’, ‘способ действия’.

Включенная предикатная сема ‘способ действия’ конкретизирует прием побуждения к совершению зла, она в словарной дефиниции этих глаголов репрезентируется глагольно-именным оборотом, находящимся в препозиции к доминирующему предикату, например, 教唆: 出主意或鼓动让他人干坏事 ‘**дававший советы кому-либо или ободряя кого-либо, побуждать к совершению зла**’. Лексические репрезентанты объектной семы в этой подгруппе отличаются обобщенностью номинации человека, обозначая неопределенное лицо (他人 *другой*).

Итак, в этой подгруппе представлены «глаголы с включенной логической пропозицией, выражающей отношения конкретного способа совершения основного действия» [Бабенко 1997: 44] (*каким способом побуждать кого-либо совершать зло? – дать советы кому-либо и одобрять кого-либо*).

Подгруппа «Воздействие зла»

К этой подгруппе относится глагол 报应, в семной структуре которого имеются КЛС ‘быть подверженным несчастью’ и ДС: ‘субъект действия’, ‘причина действия’. Включенная предикатная сема ‘причина действия’ в словарной дефиниции глагола репрезентируется глагольно-именным оборотом, находящимся в препозиции к основному предикату с модальным глаголом 会

(может статься, что), например, 报应: 做坏事的人必定会遭受厄运 ‘быть подверженным несчастью из-за того, что кто-либо сам совершал зло’. В семантике этого глагола передается причинно-следственная связь: совершение зла является причиной получения несчастья и указывается субъект данных действий – неопределенное лицо.

ЛСГ «Отсутствие добрых качеств»

В ЛСГ «Отсутствие добрых качеств» (3 ЛСВ, 8%) включаются глаголы, обозначающие необладание добрыми качествами человека. В их семной структуре имеются КЛС ‘обладать качествами’ и ДС: ‘отсутствие чего-либо’, ‘определительность’. Например, 没良心 ‘не обладать добрыми качествами’; 黑心 ‘не обладать моралью и добрыми качествами’. Семантический компонент ‘отсутствие добрых качеств’ в структуре глаголов выражает обладание злобным качеством человека.

Как показал семантический анализ материала, злоба в глагольной лексике отображается в разнообразных ракурсах, воплощенных в лексической семантике категориально-лексическими семами, которые уточняются своим определенным набором дифференциальных сем (табл. 2).

Таблица 2

Модели сочленения КЛС и ДС

КЛС ДС	‘говорить зло’	‘внешне проявлять злобное отношение’	‘относиться со злобными эмоциями’	‘совершать зло’	‘побуждать к совершению зла’	‘быть подверженны м несчастью’	‘обладать качествами’
‘объект действия’	+	+	+	+	+		
‘образ действия’	+	+	+	+			
‘определительность’	+	+					+
‘степень интенсивности’	+	+					
‘оценка’	+						
‘цель действия’	+						
‘следствие действия’				+			
‘темпоральность’				+			
‘причина действия’						+	

‘субъект действия’						+	
‘способ действия’					+		
‘отсутствие чего’							+

Как видим, в семном пространстве класса глаголов подполя ЗЛОБА присутствуют 7 КЛС и 12 конкретизирующих их ДС. Данные ДС различаются частотой представления в семной структуре исследуемых глаголов и видом лексической репрезентации в словарных дефинициях. Высокочастотная объектная сема сочетается с 5 типами КЛС: ‘говорить зло’, ‘внешне проявлять злобное отношение’, ‘относиться со злобными эмоциями’, ‘совершать зло’ и ‘побуждать к совершению зла’. Объектом действия служит неопределенное лицо. При изображении ситуаций *говорить зло* и *внешне проявлять злобное отношение* также указывается конкретный объект действия с указанием на родственные связи (*мать, родители*).

Сема ‘образ действия’ характеризует 4 типа КЛС: ‘говорить зло’, ‘внешне проявлять злобное отношение’, ‘относиться со злобными эмоциями’, ‘совершать зло’. В словарной дефиниции она может репрезентироваться наречиями, которые обозначают эмоции адресанта, проявляемые при речевом действии: *злоба, злонамеренность, язвительность, недоброжелательность, злопыхательство* и интенсивность звучания: *громко*, а также характеризуют образ выполнения злобных поступков: *бесчинно*. Сема ‘образ действия’ в структуре глаголов, содержащих КЛС ‘внешне проявлять злобное отношение’, является включенным предикатом. В словарной дефиниции она репрезентируется глаголом или глагольно-именным оборотом, находящимся в постпозиции к основному предикату, и обозначает сопутствующие поступки в качестве образа проявления злобного отношения: *смеяться, смотреть на кого-либо, совершать жестокие и зловердные поступки*.

Сема ‘определительность’ уточняет 2 типа КЛС: ‘говорить зло’, ‘внешне проявлять злобное отношение’. Она в словарной дефиниции репрезентируется прилагательными, определяет оскорбительные слова следующими качествами: *злоба, грубость, строгость* и наделяет проявляемое злобное отношение человека следующим комплексом эмоциональных и этических качеств, близких по

тональности к качеству злобы: *коварство, жестокость, непочтительность, непокорность, вероломство, лесть, требовательность*.

Сема ‘степень интенсивности’ характеризует 2 типа КЛС: ‘говорить зло’, ‘внешне проявлять злобное отношение’. В семной структуре она находится либо в сочетании с предикатным компонентом ‘цель действия’, либо с семой ‘определительность’. В словарной дефиниции она репрезентируется градационным союзом 甚至 (*даже*) и наречием степени *чрезмерно*, и обозначает усиление злонамеренной цели действия и сильную степень проявления эмоционального отношения.

Сема ‘оценка’ характеризует КЛС ‘говорить зло’, в словарной дефиниции репрезентируется оценочным прилагательным и наделяет обозначаемые клеветнические и оскорбительные слова следующими отрицательными оценками: *плохой, ложный и безобразный*.

Включенная предикатная сема ‘цель действия’ регулярно уточняет КЛС ‘говорить зло’. В словарной дефиниции она репрезентируется глаголом или глагольно-именной конструкцией с предлогом 让 (*пусть*) и выражает злонамеренные цели злостного речевого действия: *порочить чью-либо репутацию, вредить кому-либо, порочить личности, упрекать, оскорблять, заставляя кого-либо в несчастливое положение*.

Включенная предикатная сема ‘следствие действия’ характеризует КЛС ‘совершать зло’. В словарной дефиниции она репрезентируется глагольно-именной конструкцией с модальным глаголом 会 (*может случиться, что ...*) и обозначает дурной результат совершения зла – *получать возмездие*, при этом в сочетании с семой ‘темпоральность’ указывается время оплаты за зло – *в будущем*.

Включенная предикатная сема ‘причина действия’ характеризует КЛС ‘быть подверженным несчастью’. В словарной дефиниции она репрезентируется глагольно-именным оборотом, находящимся в препозиции к основному предикату и обозначает причину получения несчастья – *совершение зла*. При этом в семантике глагола имеется указание на субъекта (*неопределенное лицо*) действий,

связанных между собой причинно-следственными отношениями.

Предикатная сема ‘способ действия’ уточняет КЛС ‘побуждать к совершению зла’. В словарной дефиниции она репрезентируется глаголом или глагольно-именным оборотом, находящимся в препозиции к доминирующему предикату, и конкретизирует сопутствующие поступки как способ осуществления побуждения к злу – *дать советы кому-либо* и *одобрять кого-либо*.

Сема ‘отсутствие чего-либо’ в сочетании с КЛС ‘обладать качествами’ в семной структуре глаголов обозначает необладание добрыми качествами.

Учитывая дистрибуцию ДС в семной структуре китайских глаголов, репрезентирующих злобу, мы обнаружили, что в отображаемой глаголом ситуации присутствуют субъект и объект действия, эмоциональное и этическое отношение субъекта к объекту действия, сильная степень проявления отношения, отрицательная оценка и образ действия. В комплексной семантике глаголов главная ситуация сопровождается зависимой, которую изображают компоненты предикативного типа, обозначающие цель, образ, способ, причину и следствие осуществления основного действия. Итак, семантика исследуемых глаголов отличается различной степенью пропозитивной насыщенности. «Глаголы комплексной предикативной семантики с включенной пропозицией» [Бабенко 1997: 40] играют значительную роль в формировании таких групп, как ЛСГ «Внешнее проявление злобного отношения», подгруппы «Побуждение к совершению зла» и «Воздействие зла». Включение предикатных смыслов отображается в типовой семантике глаголов этих групп следующим образом: *каким образом* внешне проявлять злобное отношение – *смеяться* (佻笑), *принимать жесткие меры* (暴虐); *каким способом* побудить кого-либо совершать зло – *дать советы* и *одобрять* (教唆); *по какой причине* быть подверженным несчастью – *раньше совершал зло* (报应). Совмещенность позиционно равноправных предикатных смыслов также актуализируется в семантике глаголов 逞凶 (*бесчинно совершать зло и губить людей*), 忤逆 (*проявлять непочтительное и непокорное отношение к родителям и не*

ухаживать за ними), в которых совмещенные действия происходят одновременно и параллельно. В противоположность этому, в семантике глагола 中伤 репрезентируются три действия (*злонамеренно говорить плохие слова о ком-либо, порочить репутацию и вредить ему*), которые связаны между собой логической и целевой последовательностью. В составе подгрупп «Проявление злобных эмоций по отношению к окружающим» и «Отсутствие добрых качеств» представлены простые монопропозитивные глаголы, которые отображают элементарную ситуацию, например, 藏奸 '*относиться к кому-либо недоброжелательно*', 黑心 '*не обладать моралью и добрыми качествами*'.

Таким образом, злоба в китайской глагольной семантике отображается многогранно и разнообразно по степени сложности.

3.4.2. Глаголы, репрезентирующие злобу, в русском языке

Опираясь на Большой толковый словарь русских глаголов под ред. Л.Г. Бабенко, мы выделили 20 русских глаголов с семантикой злобы, которые отображают злобу как эмоциональное отношение (45%), эмоциональное состояние человека (35%), действие (15%), так и эмоциональное качество (5%). С учетом типа КЛС данные глаголы мы распределили по 4 ЛСГ и 4 подгруппам, которые различаются в количественном соотношении. По нашим данным, русские глаголы с семантикой злобы в основном репрезентируют внешнее проявление злобного отношения человека через определенные поступки, проявление внутренних злобных чувств по отношению к окружающим, пребывание в злобном эмоциональном состоянии и злобные поступки человека; они также отображают злобную речевую деятельность, становление злобного состояния человека, приведение человека в злобное состояние и становление злобного характера.

Анализ семной структуры глаголов отдельной группы и лексических репрезентантов различных сем в словарных дефинициях позволил обнаружить

закономерности отображения злобы в разных денотативных сферах в глагольной семантике.

ЛСГ «Внешнее проявление злобного отношения через поступки»

Эта наибольшая группа (6 глаголов, 31% от общего числа глаголов с семантикой злобы) включает в себя глаголы комплексной семантики, в которой внешнее проявление злобы сопровождается дополнительными поступками человека. Ее семантический комплекс составляют КЛС ‘проявлять отношение’ и набор ДС: ‘определительность’, ‘оценка’, ‘образ действия’, ‘способ действия’, ‘объект действия’.

Семантические признаки определительного аспекта наделяют отображаемое отношение человека следующими эмоциональными и оценочными качествами: неискренность, злобность, недоброжелательность, злорадство, язвительность, оскорбительность, притворность, зло, негативность, грубость. Например, глумиться *‘проявлять злобное, оскорбительное отношение к кому-либо, насмехаясь над кем-либо’* [БТСРГ].

Предикатная сема ‘образ действия’ в словарной дефиниции глаголов репрезентируется деепричастием, конкретизируя сопутствующие поступки при проявлении злобного отношения человека к окружающим: унижение, побои, насмешка, тихий, тайный, злорадный смех и короткий смех. Например, издеваться *‘проявлять злое, грубое отношение к кому-либо, подвергая всевозможным унижениям, побоям, оскорбительным насмешкам’* [БТСРГ]. В данной словарной дефиниции репрезентант *‘подвергая всевозможным унижениям, побоям’* указывает на внешние поступки, проникнутые злобными эмоциями по отношению к другим.

Сема ‘способ действия’ репрезентируется формой творительного падежа существительных, указывая на средство осуществления унижения – посредством слов и поведения субъекта действия. Например, оскорблять *‘проявлять негативное, злое отношение к кому-либо, тяжело обижая, унижая кого-либо своими словами или поведением’* [БТСРГ].

Объектом внешнего проявления злобы выступает неопределенное лицо.

Итак, в комплексной семантике глаголов этой группы злобное отношение к окружающим отображается в комплексе с различными эмоциями, близкими по тональности к злобе, характеризуется отрицательными оценками, также проявляется в сопутствующем поведении как образ протекания проявления отношения (проявлять злобное отношение *каким образом?* – *обижать, унижать кого-либо; подвергать побоям, насмешкам; тайно, тихо, злорадно смеяться над кем-либо; издавать короткий смех*).

Подгруппа «Проявление злобных эмоций по отношению к окружающим»

Глаголы этой подгруппы обозначают проявление внутренних злобных эмоций по отношению к окружающим и имеют семантический комплекс, состоящий из КЛС ‘относиться’ и ДС: ‘образ действия’, ‘причина действия’, ‘цель действия’, ‘объект действия’.

Сема ‘образ действия’ в словарной дефиниции репрезентируется эмотивными существительными и наречиями, обозначая различные эмоции по отношению к окружающим, совмещенные со злобой: неприязнь, досада, враждебность.

Сема ‘причина действия’ в семной структуре глагола *завидовать* конкретизирует причину проявления злобных эмоций и в словарной дефиниции передается сочетанием ‘из-за + существительное в родительном падеже’. Например, *завидовать ‘относиться к кому-либо с чувством неприязни, злобы, досады из-за благополучия, успеха кого-либо другого’* [БТСРГ], в семантике данного глагола отображаются два события, связанные отношениями причины: благополучие и успех другого являются причиной проявления злобы субъекта.

Эмотивно-предикатная сема ‘цель действия’ в словарной дефиниции репрезентируется деепричастным оборотом, включающим эмотивные существительные, указывая на цель действия, например, *вымещать ‘относясь к кому-либо враждебно, причинять зло, удовлетворяя тем самым свое чувство злобы, досады’* [БТСРГ], в семантике этого глагола передаются целевые отношения: удовлетворение чувства злобы субъекта является его целью

проявления враждебного отношения и причинения зла.

В семантике глаголов этой подгруппы выражаются комплексные злобные эмоции (*неприязнь, враждебность, досада*), одновременно указываются причина и цель проявления эмоций по отношению к окружающим. В комплексной семантике глагола *ненавидеть* также совмещены два параллельных действия, дополняющие друг друга: *‘относиться к кому-либо с чувством неприязни, злобы’* и *‘не выносить кого-либо’* [БТСРГ].

ЛСГ «Пребывание в злобном состоянии»

Эта группа (4 глагола, 21%) включает в себя глаголы, отображающие пребывание в злобном эмоциональном состоянии, и имеет семантический комплекс: КЛС ‘испытывать чувства’ и ДС: ‘определительность’, ‘оценка’, ‘причина проявления эмоций’, ‘объект проявления эмоций’.

Сема ‘определительность’ в словарной дефиниции репрезентируется эмотивными существительными, обозначая различные испытываемые чувства человека, близкие по тональности к злобе: недоброжелательность, раздражение, враждебность, недовольство, например, злиться *‘испытывать чувство недоброжелательности, раздражения, враждебности по отношению к кому-либо’* [БТСРГ]. В семантике глагола *злорадствовать* также выражаются чувства, противоположные по тональности к злобе: *радость, удовлетворение*, которые характеризуются отрицательной оценкой: *недобрый*, в то же время содержится указание на причину возникновения данных чувств – *горе, неудача, несчастье другого*, например, злорадствовать *‘испытывать чувство недоброй радости, удовлетворения, наблюдая горе, неудачу, несчастье и т.п. кого-либо’*.

Русские глаголы также отображают становление злобного состояния и приведение человека в злобное состояние. Поэтому выделяются следующие подгруппы.

Подгруппа «Становление злобного состояния»

К этой подгруппе относится глагол, обозначающий становление злобного состояния человека. В семной структуре глагола имеются КЛС ‘приходить в эмоциональное состояние’ и ДС ‘определительность’, ‘степень качества’,

например, разъяряться *‘приходить в состояние крайней злости, ярости, бешенства’* [БТСРГ].

Подгруппа «Приведение в злобное состояние»

В семной структуре глаголов этой подгруппы присутствуют КЛС ‘вызвать чувства’ и ДС: ‘определительность’, ‘объект действия’. Семантические признаки определительного аспекта выражают следующие вызываемые чувства человека: раздражение, враждебность, злобу. В комплексной семантике глаголов также совмещены параллельно происходящие события, например, *‘вызвать раздраженно-враждебное чувство’* и *‘желание причинить кому-либо что-либо вредное, недоброе’* в слове *злить*; *‘вызвать в ком-либо злобу’* и *‘развить в ком-либо злой характер’* в слове *озлобить*. Объектом, у которого вызывают злобу, выступает неопределенное лицо.

ЛСГ «Совершение злобных поступков»

Эта группа включает в себя глаголы, обозначающие совершение недоброжелательных поступков по отношению к другим, и имеет семантический комплекс, состоящий из КЛС ‘поступать’ и набора ДС: ‘образ действия’, ‘оценка’, ‘степень интенсивности’, ‘цель действия’, ‘объект действия’.

Сема ‘образ действия’ в словарной дефиниции глаголов этой группы репрезентируется эмотивным наречием, обозначающим злобные эмоции субъекта в процессе выполнения действия, например, мстить *‘поступать недоброжелательно, враждебно по отношению к кому-либо, чему-либо’* [БТСРГ]; данная сема, являясь включенным предикатом, в дефиниции глаголов репрезентируется деепричастием, конкретизирующим сопутствующие поступки в аспекте образа протекания основного действия, например, *‘причиняя зло’* в слове *мстить*, *‘совершая жестокие поступки’* в слове *злодействовать*.

Семы ‘оценка’ и ‘степень интенсивности’ в семной структуре глагола *злодействовать* конкретизируют отрицательные оценки проявляемого отношения к другим (*недоброжелательный, дурной*) и сильную степень совершения жестокостей (*вплоть до тяжелого преступления*).

Предикатная сема ‘цель действия’ в структуре глагола *мстить*

конкретизирует цель совершения зла и в словарной дефиниции репрезентируется сочетанием ‘с целью + глагол в инфинитиве’, например, ‘с целью *отплатить за оскорбление чести, причиненный материальный урон*’.

Итак, в комплексной семантике глаголов этой группы основное действие *совершение зла* сопровождается недоброжелательными эмоциями субъекта по отношению к другим и сопутствующими поступками, которые связаны с основным действием отношениями образа и цели.

В глагольной лексике злоба также изображается в сопряжении с речевой деятельностью, поэтому выделяется следующая подгруппа.

Подгруппа «Говорить зло»

К этой подгруппе относится глагол *злословить*, в его комплексной семантике имеется указание на эмоциональное отношение адресанта (*зло, язвительность*), темпоральность (*в течение некоторого времени*), скрытность (*за глаза*) речевой деятельности и дополнительное в ее процессе действие (*осуждение*), например, ‘*говорить о ком-чем в течение некоторого времени зло, язвительно, осуждая кого-что в разговорах с кем за глаза*’ [БТСРГ].

Таким образом, в русской глагольной лексике злоба отображается в следующих ракурсах: во-первых, злобное отношение человека к окружающим. При этом в глагольной семантике обозначаются различные эмоции, чувства, близкие по тональности к злобе (*недоброжелательность, неприязнь, досада, враждебность, оскорбительность*), выражаются дополнительные внешние злобные поступки (*обижать, унижать, насмехаться, нанести побои*), а также указываются причина (*благополучие, успех другого*) и цель (*удовлетворение своего чувства досады*) проявления злобного отношения. Во-вторых, злобное состояние человека. В семантике глаголов выражаются комплексные злобные чувства человека (*недоброжелательность, раздражение, враждебность, недовольство, злость*), их отрицательная оценка (*недобрый*) и сильная степень (*крайний*), а также имеется указание на цель приведения человека в злобное состояние (*причинить ему вредное, недоброе*). В-третьих, злобные действия и речевая деятельность. При этом в глагольной семантике выражается злобное

эмоциональное состояние субъекта действия (*недоброжелательность, враждебность, зло, язвительность*) и указываются сопутствующие поступки как образ выполнения основного действия (*совершать жестокие поступки, причинять зло, осуждать*) и цель основного злобного действия (*отплатить за оскорбление*). В-четвертых, становление злобного характера.

В сравнении с китайским языком, злоба в глагольной лексике русского языка специфически изображается как пребывание в злобном состоянии, становление злобного состояния человека и приведение человека в злобное состояние. С другой стороны, в китайском языке злоба специфически проявляется в отсутствии доброго характера человека, отображается в побуждении к совершению зла и воздействию злобных поступков. В комплексной семантике китайских глаголов могут передаваться временные и причинно-следственные отношения, выражая будущее воздаяние за предыдущие злые поступки. В семантике русских глаголов регулярно реализуются эмоциональные причинные и целевые отношения.

Выводы по третьей главе

1. Изучение структуры подполей ЗЛОБА в двух языках показывает, что количество лексических репрезентаций злобы в китайском языке (150 слов) гораздо больше, чем в русском языке (94 слова). Разные по категориально-грамматической природе классы слов имеют различную значимость в составе подполя ЗЛОБА с учетом количественной представленности: в китайском языке в данном подполе доминируют имена существительные (50% от общего числа слов в подполе ЗЛОБА), за ними следуют прилагательные (27%) и глаголы (23%), а в русском языке в аналогичном подполе приблизительно равные количественные доли занимают имена существительные (38%) и прилагательные (42%), которые по количеству вместе намного превосходят глаголы (20%).

2. Состав ЛСГ в различных частеречных классах характеризуется неполным

совпадением, которое дополняется различием аналогичных ЛСГ в процентном отношении в разных языках. В двух языках имеется 5 общих ЛСГ существительных: «Человек как носитель злобы», «Злобное отношение к окружающим», «Действие, характеризующееся злобой», «Злоба как качество характера», «Речь, характеризующаяся злобой». В китайском и русском языках основное место занимают ЛСГ «Человек как носитель злобы», которые соответственно составляют 46% и 40% от общего числа существительных в подполе ЗЛОБА, ЛСГ «Злобное отношение к окружающим» занимают равные количественные доли в составе класса существительных подполя ЗЛОБА (13% и 14% соответственно в китайском и русском языках). В китайском языке ЛСГ «Действие, характеризующееся злобой» (10%) по составу немного больше, чем ЛСГ «Злоба как качество характера» (6%), а в русском языке данные две ЛСГ имеют равное количественное наполнение (8%). ЛСГ «Речь, характеризующаяся злобой» для русского языка является значительной и составляет 20% от общего числа существительных в подполе ЗЛОБА, в 2,5 раза превышающая в процентном отношении аналогичной ЛСГ в китайском языке (8%). Наряду с вышеуказанными общими ЛСГ, в китайском языке еще выделяется две специфические подгруппы: «Воздействие зла» и «Злобное выражение лица», которые соответственно составляют 12% и 5% в классе существительных, а в русском языке имеется специфическая подгруппа «Злобное состояние человека», составляющая 10% в классе существительных подполя ЗЛОБА.

Классы прилагательных подполей ЗЛОБА сходны по составу ЛСГ и количественному наполнению в китайском и русском языках (соответственно 41 слово и 39 слов). В них выделяется 3 ЛСГ: ЛСГ прилагательных, характеризующих качество характера 'злоба', ЛСГ прилагательных, характеризующих злобное отношение к окружающим, ЛСГ прилагательных, характеризующих внешнее выражение злобы. Данные ЛСГ по составу лексических репрезентаций пересекаются друг с другом. Первая ЛСГ для подполя ЗЛОБА является основной, соответственно составляя 86% и 59% от общего числа прилагательных в китайском и русском языках. Остальные две ЛСГ

соответственно занимают равные количественные доли в классе прилагательных в разных языках: ЛСГ «Характеризующий злобное отношение к окружающим» составляет 38% от общего числа прилагательных подполя ЗЛОБА в обоих языках, ЛСГ «Внешне выражающий злобу» – соответственно 40% и 41% в китайском и русском языках.

Классы глаголов подполей ЗЛОБА в двух языках имеют различное количественное наполнение (35 китайских глаголов, 20 русских глаголов) и неоднородный состав ЛСГ. Общими для двух языков являются следующие ЛСГ: «Говорить зло», «Внешнее проявление злобного отношения через поступки», «Проявление злобных эмоций по отношению к окружающим», «Совершение зла», которые различаются в количественном соотношении в разных языках. Для китайского языка доминирующей является ЛСГ «Говорить зло», которая составляет 40% от общего числа глаголов в подполе ЗЛОБА, а для русского языка аналогичная ЛСГ является незначительной по составу. В русском языке ЛСГ «Внешнее проявление злобного отношения через поступки» занимает первое место в классе глаголов (31%), для китайского языка данная ЛСГ также является основной и занимает второе место в классе глаголов (23%). ЛСГ «Совершение зла» имеет большую значимость в китайском языке, а в русском языке данная ЛСГ является малочисленной. Наряду с вышеуказанными общими ЛСГ, в китайском языке еще выделяются специфические ЛСГ «Отсутствие добрых качеств» и подгруппы «Побуждение к злу», «Воздействие зла», а в русском языке имеются специфические ЛСГ «Пребывание в злобном состоянии», «Становление злобного характера» и подгруппы «Становление злобного состояния», «Приведение кого-либо в злобное состояние».

3. В китайской субстантивной и глагольной лексике злоба может проявляться в выражении лица, репрезентируется в сопряжении с побуждением к злобному действию и воздействием зла. В русском языке злоба может отображаться в пребывании в злобном состоянии.

4. В обоих языках слова отображают злобу в комплексе со другими различными качествами человека и поступками. В семантике китайских слов

злота чаще совмещается с этическими (*непорядочность, испорченность, разврат*) и интеллектуальными качествами (*многоопытность, хитрость*), злота также совмещается с противоположными по тональности признаками внешности (*злостный и жестокий характер + добродушное лицо* в слове 笑面虎). Типичным для носителей китайской лингвокультуры проявления злоты по отношению к другим является следующее поведение: *причинение вреда другим, оказание помощи в совершении зла, не уход за родителями*. В русском языке злота может совмещаться с противоречащим ей эмоциональным состоянием (*злота + радость* в слове злорадство) и отражаться в следующем поведении: *стремлении истязать, досадить, задеть другого; совершении жестоких поступков по отношению к кому-либо и неспособности прощать обиду*.

5. Специфика репрезентации злоты в лексике разных языков проявляется в наличии специфических семантических компонентов в структуре семем. Китайские слова включают в свое значение указание на врожденность злостного характера (*от природы*), интенсивность проявления качества злоты (*крайне*), частотность злостного действия (*постоянно*), скрытность и локальность выполнения злостного действия (*тайно, в родной местности*). В китайском языке субъектная сема 'человек' в дефинициях слов в подполе ЗЛОБА репрезентируется достаточно разнообразно, обозначая человека с актуализацией конкретных признаков: количественных, возрастных, половых, родственных, положения в организации и др. Лексические репрезентанты объектной семы тоже обозначают конкретного человека с указанием на женский пол и родственные отношения. В комплексной семантике китайских слов данного подполя активно передаются причинно-следственные и временно-последовательные отношения, отражая воздаяние за предыдущие грехи, также выражаются отношения конкретного способа, образа и цели действия, связывающие сопутствующие и основные поступки. Напротив, в русском языке в семантике слов подполя ЗЛОБА содержится указание на степень интенсивности злостного состояния (*сильный*), сознательность проявления злоты по отношению к другим (*предумышленно*) и средство выражения злоты (*насмешка, замечание, ирония*). В семной структуре

слов активно присутствуют эмотивные причинные и целевые компоненты, с помощью которых фиксируются ситуации, когда чужие страдания и горе вызывают злобную радость субъекта, субъект проявляет определенные эмоции по отношению к другим, для того чтобы удовлетворять свои чувства злобы.

Учитывая различие в объеме и структуре подполей ЗЛОБА в разных языках и наличие специфических семантических компонентов в структуре семем, входящих в его состав, мы обнаружили, что злоба специфически репрезентируется в каждом языке, но в китайском языке злоба имеет более богатое лексическое и семантическое воплощение, чем в русском языке.

Глава 4. Структура интегративного семантического поля ДОБРОТА ↔ ЗЛОБА

Репрезентантами отношений противоположности могут быть различные лексические единицы и их совокупности: антонимические пары и лексические парадигмы, связанные отношениями противоположности и формирующие их структуру на оппозитивной основе [Бабенко 2016: 38]. На основе антонимии интегративное семантическое поле ДОБРОТА ↔ ЗЛОБА обладает комплексной и иерархической структурой: данное поле объединяет в себе два противопоставленных подполя ДОБРОТА и ЗЛОБА, одновременно, в зависимости от суперклассификаторов, это интегративное поле распределяется по микрополям. В каждом микрополе включаются антонимически соотносительные лексико-семантические группы одной части речи, которые противопоставлены при наличии семантических компонентов ‘доброта’ и ‘злоба’ в значениях составляющих ЛСГ слов. В каждом микрополе существуют антонимы, члены которых «противопоставлены по самому общему и существенному для их значения семантическому признаку, причем находятся на крайних точках соответствующей лексико-семантической парадигмы» [Шмелев 2006: 131].

В интегративном семантическом поле ДОБРОТА ↔ ЗЛОБА антонимия стоит на первом месте, в нем образуются антонимические оппозиции разного уровня: антонимически связанные ЛСГ и антонимические пары внутри ЛСГ.

4.1. Структура интегративного семантического поля ДОБРОТА ↔ ЗЛОБА в китайском языке

4.1.1. Интегративно-оппозитивный класс существительных ДОБРОТА ↔ ЗЛОБА

В китайском языке в подполе ДОБРОТА имеются 60 существительных, а в подполе ЗЛОБА – 74 существительных. В результате структурно-семантического

анализа установлено, что классы существительных в подполях ДОБРОТА и ЗЛОБА характеризуются однородностью состава, наблюдается симметрия в наборе лексико-семантических групп, разграничиваемых с учетом категориально-лексических сем: в них выделяются 4 ЛСГ и 3 подгруппы. С учетом количества единиц в группах и их частотности в составе класса существительных иерархия совпадающих групп выглядит следующим образом (см. табл. 3).

Таблица 3

Количество единиц в группах и их частотность в составе класса существительных

Микрополе	Подполе ДОБРОТА	Подполе ЗЛОБА
ЛСГ «Носитель эмоционального качества»	35% (21)	46% (34)
ЛСГ «Качество характера человека»	24% (14)	6% (5)
ЛСГ «Действие, характеризующееся эмоциями»	17% (10)	10% (8)
Подгруппа «Воздействие на кого-либо определенным действием»	3% (2)	12% (9)
ЛСГ «Эмоциональное отношение к окружающим»	12% (7)	13% (10)
Подгруппа «Речь, характеризующаяся эмоциями»	7% (4)	8% (6)
Подгруппа «Эмоциональное выражение лица»	2% (1)	5% (4)

Как видим, в подполях ДОБРОТА и ЗЛОБА выделяемые группы существительных совпадают, но их количественная соотносительность различна. Для подполя ДОБРОТА основными являются ЛСГ «Человек как носитель доброты» и «Доброта как качество характера», составляя 58% от общего числа существительных этого подполя. В подполе ЗЛОБА основное место занимает ЛСГ «Человек как носитель злобы» (46%), а ЛСГ «Злоба как качество характера» (6%), наоборот, занимает незначительное место. Для подполя ДОБРОТА малочисленными являются подгруппы «Воздействие добра» и «Доброе выражение лица», а в подполе ЗЛОБА количественное наполнение аналогичных

групп является достаточным, в три раза превышающим в процентном соотношении аналогичные группы в подполе ДОБРОТА. По статистическим данным, семантически противоположные группы также различаются в количественном соотношении. Количество единиц ЛСГ «Человек как носитель злобы», подгрупп «Воздействие зла», «Злобное выражение лица» намного превосходит количество единиц аналогичных групп с семантикой доброты (в 1.5, 4, 4 раза соответственно). Наоборот, количество единиц ЛСГ «Доброта как качество характера» превышает ЛСГ «Злоба как качество характера» в 3 раза.

Сопоставление семантических комплексов антонимически соотносительных ЛСГ в семантическом поле ДОБРОТА ↔ ЗЛОБА, семных структур составляющих ЛСГ существительных и лексических репрезентантов отдельных сем в словарных дефинициях позволило обнаружить лексико-семантические особенности репрезентации доброты и злобы в китайской субстантивной лексике и выявить антонимические оппозиции в структуре данного поля.

Анализ состава семантических комплексов ЛСГ «Человек как носитель качества доброты» и «Человек как носитель качества злобы» позволил выявить, что существительные характеризуют человека как воплощение доброты или злобы преимущественно в двух аспектах: внутреннее качество человека и его поведение. Анализируя дифференциальную сему 'определительность' в семной структуре слов данных групп, мы обнаружили, что доброта и злоба в семантике существительных обычно отображаются в комплексе с различными эмоциональными, этическими и интеллектуальными качествами. С качеством 'доброта' совмещаются следующие качества: *отзывчивость, сострадание, человеколюбие, кротость, великодушие, почтительность, честность, справедливость, преданность, нравственность, мудрость, талант, бесхитростность*. С качеством 'злоба' сопрягаются следующие качества: *коварство, жестокость, бесстыдство, лицемерие, испорченность, непорядочность, распущенность, самоволие, грубость, вероломство, хитрость*.

Анализ лексических репрезентантов ДС 'поступок' способствует выявлению отображаемого поведения в семантике слов, называющих доброго

человека: частое совершение добра (善人), радостное и охотное оказание (материальной) помощи нуждающимся (慈善家), усердный уход за родителями и строгое соблюдение нормы сыновней почтительности (孝子贤孙). Типичным поведением злобного человека является следующее: убийство и злодейство (凶徒), оказание помощи другим в совершении зла (奴才), совершение зла и склонность часто играть женщинами (淫棍), причинение вреда людям (魔影), неспособность ухаживать за родителями и соблюдать нормы сыновней почтительности (孽子).

В дефинициях существительных, обозначающих доброго человека, субъектная сема имеет разнообразные лексические репрезентанты, которые отличаются и обобщенностью номинации человека, и конкретностью с указанием на отличительные признаки человека: количественные, половые, возрастные, родственные: *люди, женщина, потомки, сын*. При изображении злобного человека субъектная сема репрезентируется более разнообразно, обозначая человека с актуализацией его конкретных признаков: количественные, половые, возрастные, родственные, принадлежность к какой-либо организации и положение в ней: *люди, юноша, сын, сообщество, главарь*. В семантике слов также имеется указание на скрытность действия человека (*тайный*) и локальность действия (*в родной местности*). Итак, можно сказать, что 'злобный человек' в китайской субстантивной лексике отображается семантически богаче, чем 'добрый человек'.

С учетом противопоставленных друг другу значений существительных в данных двух ЛСГ выделяются 8 антонимических пар, члены которых «связаны между собой отношениями пересечения: объединены общими семами и противопоставлены особыми, специфическими [Кузнецова 1982: 68]. Общие семы антонимов имеют идентифицирующий характер, например, субъектная сема в структуре значений антонимов 好人 добрый человек ↔ 恶人 злобный человек, 孝子 почтительный сын ↔ 逆子 непочтительный сын. Специфические семы антонимов отличаются их противоположностью, выражая «качественно противоположную степень проявления признака» [там же]. Семные структуры антонимов достаточно близки между собой и отличаются лишь наличием

противопоставленных им сем [Новиков 1973: 56], в связи с этим антонимы выделяются в зависимости от семантических разновидностей противопоставленных дифференциальных сем. По определительным компонентам противопоставляются следующие антонимы:

贤良 *‘добродетельный и мудрый человек’* ↔ 奸邪 *‘злобный, непорядочный, вероломный, хитрый и лицемерный человек’*;

良人 *‘добрый, преданный, великодушный и бесхитростный человек’* ↔ 奸凶 *‘злобный, вероломный, жестокий и зловредный человек’*;

好人 ↔ 恶人;

善类 ↔ 丑类.

По определительным признакам и семантическим компонентам, обозначающим поступки человека, противопоставляются антонимы:

仁人君子 *‘добродетельный и великодушный человек, который охотно и активно помогает другим’* ↔ 恶棍 *‘плохой, злобный, жестокий, коварный, распушенный человек, который в родной местности совершает все зло’*;

活菩萨 *‘добрый и отзывчивый человек, способный выручать бедных и пострадавших из трудных обстоятельств’* ↔ 土霸王 *‘злой человек, который захватывая господство над местностью, притесняет других и совершает все зло’*;

善人 ↔ 贼人;

孝子 ↔ 逆子.

Итак, в данных ЛСГ антонимия формируется на основе противоположности определительных признаков и семантических компонентов ‘поступок’ в значениях слов.

ЛСГ «Доброта как качество характера» имеет более глубокую лексическую и семантическую разработанность, чем ЛСГ «Злоба как качество характера», что проявляется в количественном превосходстве входящих в нее лексических единиц и содержательности семантического комплекса, в котором включаются КЛС ‘добрый характер’ и ДС: ‘определительность’, ‘поступок’, ‘образ действия’,

‘объект действия’, ‘естественность’, ‘субъектность’, ‘необнаружение’. Качество характера доброты в субстантивной лексике отличается комплексностью семантики, в которой совмещаются различные эмоциональные и этические качества, сопрягаемые по тональности с добротой: *отзывчивость, сострадание, кротость, любовь, великодушие, искренность, честность, справедливость, добродетель*. Качество характера ‘доброта’ также отображается в поведении человека: охотное и активное оказание помощи окружающим. В семантике слов, обозначающих качество характера ‘доброта’, имеется указание на врожденность отображаемого словом качества (*от рождения*), его глубоко скрываемое свойство, не проявляющееся внешне (*не обнаруживаемое людьми*), и конкретный субъект (*доброта в комплексе с определенными качествами свойственны женщине*). ЛСГ «Злоба как качество характера» имеет простой по составу семантический комплекс: КЛС ‘злобный характер’ и ДС: ‘определительность’, ‘естественность’, ‘оценка’, ‘степень качества’. В семантике слов этой группы с качеством ‘злоба’ совмещаются следующие эмоциональные, этические и моральные качества: *жестокость, коварство, вероломство, непорядочность, безнравственность*. Слова, обозначающие качество характера ‘злоба’, включают в свое значение указание на врожденность отображаемого качества (*от рождения*), степень интенсивности проявления качества (*крайне злобное, доведение до бесчеловечного*) и сильную отрицательную оценку (*крайне плохое*).

Хотя ЛСГ «Доброта как качество характера» (14 ЛСВ) и «Злоба как качество характера» (5 ЛСВ) сильно различаются в количественном отношении, они являются продуктивной антонимической оппозицией: все члены ЛСГ «Злоба как качество характера» противопоставлены соответствующим членам ЛСГ «Доброта как качество характера». В них выделяются 5 антонимических пар:

良心 ‘доброе сердце’ ↔ 坏心眼儿 ‘плохое, дурное сердце’;

贤德 ‘добрый характер человека’ ↔ 丑行 ‘крайне плохой характер’;

天良 ‘доброе и сострадательное сердце от природы’ ↔ 兽心 ‘крайне злобный, жестокий и коварный характер, доведенный до степени совершенно бесчеловечного’;

至性 ‘*добрый, честный и искренний характер от природы*’ ↔ 贼性 ‘*злобный, вероломный, непорядочный и жестокий характер от природы*’;
仁义 ↔ 黑心.

В семантике слов ЛСГ «Действие, характеризующееся добротой» КЛС ‘*доброе поведение*’ в первую очередь характеризуется ДС ‘*определительность*’ и ‘*оценка*’, наделяющими поведение следующими качествами: *благотворительный, прекрасный*, а также уточняется семой ‘*цель действия*’, выражающей благотворительность как воплощение доброты (善款, 义唱, 善堂). Слова этой группы также включают в значение ДС ‘*причина действия*’, указывающую на наличие качества милосердия субъекта доброго действия (慈善事业). В семантике слов доброе поведение может отображаться как следующие конкретные поступки: оказание материальной помощи несчастным (慈善事业), усердный уход за родителями и старшими родственниками (孝行). В ЛСГ «Действие, характеризующееся злобой» суперклассификатор ‘*поведение*’ в словарных дефинициях существительных имеет больше лексических репрезентантов: 行 поступок, дело, 习 привычка, 手 средства, 计 происки, план. КЛС ‘*злое поведение*’ преимущественно характеризуется семантическими признаками определительного аспекта, определяющими поведение следующими качествами: *жестокий, коварный, зловредный, вероломный, непорядочный, плохой*. Данные качества также характеризуются сильной степенью проявления: *крайне*. Слова этой группы имеют в значении указание на цель выполнения злого поведения (‘*тайно вредить другим*’) и следствие действия (‘*подвергающее действующих лиц возмездию*’). В семантике слов злое поведение отображается как следующие конкретные поступки: принесение вреда другим, нарушение закона, готовность поступать против совести. По определительным семантическим компонентам противопоставлены антонимы: 懿行 ‘*добрый и прекрасный поступок*’ ↔ 恶行 ‘*крайне злобный и плохой поступок*’.

В микрополе «Социальное действие» еще имеются 2 подгруппы слов, которые обозначают последствия доброго и злого поведения. Данные

подгруппы имеют общий набор ДС в семной структуре составляющих их слов: 'оценка', 'причина', 'поступок', 'темпоральность', при этом в семантике слов передаются причинно-следственные и временно-последовательные отношения. Семантические компоненты 'результат под воздействием зла' и 'оценка' в словарных дефинициях слов имеют многообразные лексические репрезентанты: *возмездие, преграда, долг, влияние и плохой, дурной, несчастный, злой*, в связи с этим воздействие зла в семантике существительных изображается более дифференцировано. В данных подгруппах имеется антонимическая пара: 善报 'хорошее воздаяние за добрые поступки' ↔ 恶报 'плохое возмездие, получаемое из-за совершения зла'.

В микрополе «Отношение к окружающим» существуют ЛСГ «Эмоциональное отношение к окружающим» и подгруппы «Речь, характеризующаяся эмоциями», «Эмоциональное выражение лица». При отображении доброго отношения к окружающим в семантике существительных компоненты 'определительность' и 'оценка' обозначают следующие эмоции по отношению к другим, сопрягаемые по тональности с добротой: *доброжелательность, дружелюбие, кротость, великодушие, забота, отзывчивость, близость, почтительность*, выражают и положительную (*хороший*) и отрицательную (*притворный*) оценки. Доброе отношение человека также проявляется в сопутствующих поступках: *содержать и ухаживать за родителями*. В семантике слов ЛСГ «Доброе отношение к окружающим» имеются специфические компоненты: субъект и объект доброго отношения, лексические репрезентанты которых обозначают представителей определенного поколения: старшее поколение, младшее поколение, родителей, старших родственников. При обозначении злобного отношения к окружающим в семантике существительных выявляются комплексные эмоциональные и этические качества, близкие по тональности к злобе: *недоброжелательность, коварство, жестокость, зловредность, вероломство, непорядочность*, при этом в семантике слов имеется указание на отрицательные оценки злобного отношения (*плохой, жуткий*) и его скрытное свойство (*тайный*). Злобное отношение человека может внешне

проявляться в следующих сопутствующих поступках: выполнение коварных и обманных планов, совершение зла. По противоположным определительным и оценочным семантическим компонентам в этих ЛСГ выделяются антонимические пары:

善意 ‘*добрые отношения*’ ↔ 恶意 ‘*злые отношения*’;

好意 ‘*доброе и хорошее отношение*’ ↔ 坏心眼儿 ‘*злое и плохое отношение*’.

‘Злобная речь’ в субстантивной лексике отображается более конкретно и содержательно, чем ‘добрая речь’. При наличии ДС ‘определительность’ и ‘оценка’ в семной структуре существительные с семантикой доброты характеризуют речь в 3 аспектах: совпадение содержания речи с нормами добра (*справедливость, добро*); выражение доброты в речи (*доброжелательность, дружелюбие*); положительное воздействие речи (*полезный*). Напротив, ‘речь’ в структуре значения существительных с семантикой злобы характеризуется комплексом эмоций, сопрягаемых со злобой: *недоброжелательность, коварство, жестокость* и определяется разнообразными отрицательными оценками: *невежливый, ложный, плохой, грубый, безобразный*. В семантике слов, называющих злобную речь, эксплицитно указывается на объект-адресат речи (*неопределенное лицо*) и недоброжелательные цели речи: *обвинение, оскорбление, сеяние раздора*.

Итак, по определительным и оценочным дифференциальным компонентам в значениях противопоставлены антонимы:

好言好语 ‘*речь, выражающая доброжелательность, дружелюбие и кротость*’ ↔ 恶舌 ‘*выражение злобы, коварства и жестокости в речи*’;

善言 ‘*добрые и полезные слова*’ ↔ 恶言 ‘*невежливая речь, выражающая злобу, коварство и жестокость с целью опозорить кого-либо*’.

При изображении доброго и злобного выражения лица передается комплексное эмоциональное переживание, состоящее из нескольких эмоций, в котором доброта совмещается с *приветливостью, кротостью, великодушием* и

любовью, а злоба – с коварством и жесткостью. На основе противоположных комплексов эмоций в значениях слов противопоставляются антонимы: 慈眉善目 ‘*доброе выражение лица, выражающее приветливость, кротость, великодушие и любовь*’ ↔ 凶相 ‘*злое, коварное и жестокое выражение лица*’.

По статистическим данным, в китайском языке количество существительных в подполе ЗЛОБА больше, чем подполе ДОБРОТА. Выделенные в этих подполях лексико-семантические группы существительных также различаются в количественной представленности. С учетом количества единиц ЛСГ и содержательности семантики составляющих ЛСГ единиц злоба более содержательно отображается в следующих денотативных сферах: человек как носитель эмоционального качества, выражение эмоций в речи и воздействие определенного действия, напротив, доброта более конкретно репрезентируется в денотативной сфере: качество характера человека.

Сопоставление семной структуры существительных подполей ДОБРОТА и ЗЛОБА позволило выявить специфические компоненты в семантике слов, относящихся к данным под полям. Существительные в подполе ДОБРОТА включают в свое значение специфические дифференциальные компоненты, обозначающие степень узнаваемости доброго характера человека, причину совершения доброго действия и неискренность доброжелательного отношения. В семантике существительных в подполе ЗЛОБА специфически имеется указание на место проживания злобного человека, скрытность злобного поведения, следствие выполнения злобного действия и цель злобой речи.

Семантические компоненты ‘субъект’ и ‘объект’ по степени репрезентации в семантике слов различаются в подполях ДОБРОТА и ЗЛОБА. При отображении доброго характера и доброжелательного отношения компоненты ‘субъект’ и ‘объект’ в семантике слов эксплицитно репрезентируются, подчеркивая, что определенные добрые качества свойственны женщине, а также указывая на добрые отношения между представителями разных поколений. При изображении злобного человека субъектная сема в словарных дефинициях слов репрезентируется достаточно разнообразно, обозначая более конкретного

человека с указанием на отличительные признаки (*положение человека в определенной организации*). При отображении злобной речи в семантики слов актуализируется объект-адресат речи (*неопределенный человек*), на который направлены злобные эмоции в речи. Итак, доброта и злоба специфично отображаются в субстантивной лексике китайского языка.

Изучение объема антонимически противоположных ЛСГ, состава их семантических комплексов и количества выделенных в них антонимических пар позволило обнаружить следующее: чем больше единиц ЛСГ и проще семантический комплекс, тем продуктивнее ЛСГ в антонимическом отношении.

4.1.2. Интегративно-оппозитивный класс прилагательных ДОБРЫЙ ↔ ЗЛОБНЫЙ

В китайском языке в подполе ДОБРОТА имеются 39 прилагательных, а в подполе ЗЛОБА – 42 прилагательных. Классы прилагательных в двух подполях характеризуются однородностью состава, наблюдается симметрия в наборе лексико-семантических групп: в них выделяются 3 ЛСГ, которые по составу лексических репрезентаций пересекаются друг с другом и различаются в количественном отношении (см. табл. 4).

Таблица 4

	Подполе ДОБРОТА	Подполе ЗЛОБА
ЛСГ «Характеризующий эмоциональное качество характера»	67% (26)	86% (36)
ЛСГ «Характеризующий эмоциональное отношение к окружающим»	33% (13)	38% (16)
ЛСГ «Внешне выражающий эмоции»	15% (6)	40% (17)

По нашим данным, класс прилагательных с семантикой доброты состоит из ЛСГ прилагательных «Характеризующий качество характера ‘доброта’» (67%) и «Характеризующий доброе отношение к окружающим» (33%), а ЛСГ «Внешне выражающий доброту» полностью состоит из слов, относящихся к этим двум группам. Адъективная лексика злобы в основном состоит из прилагательных ЛСГ «Характеризующий качество характера ‘злоба’» (86%), а ЛСГ «Характеризующий злобное отношение к окружающим» и «Внешне выражающий злобу» по составу лексических репрезентаций частично пересекаются с вышеуказанной доминирующей группой. Количество прилагательных ЛСГ «Внешне выражающий злобу» гораздо больше, чем антонимически соотносительной ЛСГ «Внешне выражающий доброту», что уже на этапе статистики обнаруживает специфику репрезентации доброты и злобы в адъективной лексике.

В комплексной семантике прилагательных ЛСГ «Характеризующий качество характера ‘доброта’» и «Характеризующий качество характера ‘злоба’» доброта и злоба как главные качества дополняются и обогащаются другими различными близкими по тональности качествами. Доброта чаще совмещается с эмоциональными качествами (*отзывчивость, кротость, заботливость, любовь, великодушие, покорность, приветливость*), этическими качествами (*преданность, искренность, справедливость, нравственность*), а также с интеллектуальными качествами (*бесхитрость, талантливость, благоразумие*). Напротив, качество ‘злоба’ прежде всего совмещается с эмоциональными качествами (*неотзывчивость, жестокость, коварство, злобность, язвительность*) и более разнообразными этическими качествами (*вероломство, непорядочность, испорченность, развязность, варварство, лицемерие, угодливость, грубость*). Прилагательные включают в свое значение указание на сильную степень качеств ‘доброта’ и ‘злоба’ (*крайне*). В семантике прилагательных, характеризующих качество доброты, специфически имеется указание на отрицательную оценку обозначаемого качества (*притворный*) и конкретный субъект качества доброты (*женщина*).

С учетом наличия противопоставленных друг другу главных и

дополнительных отображаемых качеств в семантике прилагательных данных ЛСГ выделяются следующие антонимические пары:

善良 *добрый* ↔ 恶毒 *злобный*;

至善 *‘крайне добрый’* ↔ 万恶 *‘крайне злой, зловредный’*;

慈善 *‘добрый и отзывчивый’* ↔ 残忍 *‘злобный и неотзывчивый’*;

仁慈 *‘добрый, великодушный и отзывчивый’* ↔ 暴戾 *‘злобный и жестокий’*;

绵善 *‘добрый и кроткий’* ↔ 凶狂 *‘злобный, жестокий и развязный’*;

和善 *‘добрый и кроткий, приветливый’* ↔ 凶残 *‘злобный, жестокий и зловредный’*;

贤惠 *‘добрый, кроткий, приветливый и благоразумный’* ↔ 凶蛮 *‘злобный, жестокий и варварский’*;

良善 *‘добрый и великодушный, бесхитростный’* ↔ 阴险 *коварный*;

良实 *‘добрый, преданный и честный’* ↔ 奸凶 *‘злобный, вероломный, жестокий, зловредный’*;

忠良 *‘добрый, преданный и справедливый’* ↔ 奸佞 *‘злобный, вероломный, лицемерный, угодливый и непорядочный’*;

仁义 *‘добрый, великодушный, отзывчивый, справедливый’* ↔ 奸邪 *‘злобный, вероломный, лицемерный, непорядочный’*;

贤良 *‘добродетельный и мудрый’* ↔ 奸恶 *‘злобный, жестокий, вероломный и непорядочный’*.

При изображении доброго отношения к окружающим прилагательные отображают различные сопутствующие эмоции и чувства, близкие по тональности к качеству доброты (*отзывчивость, кротость, покорность, приветливость, радость, дружелюбие, близость, почтительность, сердечность, великодушие*), и этические качества человека (*скромность, вежливость, искренность*). В их семантике имеется указание на сильную степень проявления почтительности и покорности к родителям (*крайне*) и на объект проявления добрых эмоций

(старшее, младшее поколение). В семантике прилагательных, характеризующих злобное отношение к окружающим, преимущественно отображаются следующие сопутствующие эмоции: *недоброжелательность, жестокость, коварство, непочтение* и этические качества: *вероломство, непорядочность*, при этом имеется указание на отрицательную оценку качества (*сумасшедший*) и объект проявления непочтительного отношения (*родители*). В данных ЛСГ противопоставлены антонимы:

孝顺 ‘*проявляющий почтительность, покорность к родителям и старшим родственникам*’ ↔ 不孝 ‘*проявляющий непочтительность к родителям*’;

仁爱 ‘*проявляющий добросердечное, великодушное, отзывчивое отношение к кому-либо*’ ↔ 暴虐 ‘*проявляющий злобное и жестокое отношение*’.

Доброта может внешне выражаться в мимике, речи и др. в комплексе с другими эмоциями (*отзывчивость, дружелюбие, приветливость, кротость, сердечность*) и этическими качествами (*искренность, порядочность, целомудренность*). В семантике прилагательных, характеризующих внешнее выражение злобы, отображаются следующие эмоции: *неотзывчивость, жестокость, коварство* и этические качества: *вероломство, разврат, непорядочность*, также имеется указание на отрицательную оценку качества (*страшный*). При этом в противоположных ЛСГ выделяется антонимическая пара: 慈善 ‘*выражающий доброту и отзывчивость*’ ↔ 狰狞 ‘*страшный, выражающий злобу и жестокость (о выражении лица)*’.

Таким образом, доброта и злоба в адъективной лексике отображаются в комплексе с другими различными эмоциональными и этическими качествами, доброта также сочетается с интеллектуальными качествами (*бесхитрость, талантливость, благоразумие*). При этом стоит отметить, что этические качества чаще совмещаются с качеством злобы, чем доброты. При наличии регулярно повторяющихся семантических компонентов в структуре значения прилагательные с семантикой злобы семантически пересекаются в большей степени, чем прилагательные с семантикой доброты, и связаны между собой

отношениями включения и тождества. В интегративно-оппозитивном классе прилагательных ДОБРЫЙ ↔ ЗЛОБНЫЙ прозрачно репрезентируются отношения противоположности, на основе которых продуктивно формируются антонимически соотносительные ЛСГ и лексические оппозиции, входящие в состав ЛСГ.

4.1.3. Интегративно-оппозитивный класс глаголов ДОБРЕТЬ ↔ ЗЛЕТЬ

В китайском языке в подполе ДОБРОТА имеется 31 глагол, а в подполе ЗЛОБА – 35 глаголов. Состав классов глаголов в двух подполях характеризуется неполным совпадением, наблюдается асимметрия в наборе лексико-семантических групп, разграничиваемых с учетом категориально-лексических сем: в обоих классах выделяются 7 групп, но только 3 группы являются общими для двух классов: «Совершение каких-либо поступков», «Проявление каких-либо эмоций по отношению к окружающим» и «Становление каких-либо качеств характера». В каждом классе еще имеются 4 специфические группы. С учетом количества единиц в группах и их частотности в составе класса глаголов иерархия общих и специфических групп выглядит следующим образом (см. табл. 5).

Таблица 5

Количество единиц в группах и их частотность в составе класса глаголов

Общие группы	Подполе ДОБРОТА	Подполе ЗЛОБА
ЛСГ «Совершение каких-либо поступков»	23% (7)	17% (6)
Подгруппа «Проявление эмоций по отношению к окружающим»	13% (4)	3% (1)
ЛСГ «Становление какого-либо качества характера»	6% (2)	8% (3)
Специфические группы		
Подгруппа «Оказание помощи кому-либо»	29% (9)	–
Подгруппа «Уход за родителями»	16% (5)	–
Подгруппа «Осуществление каких-либо	3% (1)	–

межличностных отношений с кем-либо»		
Подгруппа «Побуждение к становлению каких-либо качеств»	10% (3)	–
ЛСГ «Говорить»	–	40% (14)
Подгруппа «Побуждение к совершению каких-либо поступков»	–	6% (2)
Подгруппа «Воздействие какого-либо поведения»	–	3% (1)
ЛСГ «Внешнее проявление эмоционального отношения через мимику и поступки»	–	23% (8)

Как видим, для класса глаголов с семантикой доброты значительными по составу являются группы глаголов, репрезентирующих доброе поведение: «Совершение добра», «Оказание помощи кому-либо» и «Уход за родителями», которые составляют 68% от общего числа глаголов, а в классе глаголов с семантикой злобы основное место занимают ЛСГ «Говорить зло», «Внешнее проявление злобного отношения через мимику и сопутствующие поступки», составляя 63% от общего числа глаголов. В классе глаголов ЗЛЕТЬ имеются специфические глаголы, отображающие побуждение к совершению зла и воздействие зла, а в классе глаголов ДОБРЕТЬ есть специфические глаголы, обозначающие побуждение к становлению качества доброты и осуществление добрых и дружеских межличностных отношений с окружающим. В китайской глагольной лексике доброе эмоциональное отношение преимущественно изображается как проявление внутренних добрых эмоций по отношению к окружающим, а злобное отношение в большей степени отображается как внешнее проявление комплексных злобных эмоций в мимике (*смехе, взгляде*) и в определенных жестоких по отношению к другим поступках.

Сопоставление состава семантических комплексов антонимически соотносительных групп глаголов, совпадающих в классах ДОБРЕТЬ и ЗЛЕТЬ, изучение семных структур глаголов несовпадающих групп позволили обнаружить сходство и различие репрезентации доброты и злобы в китайской глагольной лексике и выявить антонимические оппозиции в интегративном классе глаголов ДОБРЕТЬ ↔ ЗЛЕТЬ.

В семной структуре глаголов комплексной предикативной семантики ЛСГ «Совершение добра» основной предикат ‘совершать добро’ может характеризоваться включенными предикатными компонентами: ‘цель действия’ (*чтобы совершенствовать добродетель*) и ‘способ действия’ (*совершать побольше хороших дел*), а также может совмещаться со другими позиционно равноправными предикатами (*спасать слабых и бедных и помогать им*). В их семантике имеется указание на количество и периодичность выполнения добрых поступков (*побольше, часто, каждый день*). В семной структуре глаголов ЛСГ «Совершение зла» основной предикат ‘совершать зло’ характеризуется включенным предикатом ‘следствие действия’ в сочетании с темпоральным компонентом (*получить возмездие в будущем*) и совмещается с позиционно равноправным предикатом (*бесчинно губить людей*). С учетом наличия в семантике глаголов противоположных предикатных компонентов противопоставлены антонимы в данных двух ЛСГ:

行善 ‘совершать добрые дела, спасать и помогать слабым и бедным’ ↔ 逞凶 ‘совершать зло и бесчинно губить людей’;

积善 ‘накапливать добро, совершая побольше хороших дел’ ↔ 作恶 ‘совершать зло’;

积德 ‘часто совершать побольше добрых дел, чтобы совершенствовать добродетель’ ↔ 作孽 ‘совершать зло, получая возмездие в будущем’.

Специфические подгруппы глаголов с семантикой доброты «Помощь кому-либо» и «Уход за родителями» репрезентируют два типичных типа для носителей китайской лингвокультуры поведения как воплощение доброты в сознании носителей китайского языка. В этих подгруппах представлены глаголы комплексной предикативной семантики, в которой главный предикат ‘помогать’ уточняется включенными предикатными компонентами ‘способ действия’ (*жертвовать деньги*) и ‘следствие действия’ (*выйти из трудного положения*), а также сочетается с другим равноправным предикатом (*спасать*). При этом основное действие *оказание помощи кому-либо* характеризуется эмоциональным

состоянием человека: *добросердечность, добровольность, с охотой, удовольствием*. В семантике глаголов, отображающих уход за родителями, основное действие часто совмещается со следующими параллельными действиями, дополняющими друг друга: *соблюдать нормы сыновней почтительности, заботиться о братьях, служить родине*. В их семантике также содержится указание на проявляемые эмоции человека при совершении действий (*почтительность, любовь, дружелюбие, преданность*) и на образ действия (*строго, с усердием*) и степень интенсивности выполнения действия (*всеми силами*).

В ЛСГ «Говорить зло» выражается типичное поведение, воплощающее в себе качество ‘злоба’ – *говорить зло*. В комплексную предикативную семантику глаголов данной группы включаются дополнительные действия, связанные с главным действием *говорить зло* каузальными отношениями цели (*опорочить репутацию и личность; принизить, навредить, оскорбить; упрекнуть; принести кому-либо несчастье*), а также совмещаются однотипные действия (*говорить зло о ком-либо, следовательно порочить кого-либо, вредить кому-либо*), связанные между собой отношениями логической последовательности. Отображаемое действие *говорить зло* сопровождается злобным эмоциональным состоянием адресанта (*злонамеренностью, язвительностью, злостью, злопыхательством*) и характеризуется громкостью звучания, строгостью тона и отрицательной оценкой речи (*плохой, ложный, безобразный, грубый*).

Специфические подгруппы глаголов с семантикой злобы «Побуждение к совершению зла» и «Воздействие зла» включают в себя глаголы комплексной предикативной семантики с включенной пропозицией, в которой указываются конкретный способ побуждения (*давать советы и одобрять*) и причина неблагоприятных последствий для субъекта действия (*совершать зло*).

В семантике глаголов ЛСГ «Проявление добрых эмоций по отношению к окружающим» отображаются чувства (*сочувствие, жалость*) и отношения (*добродушие, дружелюбие, доброжелательность, понимание*), близкие по тональности к доброте; в семантику также включается предикатный компонент

‘причина проявления добрых эмоций’ (обладать качеством милосердия; испытывать несчастье). Для класса глаголов с семантикой злобы аналогичная группа является незначительной по составу, в ней глаголы обозначают проявление недоброжелательных эмоций по отношению к окружающим.

Доброта в глагольной лексике специфически связывается с осуществлением добрых, дружеских и близких межличностных отношений с кем-либо.

В глагольной лексике злобное эмоциональное отношение к окружающим проявляется через сопутствующие внешние поступки. В семантике глаголов ЛСГ «Внешнее проявление злобного отношения» отображается комплекс эмоциональных и этических качеств, сопрягаемых со злобой: *жестокость, коварство, вероломство, лезть, злобность, взыскательность* и выражаются сопутствующие поступки в качестве образа проявления злобного отношения к окружающим (*смеяться под кем-либо; смотреть на кого-либо; совершать жестокие поступки по отношению к кому-либо*). В семантике глагола 忤逆 также совмещены два параллельных действия: *проявлять непочтительное и непокорное отношение к родителям и не ухаживать за ними*. Данный глагол составляет антонимическую пару с глаголом 孝顺 ‘строго соблюдать нормы сыновней почтительности, ухаживать за родителями и старшими родственниками’.

В семантике глаголов ЛСГ «Становление качества доброты» выражаются эмоциональные и интеллектуальные свойства, сопрягаемые с добротой: *великодушие, бесхитростность*, в семантике глагола 迁善 также совмещаются два действия *исправляться и становиться добрым*, которые связаны между собой отношениями логической и временной последовательности, при этом действие *становление доброты* следует за действием *исправление*. В ЛСГ «Отсутствие добрых качеств» семантические признаки определительного аспекта в сочетании с компонентом ‘отсутствие чего-либо’ лишают человека следующих качеств: *морали и доброты*, при этом выражается необладание моралью и качеством доброты. В этих группах противопоставляются антонимы: 向善 ‘становиться

добрым, великодушным и бесхитростным' ↔ 黑心 'не обладать моралью и добрыми качествами'.

Специфическая подгруппа «Побуждение к становлению доброго характера» включает в себя глаголы комплексной предикативной семантики, в которой основное действие *побуждать кого-либо стать добрым* характеризуется добровольным состоянием субъекта действия и сопровождается дополнительными действиями, которые связаны с главным действием отношениями конкретного способа действия (*воздействовать словами и поведением*) и цели выполнения действия (*совершенствовать добродетель*).

Итак, интегративно-оппозитивный класс ДОБРЕТЬ ↔ ЗЛЕТЬ характеризуется асимметрией структуры, количество глаголов с семантикой доброты и глаголов с семантикой злобы близко по численной характеристике, но отображаемые этими глаголами денотаты сильно различаются. Доброта отображается в глагольной лексике преимущественно в следующих действиях: совершение добра, оказание помощи кому-либо и уход за родителями, а злоба в основном воплощается в действиях: говорить зло и внешне проявлять злобное отношение через мимику и сопутствующие поступки. В интегративном классе глаголов в большой степени представлены глаголы комплексной предикативной семантики. Для семной структуры глаголов с семантикой доброты важными являются включенные предикатные компоненты: цель и способ совершения действия, а для глаголов с семантикой злобы регулярными являются следующие предикатные компоненты: причина, следствие, образ, цель и способ выполнения действия. В семантике глаголов данного интегративного класса выражаются различные эмоциональные и этические качества, близкие по тональности к доброте и злобе: *добродушие, доброжелательность, дружелюбие, любовь, сочувствие, жалость, пощада, почтительность, преданность; злость, злонамеренность, жестокость, язвительность, злопыхательство, коварство, вероломство, лесть, зловредность, взыскательность*.

4.2. Структура интегративного семантического поля ДОБРОТА ↔ ЗЛОБА в русском языке

4.2.1. Интегративно-оппозитивный класс существительных ДОБРОТА ↔ ЗЛОБА

В русском языке количество единиц, входящих в классы существительных в подполях ДОБРОТА и ЗЛОБА, почти совпадает (соответственно 36 слов и 35 слов), но состав классов характеризуется неполным совпадением. Наблюдается асимметрия в наборе лексико-семантических групп, разграничиваемых с учетом КЛС: в подполе ДОБРОТА 4 ЛСГ существительных, а в подполе ЗЛОБА 6 ЛСГ существительных. 4 ЛСГ являются общими для обоих подполей: ЛСГ «Качество характера», ЛСГ «Эмоциональное отношение к окружающим», ЛСГ «Человек как носитель эмоционального качества», ЛСГ «Действие, характеризующееся определенными эмоциями». При этом в подполе ЗЛОБА имеются специфические группы: ЛСГ «Злобное состояние человека», ЛСГ «Речь, характеризующаяся злобой». С учетом количества единиц в группах и их частотности в составе класса существительных иерархия выявленных ЛСГ выглядит следующим образом (см. табл. 6).

Таблица 6

Количество единиц в группах и их частотность в составе класса существительных

Микрополя	Подполе ДОБРОТА	Подполе ЗЛОБА
ЛСГ «Эмоциональное качество характера»	33% (12)	8% (3)
ЛСГ «Эмоциональное отношение к окружающим»	31% (11)	14% (5)
ЛСГ «Речь, характеризующаяся эмоциями»	—	20% (7)
ЛСГ «Человек как носитель эмоционального качества»	28% (10)	40% (14)
ЛСГ «Действие, характеризующееся определенными эмоциями»	8% (3)	8% (3)
ЛСГ «Эмоциональное состояние человека»	—	10% (4)

Как видим, в русском языке дистрибуция ЛСГ существительных в подполях ДОБРОТА и ЗЛОБА характеризуется неоднородностью. В подполе ДОБРОТА равные количественные доли занимают ЛСГ «Человек как носитель доброты», «Доброта как качество характера», «Доброе отношение к окружающим», составляя по 30% от общего числа существительных. В подполе ЗЛОБА основное место занимает ЛСГ «Человек как носитель злобы», составляя 40% от общего числа существительных, ЛСГ «Злоба как качество характера» является незначительной по количеству единиц, составляя только 8%. Количественное наполнение ЛСГ «Злобное отношение к окружающим» является недостаточным, включая половину единиц аналогичной группы в подполе ДОБРОТА. В подполе ЗЛОБА выделяются еще и специфические группы существительных, отображающих выражение злобы в речи и злобное состояние человека.

Сопоставление семантических комплексов антонимически соотносительных ЛСГ существительных и репрезентаций соответствующих дифференциальных компонентов в словарных дефинициях позволило выявить особенности отображения доброты и злобы в русской субстантивной лексике.

Человек как носитель доброты или злобы в семантике существительных изображается в двух аспектах: его внутренние качества и внешние поступки. При этом доброта связывается со следующими эмоциональными качествами: *участие, расположение, сердечность, сострадание, милосердие, бесхитростность*. Качество доброты также характеризуется степенью интенсивности проявления (*большой*), положительной (*положительный, лучший*) и отрицательной (*притворный*) оценкой. Качество 'злоба' отображается в следующих эмоциональных признаках человека: *неприязнь, недружелюбие, враждебность, ненависть, отвращение*, а также репрезентируется в комплексе со следующими качествами: *придирчивостью, насмешливостью, хитростью, язвительностью, коварством*. Качество 'злоба' характеризуется сильной степенью проявления (*крайний*) и отрицательной оценкой (*низкий, дурной, несправедливо*), а также конкретизируется в зависимости от эмоциональной причины (*чужие страдания и боли*). Типичными поступками доброго человека являются *бескорыстная забота*

о благе других, благотворительность, оказание помощи нуждающимся, самопожертвование. Напротив, злобный человек стремится совершать злодеяния и жестокие поступки; *истязать, задеть, колоть, мучить кого-либо; побуждать кого-либо к злу.* С учетом противоположных семантических компонентов, обозначающих качества характера и поступки человека, в семантике слов ЛСГ «Человек как носитель доброты» и ЛСГ «Человек как носитель злобы», в них противопоставляются антонимы: *доброжелатель ↔ недоброжелатель (зложелатель); добряк ↔ злыдень; благотворитель (филантроп) ↔ злодей.*

ЛСГ существительных «Доброта как качество характера» имеет более глубокую лексическую и семантическую разработанность, чем ЛСГ «Злоба как качество характера», что проявляется в количественном превосходстве входящих в нее лексических репрезентаций. Качество характера человека в семантике существительных прежде всего отображается в проявлении эмоционального отношения человека к другим людям. При этом качество доброты отображается в следующих эмоциональных и этических качествах: *доброжелательность, снисходительность, отзывчивость, расположение, мягкость, душевность, искренность, уступчивость, нравственность, чистота*, а также выражается как отсутствие злобных чувств (*злобы, неприязни, злопамятства*). С другой стороны, качество 'злоба' изображается преимущественно в отсутствии добрых следующих эмоций по отношению к окружающим: *чуткости, сострадания, жалости.* Качество доброты также проявляется в следующем поведении человека: *оказании помощи, самопожертвовании*; в семантике существительных обычно содержится указание на эмоциональную причину совершения добрых поступков (*из сострадания, человеколюбия*). По противоположным определительным компонентам в значении существительных в данных ЛСГ выявляются следующие антонимы: *благодущие ↔ коварство; мягкосердечие ↔ бессердечие; милосердие ↔ жестокосердие.*

В семантике существительных ЛСГ «Доброе отношение к окружающим» выражаются следующие эмоции и чувства по отношению к людям, близкие по тональности к доброте: *доброжелательность, великодушие, сердечность,*

отзывчивость, дружелюбие, расположение, тяготение, влечение, сочувствие, участие, любовь, передается положительная оценка обозначаемого отношения (*хороший, благоприятный, добрый*), а также содержится указание на степень интенсивности проявления чувства (*безграничный*) и поступок, направленный на других (*оказание помощи кому-либо*). В семантике существительных ЛСГ «Злобное отношение к окружающим» отображаются следующие эмоциональные качества, совмещенные со злобой: *неприязнь, ненависть, ехидство, язвительность*, в ней содержится указание на степень чувства злобы (*сильный*), отрицательную оценку эмоционального отношения (*ненормальный*) и на поступки, внешне проявляющие злобу (*совершение жестоких поступков по отношению к кому-либо, истязания*). С учетом противоположности семантических компонентов в значении слов в этих ЛСГ противопоставляются антонимы: доброжелательство ↔ недоброжелательство; человеколюбие ↔ человеконенавистничество.

В подполе ЗЛОБА есть специфическая группа существительных, обозначающих внешнее выражение злобных эмоций в речи. В этой группе называемые словами высказывания отображают следующие эмоциональные качества: *злоба, недоброжелательность, осуждение, язвительность*, характеризуются отрицательной оценкой: *ложный, уничтожающий* и уточняются средствами выражения злобы (*насмешка, ирония*) и их целью (*опозорить и задеть человека*).

ЛСГ существительных «Действие, характеризующееся добротой» и «Действие, характеризующееся злобой» по составу лексических репрезентаций являются незначительными для соответственных подполей. В семантике существительных, репрезентирующих доброе действие, находят отражение конкретные поступки (*оказание помощи нуждающимся, забота о благе других, самопожертвование*) с указанием на свойства действия (*бесвозмездность, бескорыстие*) и причину выполнения действия (*из снисхождения*). Напротив, злобное действие обобщенно репрезентируется в субстантивной семантике, в ней характеризуется определительными признаками (*злодейский, злой, недоброжелательный*) и целью выполнения действия (*причинение вреда другим*).

В русской субстантивной лексике злота еще и отображается в эмоциональном состоянии человека. Злобное состояние человека изображается как комплекс близких по тональности чувств (*злота, ненависть, гнев, раздражение, враждебность*), а также как комплекс противоположных по тональности чувств (*злота и радость*). В семантике существительных злобное состояние человека характеризуется степенью интенсивности (*сильно*) и конкретизируется в зависимости от причины (*из-за неблагоприятного положения, чужих несчастий, неудач*).

Таким образом, в русской субстантивной лексике доброта и злота могут отображаться в следующих денотативных сферах: человек, качество характера, эмоциональное отношение к окружающим и действие. При этом в семантике существительных качества доброты и злобы часто характеризуются оценкой и сильной степенью проявления, а также передаются причинные отношения, раскрывая причину проявления доброты или злобы. По нашим данным, качество характера 'доброта' в субстантивной лексике отображается более разнообразно чем, качество характера 'злота'. Более того, существительные могут называть злобное состояние человека и злобную речь, что составляет специфику репрезентации злобы в русской субстантивной лексике.

4.2.2. Интегративно-оппозитивный класс прилагательных ДОБРЫЙ ↔ ЗЛОБНЫЙ

В русском языке класс прилагательных в подполе ДОБРОТА составляют 36 слов, а в подполе ЗЛОБА – 39 слов. В двух классах наблюдается симметрия в наборе лексико-семантических групп, разграничиваемых с учетом КЛС: в них выделяются 3 ЛСГ – «Характеризующий эмоциональное качество», «Характеризующий эмоциональное отношение к окружающим», «Внешне выражающий эмоции», которые различаются в количественном отношении, последняя группа по составу лексических репрезентаций пересекается с другими

двумя группами (см. табл. 7).

Таблица 7

Количество единиц в группах и их частотность в составе класса прилагательных

	Подполе ДОБРОТА	Подполе ЗЛОБА
ЛСГ «Характеризующий эмоциональное качество»	47% (17)	59% (23)
ЛСГ «Характеризующий эмоциональное отношение к окружающим»	53% (19)	38% (15)
ЛСГ «Внешне выражающий эмоции»	30% (11)	44% (16)

Как видим, в подполе ЗЛОБА количество единиц ЛСГ прилагательных «Характеризующий качество характера ‘злоба’» больше, чем ЛСГ прилагательных «Характеризующий злобное отношение к окружающим» и занимает более важное место в отображении злобы в адъективной лексике, а в подполе ДОБРОТА количество единиц в данных аналогичных группах близко по численной характеристике.

Сопоставление семной структуры прилагательных, относящихся к антонимически соотносительным ЛСГ, и лексических репрезентантов соответствующих дифференциальных сем в словарной дефиниции позволил обнаружить особенности отображения доброты и злобы в адъективной лексике и репрезентации отношений противоположности в данном интегративном классе прилагательных.

В семантике прилагательных ЛСГ «Характеризующий качество характера ‘доброта’» и «Характеризующий качество характера ‘злоба’» доброта и злоба отображаются чаще в комплексе с другими качествами. Доброта совмещается с эмоциональными качествами (*отзывчивость, чуткость, дружелюбие, кротость, спокойствие, мягкость*) и этическими качествами (*простодушие, скромность, порядочность, высоконравственность*). Качество ‘злоба’ совмещается с такими эмоциональными качествами, как *враждебность, ненависть, раздражение, коварство, язвительность*. В семантике прилагательных также содержится указание на поступки, отражающие доброту и злобу: *делать добро, помогать*

другим, неспособность сердиться; причинять зло, говорить зло, памятливым на зло. При этом прилагательные включают в свое значение указание на положительную оценку качества доброты (*хороший, высокий*) и сильную степень качества злобы (*очень, крайне, сильный, необыкновенный*). На основе противоположности семантических компонентов в значении прилагательных в этих ЛСГ противопоставляются антонимы: добрый ↔ злой; беззлобный ↔ злобный; добронравный ↔ злонравный; добродушный ↔ злющий; милосердный ↔ злопамятный; великодушный ↔ мстительный; благодушный ↔ злобный.

При отображении доброго отношения к окружающим прилагательные репрезентируют комплексные эмоции (*отзывчивость, расположение, дружелюбие, приязнь, снисходительность*) и поступки, отражающие доброту по отношению к другим (*содействовать благополучию другого, оказать помощь людям*). Они также включают в свое значение указание на специфический субъект дружественных отношений (*государство*). В противоположность этому, прилагательные, характеризующие злобное отношение к окружающим, выражают следующие сопутствующие эмоции: *озлобление, враждебность, неприязнь, недружелюбие, придирчивость, язвительность* и совмещенные поступки: *желать зла другим, досадить, задеть кого-то, стремиться к злу*. Более того, в их семантике содержится указание на сознательность проявления злобного отношения (*предумышленно*) и отрицательную оценку проявляемого отношения (*злой, несправедливо*). В ЛСГ прилагательных, ориентированных на отображение доброты и злобы по отношению к другим, противопоставляются следующие антонимы: доброжелательный ↔ зложелательный; благожелательный ↔ недоброжелательный; дружелюбный ↔ недружелюбный; благосклонный ↔ злопыхательский; милостивый ↔ злостный; сердобольный ↔ злорадный.

Доброта может внешне выражаться в речи и мимике в комплексе со следующими близкими по тональности эмоциональными качествами: *расположением, приязнью, сочувствием, мягкостью, кротостью, смирением, снисходительностью*. Напротив, в семантике прилагательных, характеризующих внешнее выражение злобы, отображаются следующие эмоции: *нерасположение,*

неприязнь, недружелюбие, недоброжелательность, раздражение, ожесточение, коварство и содержится указание на сильную степень проявления злобы (*крайний*) и его отрицательную оценку (*дурной*).

Таким образом, доброта и злоба в русской адъективной лексике изображаются как комплексное эмоциональное качество характера, внутреннее эмоциональное состояние, так и внешне проявляется в мимике, речи, действии. В семантике прилагательных доброта не просто совмещается с эмоциональными качествами, но и с этическими качествами, а качество ‘злоба’ чаще характеризуется отрицательной оценкой и сильной степенью проявления.

4.2.3. Интегративно-оппозитивный класс глаголов ДОБРЕТЬ ↔ ЗЛЕТЬ

В русском языке количество глаголов с семантикой злобы (20 глаголов) больше, чем глаголов с семантикой доброты (13 глаголов). В глагольной лексике доброта и злоба могут изображаться как эмоциональное отношение, состояние, качество, так и действие. На основе разных КЛС глаголы репрезентируют доброту и злобу в различных ракурсах и соответственно распределяются по разным группам. С учетом количественной представленности иерархия совпадающих и несовпадающих групп в двух подполях выглядит следующим образом (см. табл. 8)

Таблица 8

Количество единиц групп в составе класса глаголов в подполях ДОБРОТА и ЗЛОБА

Общие	Подполе ДОБРОТА	Подполе ЗЛОБА
«Проявление эмоций по отношению к окружающим»	5	3
«Внешнее проявление эмоционального отношения через поступки»	1	6
«Пребывание в эмоциональном состоянии»	1	4
«Совершение каких-либо поступков»	2	2

«Становление какого-либо характера»	1	1
Специфические		
«Осуществление каких-либо межличностных отношений с кем-либо»	1	–
«Оказание помощи кому-либо»	2	–
«Говорить»	–	1
«Приведение в эмоциональное состояние»	–	2
«Становление эмоционального состояния»	–	1

Как видим, в классе глаголов с семантикой доброты основное место занимают глаголы, обозначающие проявление добрых эмоций по отношению к окружающим, а для класса глаголов с семантикой злобы основными являются глаголы, обозначающие внешнее проявление злобного отношения через определенные поступки и глаголы, репрезентирующие пребывание в эмоциональном состоянии. В подполе ДОБРОТА существуют глаголы, которые специфически репрезентируют доброту в следующих событиях: осуществление добрых межличностных отношений с другим (*мирить*), оказание помощи (*выручать*). С другой стороны, в подполе ЗЛОБА глаголы репрезентируют следующие ситуации, характеризующиеся злобой: говорить зло (*злословить*), приведение человека в злобное состояние (*злить*) и становление злобного состояния (*разъяряться*).

Сопоставление семной структуры глаголов совпадающих групп в подполях ДОБРОТА и ЗЛОБА, рассмотрение лексических репрезентантов соответствующих дифференциальных сем в словарных дефинициях благоприятствует обнаружению способов семантизации доброты и злобы и их особенностей репрезентации в глагольной лексике.

В семантике глаголов группы «Проявление добрых эмоций по отношению к окружающим» выражаются различные эмоции и чувства, близкие по тональности к доброте: *доброжелательность, благосклонность, расположение, сочувствие, жалость, сострадание, милосердие, участие, приязнь*, а также содержится указание на причину проявления доброты к окружающим (*из-за несчастья, горя*

другого). Напротив, глаголы аналогичной группы в подполе ЗЛОБА репрезентируют комплексные чувства, совмещенные со злобой: *неприязнь, враждебность, досаду* и включают в свое значение указание на причину (*благополучие и успех другого*) и цель (*удовлетворение своего чувства досады*) проявления злобных эмоций. При этом по противоположным определительным признакам в значении глаголов противопоставляются антонимы: *благоволить ↔ ненавидеть*.

В семной структуре глагола, обозначающего внешнее проявление доброты через поступки, семантические признаки определительного аспекта выражают добрые эмоции по отношению к другим (*доброжелательность, приязнь, расположение*), включенный предикат 'образ действия' конкретизирует сопутствующие поступки в процессе проявления доброго отношения к другим (*обращаясь к кому-либо с добрыми словами*). В противоположность этому, в семной структуре глаголов, репрезентирующих внешнее проявление злобы через поступки, семантические компоненты определительного аспекта выражают различные злобные эмоции (*злость, недоброжелательность, злорадство, язвительность, оскорбительность, неискренность*) и отрицательные оценки (*притворный, злой, негативный, грубый*), включенный предикат 'образ действия' конкретизирует разнообразные дополнительные поступки при внешнем проявлении злобы (*унижать, нести побои, насмехаться, тихо, тайно, злорадно смеяться, издавать короткий смех*). При этом 'внешнее проявление злобы' в глагольной семантике репрезентируется более разнообразно и содержательно, чем 'внешнее проявление доброты'.

В семантике глагола, обозначающего пребывание в добродушном настроении, находит отражение образ протекания эмоционального состояния – *проводить время без дела и забот*. С другой стороны, в семантике глаголов, отображающих пребывание злобного состояния человека, выражается испытываемый субъектом комплекс эмоций, близких по тональности к злобе (*недоброжелательность, раздражение, враждебность, недовольство*), содержится указание на отрицательную оценку эмоционального состояния

(недобрый) и причину появления недобрых чувств (*наблюдать горе, неудачу, несчастье другого*).

В группе «Совершение добра» представлены глаголы простой семантики, отображающие элементарную ситуацию посредством одного предиката – *делать добро; заниматься благотворительностью*. Напротив, глаголы в группе «Совершение злых поступков» имеют комплексную семантику, в которой основное действие *совершать зло* характеризуется эмоциональным состоянием субъекта (*недоброжелательность, враждебность*), также конкретизируется в аспекте образа его выполнения (*совершать жестокие поступки*) и цели (*отплатить за оскорбление*). По противоположными главным предикатным компонентам в значении глаголов противопоставляются антонимы: *благотворить ↔ злодействовать*.

Итак, интегративно-оппозитивный класс ДОБРЕТЬ ↔ ЗЛЕТЬ характеризуется асимметрией состава, глаголы с семантикой злобы превосходят глаголы с семантикой доброты и в количественном отношении и в информативной значимости. Можно сказать, что злоба в глагольной лексике имеет более глубокую лексическую и семантическую разработанность. Более того, большинство русских глаголов в данном интегративном классе имеют комплексную семантику и отображают комплекс ситуаций, которые чаще всего связаны между собой отношениями образа и причины действия.

Выводы по четвертой главе

1. Доброта и злоба как члены антонимической оппозиции специфически репрезентируются в каждом языке, это проявляется в трех аспектах: во-первых, различии в количестве лексических репрезентаций доброты и злобы; во-вторых, неоднородности состава ЛСГ в различных частеречных классах в подполях ДОБРОТА и ЗЛОБА; в-третьих, наличии специфических семантических компонентов в семной структуре слов, входящих в состав подполей ДОБРОТА и

ЗЛОБА.

2. В китайском языке подполе ЗЛОБА имеет большее количественное наполнение, чем подполе ДОБРОТА (их количественное соотношение таково: общее число слов: 150 – 129; существительных: 74 – 59; прилагательных: 41 – 39; глаголов: 35 – 31). Количественное превосходство слов в подполе ЗЛОБА обнаруживается особенно в классе существительных.

Доброта и злоба в китайском языке изображаются в разнообразных денотативных сферах: человек как носитель эмоций, эмоциональное качество характера, эмоциональное отношение к окружающим, социальная деятельность, речевая деятельность, а также эмоциональное выражение лица.

Как показали семантический и количественные анализы, приоритеты в отображении доброты и злобы различаются в разных частеречных классах. Доброта в субстантивной лексике в основном отображается как качество характера человека, в адъективной лексике характеризуется как качество характера и эмоциональное отношение к окружающим, в глагольной лексике доброе действие интерпретируется как совершение добра, оказание помощи кому-либо и уход за родителями. Напротив, злоба в субстантивной лексике преимущественно отображается в изображении человека как носителя качества злобы, в адъективной лексике в основном интерпретируется как качество характера человека, в глагольной лексике злоба изображается в сопряжении с речевой деятельностью, репрезентируется как проявление отношения к другим через мимику (*взгляд, смех*) и жестокие поступки по отношению к кому-либо.

Слова, относящиеся к подполям ДОБРОТА и ЗЛОБА в китайском языке, имеют комплексную семантику, в которой доброта и злоба выражаются в комплексе с другими дополнительными близкими по тональности эмоциональными качествами, более того, доброта обычно совмещается с интеллектуальными качествами (*талантливость, благоразумие*), а злоба чаще совмещается с этическими качествами (*непорядочность, развязность, лицемерие, грубость, испорченность, угодливость*). В семантике слов в подполе ДОБРОТА также выражаются отношения причины, конкретного способа и цели действия,

связывающие основные и сопутствующие поступки. В семантике слов подполя ЗЛОБА более регулярно передаются временные, причинно-следственные, целевые отношения, а также отношения способа и образа выполнения действия.

В подполе ДОБРОТА слова содержат специфические компоненты в их семной структуре, которые обозначают степень узнаваемости качества доброты (*глубоко скрываемое*), конкретный субъект отображаемого качества (*женщина*), неискренность доброго отношения к другим (*притворный*), конкретный объект проявления доброго отношения (*старшее, младшее поколение, родители, старшие родственники*) и периодичность осуществления доброго действия (*часто, каждый день*). В подполе ЗЛОБА слова включают в значение специфическое указание на место проживания злобного человека (*в родной местности*), объект-адресат злобой речи (*неопределенное лицо*) и скрытность злобного действия (*тайно*). В связи с наличием регулярно повторяющихся семантических компонентов в значении слова в подполе ЗЛОБА близки по значению и связаны между собой отношениями пересечения, включения и тождества.

3. В русском языке количество слов в подполе ЗЛОБА немного больше, чем в подполе ДОБРОТА (их количественное соотношение таково: общее число слов: 94 – 85; существительных: 35 – 36; прилагательных: 39 – 36; глаголов: 20 – 13). Разница в численности слов двух подполей проявляется прежде всего в классах глаголов.

В русском языке доброта и злоба репрезентируются в следующих аспектах: человек как носитель эмоций, качество характера, эмоциональное отношение к окружающим, социальная деятельность, речевая деятельность, а также эмоциональное состояние человека. В разных категориально-грамматических классах обнаруживаются специфические приоритеты в репрезентации доброты и злобы. Доброта в субстантивной и адъективной лексике отображается прежде всего как качество характера и эмоциональное отношение к другим, в глагольной лексике – как проявление внутренних добрых эмоций по отношению к другим и становление доброго характера. Злоба в субстантивной лексике реализуется в

изображении человека как носителя злобы, речевой деятельности, в адъективной лексике злоба преимущественно репрезентируется как качество характера человека, в глагольной лексике злоба – как пребывание в злобном состоянии, проявление эмоционального отношения через мимику (*смех*) и поступки (*побои, насмешка, унижение*).

Большинство слов в подполях ДОБРОТА и ЗЛОБА в русском языке имеет комплексную семантику, выражающую различные сопрягаемые с добротой и злобой качества человека, сопутствующие эмоции и поступки. В структуре значения слов качества доброты и злобы характеризуются дифференциальными компонентами, обозначающими положительную, отрицательную оценки и сильную степень проявления качеств. Доброта внешне проявляется в следующем поведении человека: оказании помощи кому-либо, заботе о благе других, самопожертвовании, стремлении делать добро другим и содействии благополучию других, неспособности сердиться. Напротив, злоба воплощается в следующем поведении: совершении жестоких поступков по отношению к другим, причинении зла другим, стремлении желать зла кому-либо, досадить, задеть кого-либо, способности говорить зло, наличии памяти на зло.

Слова в подполе ДОБРОТА обычно включают в свое значение эмотивно-причинный компонент, обозначающий причину проявления доброты субъекта (*чужое несчастье и горе*). В семантике слов, относящихся к подполю ЗЛОБА, обычно содержится указание на средство выражения злобы (*насмешка, ирония*) и сознательность субъекта проявления злобы по отношению к другим (*умышленно*), а также в нее включаются различные предикатные компоненты с указанием на сопутствующие поступки, конкретизирующие образ, цель и причину выполнения основного злобного действия.

4. Интегративное семантическое поле ДОБРОТА ↔ ЗЛОБА формирует свою структуру на оппозитивной основе. В нем отношения противоположности воплощаются в различных по рангу совокупностях лексических единиц: противоположных подполях, антонимически соотносительных ЛСГ, лексических оппозициях, состоящих из двух слов, входящих в состав ЛСГ.

Подполя ДОБРОТА и ЗЛОБА характеризуются асимметрическим составом ЛСГ. Антонимически соотносительные ЛСГ в разных частеречных классах различаются с учетом параметра численности. В китайском языке всего выделены 13 антонимических оппозиций ЛСГ, антонимически соотносительные ЛСГ в классе существительных (7 оппозиций) представлены больше, чем в прилагательных (3 оппозиции) и глаголах (3 оппозиции). В русском языке выявлены 12 антонимических оппозиций ЛСГ, противоположные ЛСГ в классах глаголов (5 оппозиций) и существительных (4 оппозиции) представлены больше, чем в прилагательных (3 оппозиции).

Состав антонимически соотносительных ЛСГ в классах прилагательных совпадает в двух языках, а классы существительных и глаголов характеризуются неполным совпадением: в них имеются общие и специфические для каждого языка антонимические оппозиции ЛСГ. При этом отношения противоположности в субстантивной лексике двух языков репрезентируются в следующих ЛСГ: «Человек как носитель эмоций», «Эмоциональное качества характера», «Эмоциональное отношение к окружающим», «Действие, характеризующееся эмоциями». В глагольной лексике они представлены в ЛСГ «Совершение определенных поступков», «Проявление эмоций по отношению к окружающим» и ЛСГ «Становление эмоционального качества характера». В китайском языке отношения противоположности еще и проявляются в ЛСГ существительных «Воздействие на кого-либо определенных действий», «Речь, характеризующаяся эмоциями», «Эмоциональное выражение лица», а в русском языке – ЛСГ глаголов «Пребывание в эмоциональном состоянии», «Внешнее проявление эмоционального отношения через поступки».

Антонимически соотносительные ЛСГ также различаются количественным наполнением и характером смысловых различий слов, это обуславливает то, что различные противоположные ЛСГ характеризуются разной степенью представленности в них антонимов: чем больше единиц групп и меньше смысловых различий между словами, тем продуктивнее ЛСГ в антонимическом отношении. В двух языках высокой степенью представленности антонимов в

составе ЛСГ характеризуются ЛСГ «Человек как носитель эмоций» (в китайском и русском языках соответственно выделены 8 и 3 лексических оппозиций), ЛСГ существительных «Эмоциональное качество характера» (соответственно 5 и 3 лексических оппозиций) и ЛСГ прилагательных «Характеризующий эмоциональное качество» (соответственно 12 и 7 лексических оппозиций). Средней степенью – ЛСГ существительных «Эмоциональное отношение к окружающим» (в двух языках выявлены 2 лексических оппозиции); низкой степенью – ЛСГ глаголов «Проявление эмоций по отношению к окружающим» и ЛСГ глаголов «Становление эмоционального характера» (выявлена только 1 лексическая оппозиция).

Антонимически соотносительные ЛСГ в разных языках различаются численностью в них выделенных антонимов. В китайском языке в ЛСГ глаголов «Совершение определенных поступков» имеется 3 лексические оппозиции, а в русском языке в аналогичных ЛСГ только выделена 1 лексическая оппозиция. В китайском языке в ЛСГ существительных «Действие, характеризующееся эмоциями» имеется одна лексическая оппозиция, а в русском языке в данных ЛСГ не выявлены лексические оппозиции.

В специфических для китайского языка антонимически соотносительных ЛСГ существительных «Речь, характеризующаяся эмоциями», «Эмоциональное выражение лица» и «Воздействие определенных поступков» соответственно выделены 2, 1, 1 лексических оппозиции. В русском языке специфические ЛСГ глаголов «Внешнее проявление эмоционального отношения через поступки» и «Пребывание в эмоциональном состоянии» относятся к ЛСГ слов, характеризующимся непредставленностью в них антонимов, в этих группах не выделены лексические оппозиции.

Учитывая различие в количественной представленности различных вариантов репрезентации противоположности (антонимически соотносительных ЛСГ и лексических оппозиций) в интегративном семантическом поле, мы обнаружили, что антонимические оппозиции в структуре данного поля в китайском языке представлены больше, чем в русском языке.

Заключение

1. Структурно-семантическое изучение лексики имеет особую значимость для исследования национальных языковых картин мира, так как в процессе структурирования лексики выявляются связи между группировками слов разного ранга и отображаемой ими действительностью, обнаруживаются особенности языкового сознания носителей разных лингвокультур и национальная специфика их познания мира. Семантическое поле в качестве структурно организованного множества слов одной денотативной отнесенности рассматривается как компонент языковой картины мира. Интегративное семантическое поле ДОБРОТА ↔ ЗЛОБА формируется на основе антонимической оппозиции доброты и злобы, данные качества являются одними из ключевых и универсальных эмоциональных представлений, отображающих и характеризующих внутренний мир человека. Сопоставление структурной организации данного семантического поля в разных языках способствовало выявлению общего и специфического в отображении доброты и злобы в языковом сознании людей разных народов.

2. Структурный подход к изучению значения слова позволяет описать отдельную семему как определенный набор сем, которые в качестве наименьшей выделяемой части лексического значения характеризуют предмет номинации в разных аспектах. Сема представляет собой элемент глубинной семантики, на поверхностном уровне она оформляется в виде лексических репрезентаций в составе словарной дефиниции и функционирует как семантический код для внеязыковой информации. По мнению В.Г. Гака, сема понимается как отражение в сознании носителей языка различных черт, объективно присущих денотату либо приписываемых ему данной языковой средой, и, следовательно, являющихся объективными по отношению к каждому говорящему. В структуре семемы иерархически организованы семы разного статуса: категориально-грамматическая сема, категориально-лексическая сема и дифференциальная сема, которые связаны отношениями уточнения. Сопоставительный анализ семантических комплексов лексико-семантических групп в составе исследуемого поля и лексических

репрезентаций определенных дифференциальных сем в словарных дефинициях в китайском и русском языках позволил выявить общие и национально-специфические черты в репрезентации доброты и злобы в двух языках и обнаружить особенности семантизации антонимически соотносительных эмоциональных представлений доброты и злобы в каждом языке.

3. В результате исследования материала обнаружено, что в китайском языке семантическое подполе ДОБРОТА составляют 129 слов, подполе ЗЛОБА составляют 150 слов, в русском языке: подполе ДОБРОТА – 85 слов, подполе ЗЛОБА – 94 слова. По статистическим данным, лексическое воплощение доброты и злобы в китайском языке богаче, чем в русском языке. Как показал количественный анализ, разные по категориально-грамматической природе классы слов – существительных, прилагательных, глаголов – в составе двух подполей различаются в количественном отношении в разных языках, что уже на этапе статистики обнаруживает определенные национальные приоритеты в отображении доброты и злобы. В китайском языке в лексике доброты и злобы первое место занимают существительные, которые по количеству намного превосходят прилагательные и глаголы. В русском языке в составе корпуса лексики доброты и злобы существительные и прилагательные занимают равные количественные доли, которые намного превосходят количество глаголов.

4. В результате структурно-семантического исследования установлено, что приоритеты в отображении доброты и злобы в лексике различаются в разных языках. В китайском языке доброта и злоба могут изображаться в сопряжении с воздействием добра и зла и маркироваться как комплексное эмоциональное выражение лица. Напротив, в русском языке они могут отображаться как бытийное эмоциональное состояние человека.

5. В двух языках лексика доброты и злобы имеет комплексную семантику, в которой качества доброты и злобы совмещаются с другими близкими по тональности качествами человека и сопутствующими поступками. В семантике китайских слов доброта и злоба изображаются более содержательно, они не

просто совмещаются с эмоциональными и этическими качествами, но и сопрягаются с интеллектуальными качествами (*доброта + благоразумие; злоба + многоопытность*) и противоречащими им признаками внешности (*добрый характер + злобное лицо, злобный характер + добродушная внешность*). Китайские слова также включают в свое значение специфические конкретизирующие компоненты, которые обозначают сильную степень проявления качеств доброты и злобы (*крайне добрый, крайне злобный*), врожденность отображаемых качеств (*от природы*) и частотность совершения доброго действия (*часто, постоянно*). В китайском языке лексические репрезентанты дифференциальных компонентов 'субъект' и 'объект' не отличаются обобщенностью номинации человека, а обозначают его с актуализацией конкретных признаков: половых, возрастных, принадлежность определенному поколению, родственные отношения и др. В семной структуре китайских слов активно присутствуют предикатные компоненты, выражающие сопутствующие поступки, которые связаны с основным действием отношениями причины, способа и цели действия. Напротив, в русском языке в семантике слов злоба может совмещаться с противоположным по тональности эмоциональным состоянием (*злоба + радость*), в их семной структуре регулярно присутствует эмотивно-причинный компонент, с помощью которого фиксируются ситуации, когда доброта и злоба являются причиной выполнения действия или проявления определенного отношения к окружающим.

6. Антонимически соотносительные качества 'доброта' и 'злоба' специфически репрезентируются в каждом языке, и, следовательно, их приоритеты репрезентации различаются.

В китайском языке доброта воплощается богаче, чем злоба в ЛСГ существительных «Эмоциональное качество характера» и ЛСГ глаголов «Проявление эмоций по отношению к окружающим». Доброта специфически репрезентируется в ЛСГ глаголов «Помощь кому-либо» и «Уход за родителями». Напротив, злоба более содержательно отображается в следующих группах: ЛСГ существительных «Человек как носитель эмоций», «Воздействие на кого-либо

определенных действий», «Эмоциональное выражение лица» и ЛСГ прилагательных «Характеризующий эмоциональное качество характера». Злоба также репрезентируется в специфических ЛСГ глаголов «Говорить зло» и «Внешнее проявление эмоционального отношения через мимику и поступки».

В русском языке доброта воплощается богаче, чем злоба в ЛСГ существительных «Эмоциональное качество характера», «Эмоциональное отношение к окружающим» и ЛСГ глаголов «Проявление эмоций по отношению к окружающим». Доброта специфически отображается в сопряжении с оказанием помощи другим. Напротив, злоба репрезентируется более содержательно, чем доброта в следующих группах: ЛСГ существительных «Человек как носитель эмоций», ЛСГ глаголов «Внешнее проявление эмоционального отношения через поступки» и «Пребывание в эмоциональном состоянии». Злоба в субстантивной лексике также специфически изображается в сопряжении с речевой деятельностью и отображается в эмоциональном состоянии человека. В глагольной лексике злоба также специфически воплощается в речевой деятельности, лексике приведения кого-либо в злобное состояние и становления злобного состояния.

7. В семной структуре слов, относящихся к подполям ДОБРОТА и ЗЛОБА, присутствуют свои специфические семантические компоненты, что обнаруживает особенности семантизации доброты и злобы в лексике. В китайском языке при отображении качества доброты в семантике слов имеется специфический компонент 'субъектность', который отмечает, что определенное доброе качество характера свойственно только женщине (懿德, 贤淑, 贤惠). Слова, репрезентирующие злобу, включают в свое значение указание на локальность злобного действия (*в родной местности*), конкретный объект злобного действия (*женщина*) и положение злобного человека в определенной организации (*главарь*). В их семантике также регулярно передаются причинно-следственные, временно-последовательные отношения и отношения образа действия, связывающие сопутствующие и основные поступки.

В русском языке слова, репрезентирующие злобу, включают в значение

специфические компоненты, указывающие на сильную степень злобного состояния (*крайне*), сознательность человека проявления злобы по отношению к другим, средство выражения злобы (*ирония, насмешка*). В их семантике также находят отражение различные поступки, дополнительно связанные с обозначаемым основным действием целевым отношением.

8. Антонимически соотносительные ЛСГ, составляющие антонимические оппозиции в различных частеречных классах, различаются в семантическом и количественном отношении. В китайском языке антонимические оппозиции в классе существительных представлены богаче, чем в прилагательных и глаголах, а в русском языке они в классах существительных и глаголов представлены более многочисленно, чем в прилагательных. Отношения противоположности в субстантивной лексике двух языков репрезентируются в следующих денотативных сферах: человек как носитель эмоций, эмоциональное качество характера, эмоциональное отношение к окружающим, поступки человека в аспектах доброты и злобы. В глагольной лексике противоположность доброты и злобы воплощается в совершении определенных поступков и проявлении эмоционального отношения к окружающим. Кроме вышеуказанных общих антонимических оппозиций в двух языках, в китайском языке отношения противоположности еще специфически проявляются в ЛСГ существительных «Воздействие на кого-либо определенных действий», «Речь, характеризующаяся эмоциями», «Эмоциональное выражение лица», а в русском языке они еще репрезентируются в ЛСГ глаголов «Пребывание в эмоциональном состоянии» и «Внешнее проявление эмоционального отношения к кому-либо через поступки».

9. Антонимические пары в составе различных семантически противоположных ЛСГ различаются в количественной представленности. В двух языках высокой степенью представленности антонимов в составе ЛСГ характеризуются ЛСГ существительных «Человек как носитель эмоций», «Эмоциональное качество характера» и ЛСГ прилагательных «Характеризующий эмоциональное качество»; средней степенью – ЛСГ существительных «Эмоциональное отношение к окружающим»; низкой степенью – ЛСГ глаголов

«Проявление эмоций по отношению к окружающим».

Аналогичные ЛСГ в разных языках также различаются степенью представленности лексических оппозиций в их составе. ЛСГ глаголов «Совершение определенных поступков» в китайском языке характеризуются средней степенью, а в русском языке эти ЛСГ – низкой степенью. ЛСГ существительных «Действие, характеризующееся эмоциями» в китайском языке относятся к зоне ЛСГ слов с низкой степенью представленности в них антонимов, а в русском языке они относятся к зоне ЛСГ слов с непредставленностью антонимов.

Проведенное исследование позволяет сделать выводы о том, что доброта и злоба репрезентируются в китайском языке богаче, чем в русском, при этом злоба в целом отображается более содержательно, чем доброта в обоих языках, антонимические оппозиции в данном поле представлены в китайском языке богаче, чем в русском.

К перспективным направлениям исследований в области языковой картины мира относится и дальнейшее изучение языковой концептуализации и категоризации эмоций. Важным с теоретической и практической позиций представляется создание двуязычного идеографического словаря, а также китайско-русского идеографического словаря антонимов. Базой данных для них могут послужить списки лексико-семантических групп слов одной части речи и выделенных в них антонимов, составленные в процессе данного исследования.

Вышеуказанные и ряд других проблем убеждают в необходимости дальнейших исследований отображения противоположных эмоций в национальной языковой картине мира и определяют их перспективу.

Список сокращений и терминов

ЛСВ – лексико-семантический вариант

ДС – дифференциальная сема

КЛС – категориально-лексическая сема

ЛСГ – лексико-семантическая группа

СП – семантическое поле

Терминологический тезаурус

ИНТЕГРАТИВНОЕ СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ: множество слов одной денотативной отнесенности, формирующееся на основе антонимической оппозиции и характеризующееся наличием двух параллельных, и одновременно, противоположных ядра, вследствие чего в таком поле объединяются два противопоставленных подполя и соответственно, выделяются антонимически соотносительные лексико-семантические группы одной части речи и лексические оппозиции.

ИНТЕГРАТИВНО-ОППОЗИТИВНЫЙ КЛАСС: множество слов одной части речи в интегративном семантическом поле, объединенных общими противоположными семантическими компонентами, которые указывают на противоположность между двумя группами, составляющими антонимические оппозиции.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС: совокупность разновидностей семантических компонентов в семной структуре слов, относящихся к одной и той же лексико-семантической группе.

СЕМНАЯ СТРУКТУРА: многокомпонентный состав значения слова, в котором иерархически упорядочены семы разного уровня абстракции в аспекте уточняющей дифференциации: категориально-грамматическая сема, категориально-лексическая сема и дифференциальная сема.

СЕМА: наименьший составной компонент значения слова, соответствующий определенному отличительному признаку обозначаемого словом предмета или понятия.

Список использованной литературы

1. Абрамян Л.А. Значение как категория семиотики / Л.А. Абрамян // Вопросы философии. – Москва, 1965. – Вып. 1. – С. 56–66.
2. Адмони В.Г. Основы теории грамматики / В.Г. Адмони. – Москва: Наука, 1964. – 106 с.
3. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке / Н. Ф. Алефиренко. – Москва: Флинта, Наука, 2005. – 412 с.
4. Антомонов А.Ю. Исследование структурной организации лексико-семантического поля: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Антомонов Алексей Юрьевич. – Киев, 1987. – 16 с.
5. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – Москва: Наука, 1974. – 366 с.
6. Апресян Ю.Д. Избранные труды, том I. Лексическая семантика / Ю.Д. Апресян. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995а. – 472 с.
7. Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография: Избранные труды / Ю.Д. Апресян. – Москва: Восточная литература, 1995b. – 769 с.
8. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – Москва: Наука, 1995 с. – № 1. – С. 37–67.
9. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 1: Метафизика / Аристотель. – Москва: Мысль, 1975. – 550 с.
10. Арнольд И.В. Потенциальные и скрытые семы и их актуализация в английском художественном тексте / И.В. Арнольд // Иностранные языки в школе. – Москва, 1979. – № 6. – С. 10–17.
11. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка: (Стилистика декодирования) / И.В. Арнольд. – 2-е изд., перераб. – Ленинград: Просвещение: Ленингр. отд-ние, 1981. – 295 с.

12. Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике / И.В. Арнольд. – Москва: Высшая школа, 1991. – 140 с.
13. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – Москва: Едиториал УРСС, 2004. – 576 с.
14. Бабенко Л.Г. Лексико-семантическое пространство русского глагола / Л.Г. Бабенко // Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм: Памяти Эры Васильевны Кузнецовой / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. – С. 30–45.
15. Бабенко Л.Г. Репрезентация отношений противоположности в русском языке: проблемы категоризации и лексикографической параметризации / Л.Г. Бабенко // Когнитивные исследования языка / под ред. Н.Н. Болдырев. – Москва, Тамбов, Тюмень, 2016. – С. 37–41.
16. Барсук Л.В. Психолингвистическое исследование особенностей идентификации значений широкозначных слов (на материале существительных): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Барсук Людмила Владимировна. – Саратов, 1991. – 16 с.
17. Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. – Москва: Междунар. отношения, 1975. – 239 с.
18. Батуева А. А. Мифологема добра и зла в индоевропейских языках: дис. ... канд. филол. наук / А. А. Батуева; Воен. ун-т. – Москва, 2008. – 178 с.
19. Боева Н. Б. Грамматическая антонимия / Н. Б. Боева. – Москва: Готика, 2000. – 159 с.
20. Бондарко А.В. О взаимодействии языковых уровней в рамках функционально-семантической категории / А.В. Бондарко // Уровни языка и их взаимодействие: Тезисы науч. конференции (4–7 апр. 1967 г.). – Москва, 1967. – С. 185–217.
21. Бондарко А.В. К теории поля в грамматике – залог и залоговость (на материале русского языка) / А.В. Бондарко // Вопросы языкознания. – Москва, 1972. – № 3. – С. 20–35.
22. Брунер Дж. Психология познания: За пределами непосредственной

- информации : пер. с англ. / Дж. Брунер. – Москва: Прогресс, 1977. – 412 с.
23. Булаховский Л.А. Введение в языкознание / Л.А. Булаховский. – Москва: Учедгиз, 1954. – 177 с.
 24. Васильев Л.М. Теория семантических полей / Л.М. Васильев // Вопросы языкознания. – Москва: Наука, 1971. – № 5. – С. 105–113.
 25. Васильев Л.М. Семантика русского языка / Л.М. Васильев. – Москва: Высшая школа, 1981. – 184 с.
 26. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика / Л.М. Васильев. – Москва: Высшая школа, 1990. – 175 с.
 27. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика / Л.М. Васильев. – 2-е изд., доп. – Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 192 с.
 28. Введенская Л.А. Приложения / Л.А. Введенская // Словарь антонимов русского языка. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – С. 413–537.
 29. Вежбецкая А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбецкая. – Москва: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
 30. Вейнрейх У. О семантической структуре языка / У. Вейнрейх // Новое в лингвистике. – Москва: Прогресс, 1970. – Вып. 5. – С. 163–249.
 31. Верещагин Е.М. Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – Москва: Русский язык, 1980. – 320 с.
 32. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса / М.В. Всеволодова. – Москва: Изд-во Московского университета, 2000. – 502 с.
 33. Всеволодова М.В. К вопросу о методологии и методах лингвистического анализа (на примере пространственных, временных и причинных отношений) / М.В. Всеволодова // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2005. – № 3. – С. 51–78.
 34. Выготский Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. – Москва: Лабиринт, 1982. – 372 с.
 35. Гак В.Г. К проблеме гносеологических аспектов семантики слова / В.Г. Гак // Вопросы описания лексико-семантической структуры языка (тезисы доклада). – Москва: Изд-во Моск. гос. пед. ин-т. иностр. яз. им. М. Тореза, 1971. – Ч. 1.

– С. 95–98.

36. Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики / В.Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики. – Москва, 1972. – С.367–395.
37. Гак В.Г. Высказывание и ситуация / В.Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики 1972. – Москва: Наука, 1973. – С. 349–372.
38. Гагарина Н.Н. Композиты с начальным благо- и зло- в «Сказка» М.Е. Салтыкова-Щедрина: сопоставительная характеристика [Электронный ресурс] / Н.Н. Гагарина. – Режим доступа: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tguwww.woa/wa/Main?textid=2063&level1=main&level2=articles> / (дата обращения: 11.10. 2017).
39. Гальперин П.Я. К вопросу о внутренней речи / П.Я. Гальперин // Доклады АПН РСФСР. – Москва: Изд-во АПН РСФСР, 1957. – № 4. – С.55–60.
40. Герасименко И.Е. Коннотативная семантика единиц языка в аспекте гендерной лингвистики: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / И.Е. Герасименко; Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. – Москва, 2009. – 47 с.
41. Глезерман Т.Б. Психофизиологические основы нарушения мышления при афазии. Афазия и интеллект / Т.Б. Глезерман. – Москва: Наука, 1986. – 230 с.
42. Головин Б.Н. Лексическое значение и его типы / Б.Н. Головин // Введение в языкознание: учебное пособие для вузов. – 2-е изд., испр. – Москва: Высшая школа, 1973. – С. 75–80.
43. Головин Б.Н. Проблема значения языкового знака / Ф.М. Березин, Б.Н. Головин // Общее языкознание: учебное пособие для вузов. – Москва: Высшая школа, 1979. – С. 122–141.
44. Головин Б.Н. Лингвистические основы учения о терминах: учебное пособие для филол. спец. вузов / Б.Н. Головин, Р.Ю. Кобрин. – Москва: Высшая школа, 1987. – 103 с.
45. Греймас А.Ж. Структурная семантика. Поиск метода / А.Ж. Грейсам. – Москва: Акад. Проект, 2004. – 367 с.
46. Гулыга Е.В. О компонентном анализе значимых единиц языка / Е.В. Гулыга,

- Е.И. Шендельс // Принципы и методы семантических исследований. – Москва, 1976. – С.291–314.
47. Дешериева Т.И. Лингвистический аспект категории времени в его отношении к физическому и философскому аспектам / Т.И. Дешериева // Вопросы языкознания. – Москва: Наука, 1975. – № 2. – С.111–117.
 48. Дмитриева Н.В. Роль признака в выборе эталона сравнения (на материале адъективных сравнений английского и русского языков): дис. ...канд. филол. наук / Н.В. Дмитриева; Тверской гос. ун-т. – Тверь, 2000. – 185 с.
 49. Долгих Н.Г. Теория семантического поля на современном этапе развития семасиологии / Н.Г. Долгих // Филологические науки. – 1973. – № 1. – С. 89–98.
 50. Долгих Н.Г. О трех направлениях в разработке метода компонентного анализа применительно к лексическому материалу / Н.Г. Долгих // Филол. науки. – 1974. – № 2. С. 104–110.
 51. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка / Л. Ельмслев // Новое в лингвистике. – Москва, 1960. – Вып. 1. – С. 215–262.
 52. Загоровская О.В. Еще раз о структуре значения словесного знака / О.В. Загоровская // Теоретические проблемы современного языкознания / под ред. И.А. Стернина и М.А. Стерниной. – Воронеж: Истоки, 2009. – С. 24–32.
 53. Залевская А.А. Вопросы организации лексикона человека в лингвистических и психолингвистических исследованиях / А.А. Залевская. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1978. – 88 с.
 54. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: психолингвистические исследования / А.А. Залевская. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. – 204 с.
 55. Залевская А.А. Значение слова через призму эксперимента: монография / А.А. Залевская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. – 240 с.
 56. Звегинцев В.А. Семасиология / В.А. Звегинцев. – Москва: Изд-во Московского ун-та, 1957. – 322 с.
 57. Караулов Ю.Н. Структура лексико-семантического поля / Ю.Н. Караулов //

- Филологические науки. – 1972. – № 1. – С. 57–68.
58. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке / Э. Кассирер. – Москва: Гардарики, 1998. – 771 с.
59. Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть / Ю.Н. Караулов. – Москва: ИРЯ РАН, 1999. – 180 с.
60. Кармин А.С. Культурология / А.С. Кармин. – Москва: Лань, 2009. – 928 с.
61. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика / И.М. Кобозева. – Москва: Эдиториал УРСС, 2000. – 350 с.
62. Кодухов В.И. Лексико-семантические группы слов / В.И. Кодухов. – Ленинград, 1955. – 28 с.
63. Колесников Н.П. Об антонимах в русском языке / Н.П. Колесников // Словарь антонимов русского языка. Под ред. Н. М. Шанского. – Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1972. – С. 3–6.
64. Комиссаров В.Н. О выделении компонентов в плане содержания слова / В.Н. Комиссаров // Иностранные языки в школе. – Москва, 1972. – № 7. – С. 1–8.
65. Комиссаров В.Н. Проблема определения антонима: О соотношении логического и языкового в семасиологии / В.Н. Комиссаров // Вопросы языкознания. – 1957. – № 2. – С. 49–58.
66. Копыленко М.М. Очерки по общей фразеологии: проблемы, методы, опыты / М.М. Копыленко. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1978. – 143 с.
67. Косовский Б.И. Типы значений слова / Б.И. Косовский // Методы изучения лексики / под ред. А. Е. Супруна. – Минск: Изд-во БГУ, 1975. – С. 22–38.
68. Кравец А.С. Топологическая структура смысла / А.С. Кравец // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Науч. изд. / под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. – С. 20–33.
69. Кодухов В.И. Введение в языкознание: учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Просвещение, 1987. – 288 с.
70. Кузнецов А.М. От компонентного анализа к компонентному синтезу / А.М. Кузнецов. – Москва: Наука, 1986. – 125 с.

71. Кузнецова А.И. Понятие семантической системы языка и методы ее исследования / А.И. Кузнецова. – Москва: Издательство Московского университета, 1963. – 60 с.
72. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка: Учеб. пособие для филол. фак. ун-тов / Кузнецова Э.В. – Москва: Высшая школа, 1982. – 152 с.
73. Кусова М.Л. “Смысл” отрицания в лексической семантике / М.Л. Кусова. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1997. – 184 с.
74. Кусова М.Л. Репрезентация отрицания в семантике лексических и фразеологических единиц: Идеографический, ономазиологический, концептуальный анализ: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Кусова Маргарита Львовна. – Екатеринбург, 1998. – 37 с.
75. Левицкий В.В. Экспериментальные методы в семасиологии / В.В. Левицкий, И.А. Стернин // Вестник БДУ, Сер. IV. – №2. – 1990. – С. 16–17.
76. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания / А.А. Леонтьев. – Москва: Наука, 1969. – 307 с.
77. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики / А.Н. Леонтьев. – 3-е изд. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 573 с.
78. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – 2-е изд. – Москва, 1977. – 304 с.
79. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении: пер. с англ. А.Н. Савина / Дж. Локк // Избранные философские произведения в двух томах. Том. I. – Москва, 1960. – С. 153–162.
80. Лурия А.Р. Язык и сознание / А.Р. Лурия. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1998. – 335 с.
81. Маклакова Е.А. Национальная специфика семантики наименований лиц (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Маклакова; ВГУ. – Воронеж, 2006. – 212 с.
82. Маклакова Е.А. Толкование значений слов на основе результатов психолингвистического эксперимента / Е.А. Маклакова // Лингвоконцептология и психолингвистика: межвузовский сборник научных

- трудов / научный ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2011. – Вып. 4. – С. 122–133.
83. Маклакова Е.А. Теоретические принципы семной семасиологии и лексикографическое описание языковых единиц (на материале русского и английского языков): дис. ... д-ра филол. наук / Е.А. Маклакова; ВГУ. – Воронеж, 2013. – 367 с.
 84. Маленкова А.А. Система обозначений добра и зла в русском языке: структурно-смысловой анализ семантического поля: дис. ... канд. филол. Наук / А.А. Маленкова; Рос. ун-т дружбы народов. – Москва, 2004. – 197 с.
 85. Мельчук И.А. Строение языковых знаков и возможные формально-смысловые отношения между ними / И.А. Мельчук // Известия АН СССР. Серия Литературы и Языка. – Москва: Наука, 1968. – Том XXVII, вып. 5. – С. 426–438.
 86. Миллер Е.Н. Антонимия номинативных единиц в современном немецком языке: Учеб. Пособие к спецкурсу / Е.Н. Миллер. – Куйбышев: КГПИ, 1985. – 90 с.
 87. Миллер Е.Н. Природа лексической и фразеологической антонимии / Е.Н. Миллер. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1990. – 221 с.
 88. Михайлова О.А. Ограничения в лексической семантике / О.А. Михайлова. – Екатеринбург, 1998. – 240 с.
 89. Москович В.А. Семантическое поле цветообозначений: Опыт типологического исследования семантического поля: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Москович Вольф Абрамович. – Москва, 1965. – 18 с.
 90. Найда Ю.А. Наука перевода / Ю.А. Найда // Вопросы языкознания. – Москва: Наука, 1970. – № 4. – С. 31–37.
 91. Новиков Л.А. Антонимия в русском языке: Семантический анализ противоположности в лексике / Л.А. Новиков. – Москва: Издательство МГУ, 1973. – 289 с.
 92. Никитин М.В. Лексическое значение в слове и словосочетании / М.В. Никитин. – Владимир: Владимир. гос. пед. ин-т им. Лебедева-Полянского, 1974. – 475 с.

93. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения / М.В. Никитин. – Москва: Высшая школа, 1988. – 168 с.
94. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения: Учеб. Пособие / М.В. Никитин. – 2-е изд. – Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 168 с.
95. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация / А.И. Новиков. – Москва: Наука, 1983. – 215 с.
96. Новиков Л.А. Семантика русского языка / Л.А. Новиков. – Москва: Высшая школа, 1982. – 272 с.
97. Новиков Л.А. Эскиз семантического поля / Л.А. Новиков // Вестник РУДН, серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2011. – № 2. – С. 7–17.
98. Овчинникова А.Г. Ассоциации и высказывание: структура и семантика / А.Г. Овчинникова. – Пермь: Изд-во ПГУ, 1994. – 398 с.
99. Павиленис Р.И. Логико-методологические проблемы анализа языка: семантика и прагматика / Р.И. Павиленис // Вопросы философии. – Москва: Наука, 1982. – № 11. – С. 82–91.
100. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики / Е.В. Падучева. – Москва: Языки славян. культуры, 2004. – 608 с.
101. Пелевина Н.Ф. Теория значения и опыт построения семантических полей (Значение света и цвета): автореф. дис. ... д-ра. филол. наук / Пелевина Нина Федоровна. – Ленинград, 1971. – 32 с.
102. Петренко В.Ф. Психосемантический анализ динамики общественного сознания : на материале полит. менталитета / В.Ф. Петренко, О.В. Митина. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1997. – 212 с.
103. Покровский М.М. Семасиологические исследования в области древних языков / М.М. Покровский. – 2-е изд. – Москва: ООО Ленанд, 2006. – 128 с.
104. Попова З.Д. Лексическая система языка / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1984. – 147 с.
105. Попова З.Д. Лексическая система языка / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – 2-е изд., доп и испр. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2007. – 172 с.

106. Попова З.Д. Семемный и семный анализ как методы семасиологии / З.Д. Попова, И.А. Стернин // Язык и национальное сознание. – Вып. 12. – Воронеж: Истоки, 2009. – С. 4–9.
107. Попова З.Д. Лексическая система языка / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – 3-е изд. – Москва: USSR, Книжный дом «Либрокон», 2011. – 172 с.
108. Порциг В. Членение индоевропейской языковой области / В. Порциг. – 2-е изд., испр. – Москва: Эдиториал УРСС, 2003. – 332 с.
109. Потебня А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. – Киев: СИНТО, 1993. – 225 с.
110. Реформатский А.А. Введение в языкознание: учеб. уля филол. специальностей высш. пед. учеб. заведений / Реформатский А.А. – Москва: Аспект-пресс, 1996. – 536 с.
111. Рудакова А.В. Психоллингвистическое значение и его описание: Теоретические проблемы / А.В. Рудакова, И.А. Стернин. – Саарбрюккен: Ламберт, 2011. – 192 с.
112. Саломатина М.С. Семантический анализ слова в контексте / М.С. Саломатина, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2011. – 150 с.
113. Сабурова Н.А. Структура фразео-семантического поля пространства / Н.А. Сабурова // Филологические науки. – 2002. – № 2. – С. 81–88.
114. Сахарный Л.В. Структура значения слова и ситуация (к экспериментальному обоснованию психоллингвистической теории значения слова) / Л.В. Сахарный // Материалы IV Всесоюзного симпозиума по психоллингвистике и теории коммуникации / Ин-т языкознания. АН СССР. – Москва, 1972. – С. 141–153.
115. Селиверстова О.Н. Обзор семантических работ по компонентному анализу / О.Н. Селиверстова // Филологические науки. – Москва, 1967. – Вып. 5. – С. 125–132.
116. Селиверстова О.Н. Труды по семантике / О.Н. Селиверстова. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 960 с.
117. Сентенберг И.В. Лексическая семантика английского глагола / И.В. Сентенберг. – Москва: МГПИ, 1984. – 96 с.

118. Сеше А. Программа и методы теоретической лингвистики. Психология языка. пер. с фр. С.А. Бурляй и Д.В. Сичиной / А. Сеше. – Москва: УРСС, 2003. – 262 с.
119. Скаличка В. О грамматике венгерского языка / В. Скаличка // В кн.: Пражский лингвистический кружок. – Москва: Прогресс, 1967. – С. 256–267.
120. Смирницкий А.И. Лексическое и грамматическое в слове / А.И. Смирницкий // Введение в языкознание. Хрестоматия / под ред. А. Супруна. – Минск: Вышэйшая школа, 1977. – С. 205–209.
121. Соколова Н.Л. К проблеме определения и классификации антонимов и их стилистического использования / Н.Л. Соколова // Науч. докл. высш. школы филологической науки. – 1977. – № 6. – С. 60–70.
122. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование / В.М. Солнцев. – Москва: Наука, 1971. – 292 с.
123. Соссюр Ф.де. Труды по языкознанию / Ф.де. Соссюр. – Москва: Прогресс, 1977. – 696 с.
124. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики / Ю.С. Степанов. – Москва: Наука, 1975а. – 311 с.
125. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания / Ю.С. Степанов. – Москва: Просвещение, 1975b. – 271 с.
126. Степанов Ю.С. Номинация, семантика, семиология / Ю.С. Степанов // Языковая номинация (общие вопросы). – Москва: Наука, 1977. – С. 295–358.
127. Степанова М.Д. Вопросы компонентного анализа в лексике / М.Д. Степанова // Иностранные языки в школе – Москва, 1966. – № 5. – С. 23–28.
128. Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова / И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1979. – 156 с.
129. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи / И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 253 с.
130. Стернин И.А. Межъязыковые лексические соответствия и методика контрастивного анализа / И.А. Стернин // Функциональные и семантические

- корреляции языковых единиц. – Киев: Киев. гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко, 1990. – С. 10–11.
131. Стернин И.А. Значение слова и его компоненты / И.А. Стернин. – Воронеж, 2003. – 254 с.
 132. Стернин И.А. Контрастивная лингвистика: проблемы теории и методики исследования / И.А. Стернин. – Москва: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 282 с.
 133. Стернин И.А. Семантический анализ слова в контексте / И.А. Стернин, М.С. Саломатина. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2011. – 150 с.
 134. Стернин И.А. Проблема неединственности метаязыкового описания ментальных единиц в лингвистике / И.А. Стернин // Лингвоконцептология и психолингвистика / научный ред. И.А. Стернин. – Вып. 5. – Воронеж: Истоки, 2012. – С. 8–17.
 135. Тоан Х.В. Реализация концепта положительной оценки (слова *добрый, добро*) в русском языке: дис. ... канд. филол. наук / Тоан Хоанг Ван; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. – Москва, 2008. – 180 с.
 136. Толстой Н.И. Избранные труды, том I. Славянская лексикология и семасиология / Н.И. Толстой. – Москва: Языки русской культуры, 1997. – 520 с.
 137. Томсон А.И. К синтаксису и семасиологии русского языка / А.И. Томсон. – Одесса: Экон. тип., 1903. – 84 с.
 138. Торопцев И.С. Предмет, задачи, материал и методы ономасиологии / И.С. Торопцев // Научные труды Курск. пед. ин-та. – Курск, 1974. – Т. 21. – С. 3–71.
 139. Торопцев И.С. Исходные моменты лексической объективации / И.С. Торопцев // Проблемы ономасиологии. – Курск, 1975. – Т. 46. – Вып. 2. – С. 3–88.
 140. Трубачев О.Н. Реконструкция слов и их значений / О.Н. Трубачев // Вопросы языкознания. – Москва: Наука, 1980. – № 3. – С. 3–14.
 141. Турбина О.А. Фреймы *добро* и *зло* в текстовой матрице романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» / О.А. Турбина // Вестник ЮУрГУ.

Серия «Лингвистика». – 2019. – Т. 16, № 2. – С. 17–26.

142. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка / А.А. Уфимцева. – Москва: Наука, 1968. – 272 с.
143. Уфимцева А.А. Лексическое значение: Принцип семасиологического описания лексики / А.А. Уфимцева. – Москва: Наука, 1986. – 240 с.
144. Уфимцева А.А. Лексика как фактор формирования языковой картины мира / А.А. Уфимцева // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – Москва, 1988а. – С. 122–136.
145. Уфимцева А.А. Роль лексики в познании человеком действительности и формировании языковой картины мира / А.А. Уфимцева // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – Москва: Наука, 1988b. – С. 108–140.
146. Федосов Ю.В. Принципы построения идеографического антонимо-синонимического словаря: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Ю.В. Федосов. – Волгоград, 2002. – 40 с.
147. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов / Ф.П. Филин // Языковедческие исследования в честь на акад. Стефан Младенов. – София, 1957. – С. 523–538.
148. Цуй Янь. Репрезентация отношений противоположности в структуре интегративного семантического поля ДОБРОТА ↔ ЗЛОБА (на материале русского и китайского языков) / Цуй Янь, Л. Г. Бабенко // Теоретическая семантика и идеографическая лексикография: Словарь. Дискурс. Корпус: материалы расш. засед. (Всерос. с междунар. участием) науч. Семинара проблем. Группы «Русский глагол». – Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2019. – С. 311–319.
149. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка / Н.М. Шанский. – 3-е изд., перераб. – Москва: Изд-во ЛКИ, 2007. – 304 с.
150. Шариков С.Г. Семантические универсалии в лексике / С.Г. Шариков. – Уфа: БГУ, 1996. – 196 с.
151. Шаховский В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания / В.И. Шаховский. – Волгоград: Изд-во ВГПИ, 1983. – 96 с.

152. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография / В.И. Шаховский. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1987. – 192 с.
153. Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка / Д.Н. Шмелев. – Москва: Просвещение, 1964. – 244 с.
154. Шмелев Д.Н. Семантические признаки слов / Д.Н. Шмелев // Русский язык в национальной школе. – Москва: Современное образование, 1968. – № 5. – С. 15–21.
155. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка) / Д.Н. Шмелев. – Москва: Наука, 1973. – 279 с.
156. Шмелев Д.Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке / Д.Н. Шмелев. – Москва: Наука, 1976. – 148 с.
157. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д.Н. Шмелев. – 2-е изд., стереотип. – Москва: КомКнига, 2006. – 336 с.
158. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии / Л.В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Москва: Наука, 1974. – 428 с.
159. Щур Г.С. О соотношении системы и поля в языке / Г.С. Щур // Проблемы языкознания: доклады и сообщения советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов, 28 августа–2 сентября 1967 г., Бухарест. – Москва: Наука, 1967. – С. 66–70.
160. Щур Г.С. Теории поля в лингвистике / Г.С. Щур. – Москва: Наука, 1974. – 255с.
161. Эпштейн М.Н. Добро и зло в зеркале русского языка / М.Н. Эпштейн // Континент. – 2007. – № 132. – С. 369–382.
162. Arnold I.V. The English World / I.V. Arnold. – Moscow: High School, 1986. – 295 p.
163. Goodenough W.H. Componential Analysis and the Study of Meaning / W.H. Goodenough. – Language, 1956. – Vol. 32. – P. 195–216.
164. Ipsen G. The old Orient and the Indo-Europeans / G. Ipsen // Status and tasks of linguistics / Festschrift for W. Streiberg. – Heidelberg: Winter, 1924. – P. 200–237.
165. Katz. J.J., Fodor J.A. The structure of semantic theory / J.J. Katz, J.A. Fodor //

- Language. – Baltimore, 1963. – Vol.39. – P. 170–210.
166. Katz. J.J., Fodor J.A. Interpretative semantics and generative semantics / J.J. Katz, J.A. Fodor // Foundations of language. –1970. – P. 220–259.
167. Meyer R.M. Semantic system / R.M. Meyer. – Vandenhoeck Ruprecht, 1910. – 434 c.
168. Miller G.A. Empirical methods of the study of semantics / G.A. Miller // Semanticas. – Cambridge, 1971.
169. Porzig W.W. Substantial meanings / W.W. Porzig // Contributions to the history of the German language and literature – 1934. – P. 70–97.
170. Trier J. The German vocabulary in the mind of Srim / J. Trier – Heidelberg: Winter, 1931. – 347 p.
171. Weisgerber L. Basic principles of meaningful grammar / L. Weisgerber. – Duesseldorf, 1962.

Список использованных словарей и справочников

1. Большой русско-китайский словарь / З.И. Баранова, А.В. Котов. – Москва: Живой язык, 2003. – 567 с.
2. Большой русско-китайский словарь: 250 000 слов, словосочетаний и значений / О.В. Левина. – Москва: Дом славянской книги, 2010. – 640 с.
3. Большой словарь синонимов и антонимов русского языка / сост. Н.И. Шильнова. – Москва: Дом Славянской книги, 2010. – 894 с.
4. БТСРГ – Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / под ред. Л.Г. Бабенко. – Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. – 576 с.
5. БТСРС – Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. – Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. – 864 с.
6. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – Санкт-Петербург: Норинт. 2018. – 1534 с.
7. Идеографический словарь русского языка / О.С. Баранов. – Москва: Прометей, 1992. – 1248 с.
8. Идеографические словари / В.В. Морковкин. – Москва: Издательство Московского университета, 1970. – 69 с.
9. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – Москва: Сов. энцикл., 1990. – 682 с.
10. СТПРЯ – Словарь-тезаурус прилагательных русского языка / под ред. Л.Г. Бабенко. – Екатеринбург: Из-во Урал. ун-та, 2012. – 835 с.
11. Словарь синонимов и антонимов современного русского языка / А.С. Гаврилова. – Москва: Аделант, 2014. – 511 с.
12. ССРЯ – Современный словарь русского языка три в одном: орфографический, словообразовательный, морфемный / под ред. Т. Ф. Ефремовой. – Москва: АСТ, 2010. – 699 с.

13. Толковый словарь антонимов русского языков / М.Р. Львов. – Москва: АСТ-ПРЕСС Школа, 2018. – 512 с.
14. ТСРЯ – Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – Москва: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2000. – 1499 с.
15. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – Москва: ООО «ИТИ Технологии», 2008.
16. Русский семантический словарь: опыт автоматического построения тезауруса: от понятия к слову / Ю.Н. Караулов, В.И. Молчанов, В.А. Афанасьев, Н.В. Михалев. – Москва: Наука. 1982. – 566 с.
17. 龚学胜. 现代汉语大词典. 北京: 商务印书馆. 2015 年. 2012 页. (Гун Сюешэн. Большой словарь современного китайского языка / Гун Сюешэн. – Пекин: Коммерческое издательство, 2015. – 2012 с.)
18. 韩作黎. 新华词典. 北京: 商务印书馆. 2013 年. 1390 页. (Хань Цзоли. Синьхуа Словарь / Хань Цзоли. – Пекин: Коммерческое издательство, 2013. – 1390 с.)
19. 林仲湘. 现代汉语词典. 北京: 外语教学与研究出版社. 2013 年. 860 页. (Линь Чжунсян. Словарь современного китайского языка / Линь Чжунсян. – Пекин: Издательство преподавания и исследования иностранных языков. 2013. – 860 с.)
20. 吕叔湘, 丁声树. 现代汉语词典. 北京: 商务印书馆. 2017 年. 1800 页. (Люй Шусян, Дин Шэншу. Словарь современного китайского языка / Люй Шусян, Дин Шэншу. – Пекин: Коммерческое издательство, 2017. – 1800 с.)
21. 罗竹风. 汉语大词典. 上海: 上海辞书出版社. 2011 年. (Ло Чжүфэн. Большой словарь китайского языка / Ло Чжүфэн. – Шанхай: Шанхайское лексикографическое издательство, 2011.)
22. 沈凤威, 南致善, 李一凡, 黄长霈. 简明俄汉词典. 北京: 商务印书馆. 1965 年. 1156 页. (Краткий русско-китайский словарь / Шэнь Фэнвэй, Нань Чжишань, Ли Ифань, Хуан Чанпей. – Пекин: Коммерческое издательство, 1965. – 1156 с.)

23. 张建华. 现代俄汉词典. 北京: 外语教学与研究出版社. 1998 年. 405 页. (Чжан Цзяньхуа. Новый русско-китайский словарь / Чжан Цзяньхуа. – Пекин: Издательство преподавания и исследования иностранных языков, 1998. – 405 с.)
24. 张庆云. 汉语反义词词典. 山东: 齐鲁书社. 1986 年. 748 页. (Чжан Цинюнь. Словарь антонимов китайского языка / Чжан Цинюнь. – Шаньдун: Издательство Ци Лу, 1986. – 748 с.)
25. 张庆云, 张志毅. 反义词词林. 上海: 上海辞书出版社. 2000 年. 526 页. (Чжан Цинюнь, Чжан Чжии. Собрание антонимов / Чжан Цинюнь, Чжан Чжии. – Шанхай: Шанхайское лексикографическое издательство, 2000. – 526 с.)
26. 张庆云, 张志毅. 反义词大词典. 上海: 上海辞书出版社. 2009 年. 1342 页. (Чжан Цинюнь, Чжан Чжии. Большой словарь антонимов / Чжан Цинюнь, Чжан Чжии. – Шанхай: Шанхайское лексикографическое издательство, 2009. – 1342 с.)
27. 朱景松. 现代汉语反义词词典. 北京: 语文出版社. 2014 年. 736 页. (Чжу Цзинсун. Словарь антонимов современного китайского языка / Чжу Цзинсун. – Пекин: Издательство Язык, 2014. – 736 с.)

Приложение 1 Список китайских лексических единиц, репрезентирующих доброту и злобу

КИТАЙСКАЯ ЛЕКСИКА ДОБРОТЫ

КЛАСС СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

ЛСГ «Человек как носитель доброты» (21 слово)

好心人 *‘добрый человек’* (善主)

善类 *‘добрые люди’* (часто употребляется с отрицательной частицей ‘не’ в отрицательном предложении)

好人 *‘добрый, честный и справедливый человек’*

善士 *‘добрый, честный, справедливый, великодушный и бесхитростный человек’*

仁人志士 *‘добрый, великодушный, любящий, отзывчивый, честный, моральный и справедливый человек’*

良人 *‘добрый, великодушный, бесхитростный и преданный человек’*

贤良 *‘добродетельный и мудрый человек’*

忠良 *‘добродетельный, мудрый и крайне преданный человек’*

闺秀 *‘добрая, великодушная, кроткая, добродетельная и талантливая женщина’*

善人 *‘добрый, сострадательный человек, который часто совершает добро’*

善心人士 *‘человек, склонный к отзывчивости, который с радостью помочь другим’*

仁人君子 *‘добродетельный и великодушный человек, который охотно и активно помогает другим’*

菩萨 *‘добрый, сострадательный человек, отличающийся большим человеколюбием, охотно совершающий добро и с радостью помогающий бедным деньгами и имуществом (почтительная форма обращения)’*

活菩萨 *‘человек с добрым и отзывчивым сердцем, способный выручать бедных и пострадавших из трудных обстоятельств’*

慈善家 благотворитель *‘человек, который занимается благотворительной*

деятельностью, страстно и активно помогает несчастным’

救世主 ‘человек, который помогает народу выйти из трудных обстоятельств (почтительная форма обращения)’

救星 ‘человек, который помогает другим выйти из трудных обстоятельств (почтительная форма обращения)’

孝子贤孙 почтительные и добродетельные потомки ‘потомки с добрым поведением, способные содержать родителей и ухаживать за старшими родственниками, тщательно и строго соблюдать нормы сыновней почтительности’

孝女 ‘дочь, способная содержать родителей и ухаживать за ними, тщательно и строго соблюдать нормы сыновней почтительности’

孝子 ‘сын, способный содержать родителей и ухаживать за ними, тщательно и строго соблюдать нормы сыновней почтительности’

ЛСГ «Доброта как качество характера» (14)

良心 ‘доброе сердце’

贤德 ‘доброе качество человека’

天良 ‘от природы доброе, сострадательное сердце’

至性 ‘от природы доброе, честное и искреннее качество характера’

懿德 ‘совокупность кротости, добродетельности и доброты как качество характера женщины’

阴德 ‘доброе качество и поведение, не обнаруженное людьми’

善 心 доброта ‘доброе сердце, заключающееся в отзывчивости, в сострадательном отношении к кому-либо’ (婆心)

慈 悲 милосердие ‘доброе сердце, отличающееся отзывчивостью, сострадательным отношением к кому-либо’ (慈心)

菩萨心肠 милосердное сердце ‘качество характера, проявляющееся в великодушии, отзывчивости’

仁义 гуманность и справедливость ‘качество характера, заключающееся в

доброте, великодушии, отзывчивости, справедливости, в любящем отношении к кому-либо'

热心肠 'качество характера, проявляющееся в готовности активно, охотно, радостно помочь другим' (热肠)

ЛСГ «Действие, характеризующееся добротой» (10)

懿行 'добрый и прекрасный поступок'

善事 'доброе дело' (好事)

善行 'добрый поведение'

善举 'благотворительный поступок'

慈善事业 благотворительность 'деятельность по оказанию материальной помощи несчастным из милосердия'

善款 'денежные средства, собранные для благотворительности'

义唱 благотворительная спектакль 'спектакль, устроенная с целью собрать средства на благотворительность'

善堂 благотворительная организация 'специализированная организация, созданная с целью заниматься благотворительной деятельностью'

孝行 'поведение, заключающееся в усердном уходе за родителями и старшими родственниками и содержании их'

Подгруппа «Воздействие добра» (2)

善果 'хорошее воздаяние за прежние добрые поступки' (善报)

ЛСГ «Доброе отношение к окружающим» (7)

善意 'добрые намерения'

好意 'доброе и хорошее пожелание'

假仁假义 'притворные добрые намерения'

慈爱 'доброе, великодушное, заботливое и отзывчивое отношение старшего поколения к младшему'

好脸 'доброжелательное, дружелюбное и кроткое отношение к кому-либо'

睦谊 'дружба, основывающаяся на доброжелательном, дружелюбном и близком

отношении’

孝心 ‘почтительное отношение к родителям и старшим родственникам, проявляющееся в склонности содержать и ухаживать за ними’

Подгруппа «Речь, характеризующаяся добротой» (4)

良心话 ‘речь, которая соответствует этическим нормам справедливости и добра’

好言好语 ‘слова, речь, выражающие доброжелательность, дружелюбие и кротость’

善言 ‘добрые и полезные слова’ (昌言)

Подгруппа «Доброе выражение лица» (1)

慈眉善目 ‘доброе выражение лица, выражающее приветливость, кротость, великодушие и любовь’

КЛАСС ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

ЛСГ «Характеризующий качество характера ‘доброта’» (26)

纯洁 целомудренный ‘не имеющий злых замыслов и поступков’

善良 добрый ‘имеющий порядочное и целомудренное качество’

至善 ‘крайне добрый’

伪善 ‘притворяющийся добротой’

慈善 (добрый и отзывчивый) ‘имеющий доброе качество, склонный к отзывчивости’ = 大慈大悲

仁慈 (великодушный и отзывчиво-добрый) ‘добрый, склонный к великодушию и отзывчивости’ = 心善 = 宅心仁厚

贤淑 (добрый и великодушно-кроткий) ‘имеющий доброе качество, склонный к великодушию и кротости (о женщине)’

绵善 (кроткий и добрый) ‘имеющий доброе качество, склонный к кротости, покорности’ = 仁义 (yì) = 温良 = 驯善

和善 (кротко-приветливый и добрый) ‘имеющий доброе качество, склонный к

кротости и приветливости’ = 心慈面软

贤惠 (добрый, кроткий, приветливый и благоразумный) ‘добрый, склонный к кротости, приветливости, способный вести себя правильно и благоразумно (о женщине)’ = 淑善

良善 (великодушно-бесхитростный и добрый) ‘имеющий доброе качество, склонный к великодушию, преданности, бесхитрости’

忠良 (преданный и добрый) ‘имеющий доброе качество, склонный к преданности, справедливости’

良实 (преданно-добрый и честный) ‘имеющий доброе качество, склонный к преданности, искренности’

贤良 (мудрый и добродетельный) ‘имеющий высокую нравственность и выдающийся талант’

面恶心善 ‘имеющий очень доброе сердце, но безжалостную, злобную и коварную внешность’

仁孝 (гуманный и почтительный) ‘имеющий доброе качество, склонный к великодушию, отзывчивости, с заботливостью, жалостью и любовью относящийся к младшему поколению, способный ухаживать за родителями и старшими родственниками с почтительностью и покорностью’

仁义 (гуманный и справедливый) ‘имеющий доброе качество, склонный к великодушию, отзывчивости, справедливости’

仁恕 (гуманный и снисходительный) ‘имеющий доброе качество, склонный к великодушию, отзывчивости, и способный прощать других’

ЛСГ «Характеризующий доброе отношение к окружающим» (13)

仁爱 ‘проявляющий добросердечное, великодушное, отзывчивое отношение к кому-либо (с заботливостью, жалостью и любовью относящийся к младшему поколению)’ = 宽爱 = 宽仁

慈惠 ‘благоразумный, проявляющий доброе, кроткое, приветливое, великодушное отношение, с заботливостью, жалостью и любовью относящийся к младшему

поколению’

慈和 *‘проявляющий радость и дружелюбие, по отношению к другим людям и относящийся к младшему поколению с отзывчивостью, заботливостью, жалостью и любовью’*

和善 *‘проявляющий доброе, дружелюбное, приветливое и кроткое отношение к кому-либо’* = 友善

亲善 *‘проявляющий доброе, близкое, дружелюбное, приветливое и кроткое отношение’*

谦善 *‘проявляющий доброе, дружелюбное, приветливое, скромное, почтительное, покорное и вежливое отношение к кому-либо или к старшему поколению’*

亲切 *‘проявляющий доброе, дружелюбное, приветливое, кроткое, сердечное и искреннее отношение к кому-либо’*

古道热肠 *‘проявляющий честное, искреннее и великодушное отношение к кому-либо, сердечно и охотно помогающий людям’*

孝顺 *‘проявляющий почтительность, покорность к родителям и старшим родственникам, с усердием ухаживающий за ними’*

至孝 (благочестиво-почтительный к родителям) *‘особенно почтительный и покорный родителям’*

ЛСГ «Внешне выражающий доброту» (6)

善良 *‘выражающий доброту, порядочность и целомудренность’*

伪善 *‘выражающий притворную доброту, порядочность и целомудренность’*

慈善 *‘выражающий доброту и отзывчивость’*

亲切 *‘выражающий доброту, дружелюбие, приветливость, кротость, сердечность и искренность’*

友善 *‘выражающий доброту, дружелюбие, приветливость и кротость’* = 和善

КЛАСС ГЛАГОЛОВ

ЛСГ «Совершение добра» (7)

日行一善 *‘каждый день совершать одно доброе дело’*

积善 *‘накапливать добро, совершая побольше хороших дел’*

积德 *‘часто совершать побольше добрых дел, чтобы совершенствовать добродетель’* (修好)

行善 *‘совершать добрые дела, спасать слабых и бедных, помогать им,’* (行行好)
(为善)

подгруппа «Оказание помощи окружающим» (9)

急难 *‘добросердечно помогать другим выйти из трудного положения’* (济急) (打救)

济世 *‘спасать мир и помогать ему’*

乐捐 *‘очень охотно, добровольно и с удовольствием жертвуя деньги, помогать кому-л’* (解囊)

布施 *‘жертвуя деньги и необходимые вещи, помогать нуждающимся бедным’*
(济贫) (救济)

подгруппа «Уход за родителями»

孝顺 *‘ухаживать за родителями и старшими родственниками, строго соблюдать нормы сыновней почтительности’* (孝敬)

尽孝 *‘всеми силами, с усердием, с почтительностью ухаживать за родителями и старшими родственниками’*

孝悌 *‘с почтительностью ухаживать за родителями и старшими родственниками, с любовью и дружелюбно заботиться о братьях’*

忠孝 *‘служить родине преданно, изо всех сил и с почтительностью ухаживать за родителями’*

ЛСГ «Проявление доброго отношения» (4)

亲近 *‘дружелюбно, доброжелательно, близко относиться к кому-либо’*

善待 *‘добродушно и дружелюбно относиться к кому-либо’*

惻隱 *‘относиться к кому-либо с сочувствием, жалостью, вызванными чьим-либо несчастьем’*

仁恕 *‘относиться с пониманием к кому-либо из-за милосердия, щадить кого-либо’*

подгруппа «Осуществлять добрых отношений с кем-либо» (1)

敦睦 *‘осуществлять добрые, дружеские и близкие отношения с кем-либо’*

ЛСГ «Становление доброго характера» (2)

向善 *‘становиться добрым, великодушным и бесхитростным’*

迁善 *‘исправляться и становиться добрым, великодушным, бесхитростным’*

подгруппа «Побуждение к становлению доброго характера» (3)

劝善 *‘побуждать кого-либо становиться добрым, чтобы кто-либо совершенствовал добродетель’*

感化 *‘воздействуя словами и поведением, доброжелательно побуждать кого-либо, чтобы кто-то стал хорошим по характеру’*

劝善规过 *‘побуждать кого-либо старательно становиться добрым и исправляться’*

КИТАЙСКАЯ ЛЕКСИКА ЗЛОБЫ

КЛАСС СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

ЛСГ «Человек как носитель злобы» (34)

恶人 злодей *‘человек с крайне дурным качеством характера, имеющий злобное, коварное и жестокое сердце’* (坏人) (歹人) (歹徒) (刁棍)

丑类 *‘о типе дурных, злобных, коварных, жестоких людей (презрительное обращение)’*

贱物 дешевка *‘о типе дурных людей, совершающих зло (презрительное обращение)’*

凶人 *‘человек, склонный к жестокости, полный злобы, зловерный’*

笑面虎 *двуличный человек ‘человек, выглядящий добрым, кротким, приветливым, но на самом деле имеющий злобное, жестокое и зловредное сердце’*

恶徒 *злоумышленник ‘человек, склонный к жестокости, коварству, исполненный злобы, зловредный’ (恶煞)*

恶魔 *дьявол ‘крайне злобный, жестокий, коварный и зловредный человек’*

腐恶 *‘злобные, испорченные, жестокие, коварные и зловредные люди’*

奸凶 *‘злобный, зловредный вероломный и жестокий человек’*

奸邪 *‘человек с вероломным, хитрым, лицемерным, непорядочным характером, проникнутый злобой’ (刁民) (奸人)*

魔头 *‘человек с дурным, вероломным, непорядочным и жестоким характером, исполненный злобы, зловредный’*

贼人 *‘тип людей, совершающих дурное дело’*

凶徒 *‘дурной человек, совершающий убийство и злодейство’*

奴才 *лакей ‘человек, который добровольно готов быть поработленным и помогает другим творить зло’*

恶少 *‘юноша с дурным характером, предельно совершающий зло’*

恶霸 *‘человек, который захватывая господство над местностью, предельно совершает зло’*

恶棍 *‘плохой человек с злобным, жестоким, коварным, распущенным, бесстыдным, грубым, самовольным характером, предельно совершающий зло в родной местности’*

淫棍 *‘злобный, жестокий и коварный, человек, который предельно совершает зло в родной местности и постоянно играет женищинами’*

土霸王 *‘злой человек, который захватывая господство над местностью, пользуясь своим положением, притесняет других и предельно совершает зло’*

恶势力 *черные силы ‘сообщество, организация, которая совершает убийство, злодейство’*

魔影 *‘злые и вероломные люди, причиняющие людям вред тайно’*

逆党 *шайка злодеев 'люди, которые составляя компанию, творят зло'*

奸党 *'сообщество вероломных негодяев, совершающих зло'*

首恶 *главный злодей 'главарь шайки людей, совершающих преступление и зло' (元恶)*

孽子 *'недобродетельный сын, не способный содержать родителей и ухаживать за ними, не соблюдающий нормы сыновней почтительности (бранное обращение)'*

逆子 *'сын, не способный содержать родителей и ухаживать за ними, не соблюдающий нормы сыновней почтительности (бранное обращение)'*

ЛСГ «Злобное отношение к окружающим» (10)

恶意 *недоброжелательство 'плохие намерения, мысли'*

坏心眼儿 *'злой замысел'*

鬼胎 *'тайные злые намерения'*

坏水 *'недоброжелательный, коварный, замысел'*

歹念 *'коварные, жестокие, зловредные намерения, мысли, проникнутые злобой'*

歹意 *'коварные, жестокие, зловредные намерения'*

恶念 *'вероломные, непорядочные, жестокие и зловредные намерения, мысли, проникнутые злобой'*

魔念 *'жуткие, зловредные, вероломные, непорядочные, жестокие намерения, мысли'*

祸心 *'вероломные, непорядочные, жестокие, зловредные намерения и замысел, заключающиеся в использовании коварных, обманных планов'*

贼心 *'вероломные, непорядочные, жестокие, зловредные мысли, проявляющиеся в совершении зла'*

Подгруппа «Речь, характеризующаяся злобой» (6)

恶舌 *злословие 'выражение злобы, коварства и жестокости в речи'*

恶言 *злоречие 'невежливая речь, выражающая злобу, коварство, жестокость с целью опозорить кого-либо' (恶语)*

谗言 *‘выражение недоброжелательности в адрес кого-либо в ложных, плохих словах с целью сеять раздор между кем-либо’*

坏话 *‘выражение недоброжелательности в адрес кого-либо в плохих словах с целью обвинить и опозорить кого-либо’*

恶骂 *злая брань ‘выражение злобы, коварства и жестокости в грубых, безобразных, оскорбительных, ругательных словах’*

Подгруппа «Злобное выражение лица» (4)

煞气 *‘злое, коварное и жестокое выражение лица’*

獠面 *‘злое, коварное и жестокое черты лица’ (凶相)*

横肉 *свиное обличье ‘мышцы лица, выглядящие злобными, коварными и жестокими’*

ЛСГ «Действие, характеризующееся злобой» (8)

恶行 *‘крайне злобный и плохой поступок’*

恶习 *‘плохой поступок и плохая привычка’*

邪气 *‘зловредные, вероломные, непорядочные, жестокие поступки и нравы’*

毒手 *‘злые, жестокие, коварные и зловредные средства’*

毒计 *‘зловредные, коварные и жестокие происки’*

坏水 *‘хитрые, лживые, коварные, жестокие, зловредные происки с целью тайно вредить другим’*

罪恶 *злодеяние ‘поведение, определяемое нарушением закона, готовностью вредить другим или поступать против совести’*

罪孽 *‘злодеяние, вина, подвергающие действующих лиц возмездию’*

Подгруппа «Воздействие зла» (9)

恶报 *‘плохое возмездие, получаемые из-за совершения зла’ (孽报)*

恶果 *‘дурные, несчастные последствия из-за злых поступков’*

冤孽 *‘возмездие за совершенное зло’*

报应 *‘последствие, заключающееся в том, что человек, совершающий зло, подвергается злему раку и несчастью’*

阴魂 *‘дурное влияние злодеев, злых поступков’*

业债 *‘долг за злодеяние’*

业障 *‘преграда нынешней жизни из-за предыдущего злодеяния’ (孽障)*

ЛСГ «Злоба как качество характера» (5)

坏心眼儿 *‘плохая душа, дурное качество характера’*

丑行 *‘крайне плохой характер’*

黑心 *черное сердце ‘злое, коварное, жестокое и безнравственное качество характера’*

兽心 *сердце зверя ‘крайне злое, жестокое и коварное качество, доведение до совершенно бесчеловечной степени’*

贼性 *‘от природы злое, вероломное, непорядочное и жестокое качество характера’*

КЛАСС ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

ЛСГ «Характеризующий качество характера ‘злоба’» (36)

不仁 *бесчеловечный ‘не имеющий добрый и отзывчивый характер’*

黑心 *‘не имеющий нравственность и добрый характер’*

万恶 *‘крайне злой, зловерный’*

残忍 *жестокый ‘имеющий злобный, неотзывчивый и зловерный характер’*

暴戾 *‘имеющий злобный и жестокий характер’*

凶残 *зверский ‘имеющий злобный, жестокий и зловерный характер’ = 凶虐*

凶狂 *‘имеющий злобный, жестокий и развязный характер’*

凶蛮 *‘имеющий злобный, жестокий и варварский характер’*

凶猛 *‘имеющий злобный, жестокий характер, полный сил и смелости’*

= 猛恶

阴险 *коварный ‘кажущийся добрым, кротким, приветливым, на самом деле имеющий вероломный, жестокий, злобный и зловерный характер’*

凶险 *‘имеющий злобный, жестокий и коварный характер’*

粗犷 *‘имеющий грубый, злобный, жестокий, коварный характер’*

心黑 *‘имеющий зловредный, коварный и жестокий характер’*

恶毒 *‘имеющий злобный, зловредный характер, склонный к жестокости, коварству’* = 狠毒 = 歹毒 = 阴毒 = 阴损 = 凶恶 = 凶狠 = 狞恶 = 毒辣 = 恶辣

腐恶 *‘имеющий испорченное, злобное, зловредное, жестокое и коварное качество’*

老辣 *‘усложненный, злобный, склонный к коварству и жестокости’*

刻毒 *‘язвительный, злобный, склонный к коварству и жестокости’*

奸凶 *‘имеющий злобное, вероломное, жестокое и зловредное качество’*

险恶 *‘имеющий злобное, вероломное, коварное и зловредное качество’*

奸恶 *‘имеющий злобное, вероломное, непорядочное качество, склонный к жестокости’*

刁恶 *‘имеющий злобное, хитрое, вероломное, непорядочное качество, склонный к жестокости’*

邪恶 *‘имеющий злобное, вероломное, непорядочное, зловредное качество, склонный к жестокости’*

奸邪 *‘имеющий злобное, вероломное, хитрое, лицемерное, непорядочное качество’*

奸佞 *‘имеющий злобный, угодливый, вероломный, хитрый, лицемерный, непорядочный характер’*

淫邪 *‘имеющий злобный, вероломный, коварный, непорядочный и развратный характер’*

ЛСГ «Характеризующий злобное отношение к окружающим» (4+12)

没良心 *‘проявляющий недоброжелательное отношение’*

暴虐 *‘проявляющий злобное и жестокое отношение’*

狂虐 *‘сумасшедший, проявляющий злобное и жестокое отношение’*

恶毒 *‘проявляющий злобу, жестокость, коварство, зловредный’*

= 狠毒 = 歹毒 = 阴毒 = 阴损 = 凶恶 = 凶狠 = 狞恶 = 毒辣 = 恶辣

险恶 *‘проявляющий злобное, вероломное, коварное и зловредное отношение’*

邪恶 *‘вероломный, непорядочный, зловредный, проявляющий злобное, жестокое отношение’*

不孝 *непочтительный к родителям ‘проявляющий непочтение к родителям, не ухаживающий за ними’*

ЛСГ «Внешне выражающий злобу» (2+15)

面恶心善 *‘имеющий злобное выражение лица, но доброжелательный, кроткий и дружелюбный характер’*

狰狞 *‘страшный, выражающий злобу, жестокость (о выражении лица)’*

残忍 *жестокий ‘выражающий злобу, неотзывчивость, зловредный’*

凶猛 *‘выражающий злобу, жестокость, полный сил и смелости’*

恶毒 *‘выражающий злобу, жестокость, коварство, зловредный’* = 狠毒 = 歹毒 =
阴毒 = 阴损 = 凶恶 = 凶狠 = 狞恶 = 毒辣 = 恶辣

险恶 *‘вероломный, зловредный, выражающий злобу, коварство’*

邪恶 *‘выражающий злобу и жестокость, вероломный, непорядочный, зловредный’*

淫邪 *‘выражающий злобу и коварство, развратный, вероломный, непорядочный’*

КЛАСС ГЛАГОЛОВ

ЛСГ «Говорить зло» 14

诽谤 *‘говорить плохие слова о ком-либо зло, злонамеренно, язвительно’*

中伤 *‘говорить плохие слова о ком-либо злонамеренно, порочить его репутацию и вредить ему’*

谤毁 *‘злонамеренно говорить ложные, плохие слова о ком-либо, чтобы*

опорочить его репутацию или повредить ему’ = 谤议 = 毀谤

攻击 *‘злонамеренно упрекать кого-либо или говорить ложные, плохие слова о ком-либо, чтобы опорочить его’*

骂人 *‘говорить в адрес кого-либо зlostные, грубые, безобразные слова, чтобы оскорбить его’*

恶骂 *‘злбно говорить в адрес кого-либо зlostные, грубые, безобразные слова, чтобы оскорбить его’*

詈骂 *‘громко говорить в адрес кого-либо зlostные, строгие слова, чтобы упрекнуть и оскорбить его’*

骂娘 *‘говорить зlostные, грубые и безобразные слова по поводу чьей-т. матери, чтобы оскорбить его’*

咒骂 *‘говорить в адрес кого-либо зlostные слова, чтобы оскорбить кого-либо и заставить кого-либо попасть в несчастье’*

= 毒骂

恶评 *‘недоброжелательно, злопыхательски критиковать художественные произведения, чтобы принизить их, даже опорочить личности’*

ЛСГ «Внешнее проявление злобного отношения» 8

奸笑 *‘смеясь, проявлять коварное, жестокое, злобное отношение’*

狞笑 *‘смеясь, проявлять вероломное, жестокое, злобное отношение’*

佞笑 *‘смеясь, проявлять льстивое, коварное, жестокое, злобное отношение’*

狞视 *‘проявлять злобное, жестокое отношение, смотря на кого-либо’*

耍狠 *‘проявлять злобное, жестокое, зловредное отношение, принимая жестокие, зловредные меры’*

虐待 *‘проявлять злобное, жестокое отношение, принимая жестокие меры’*

虐待 *‘проявлять чрезмерно взыскательное, жестокое, злобное отношение, совершая жестокие поступки и принимая зловредные меры’*

忤逆 *‘проявлять непочтительное, непокорное отношение к родителям, не ухаживать за ними’*

Подгруппа «Проявление злобных эмоций по отношению к кому-либо» 1

藏奸 *‘относиться к кому-либо недоброжелательно’*

ЛСГ «Совершение зла» 6

作恶 *‘совершать зло’* = 作歹

作孽 *‘совершать зло, получая возмездие в будущем’* = 造孽

逞凶 *‘совершать зло и бесчинно губить людей’* = 肆虐

подгруппа «Побуждение к совершению зла» 2

主使 *‘дававший советы кому-либо, побуждать к совершению зла’*

教唆 *‘дававший советы кому-либо и ободряя кого-либо, побуждать к совершению зла’*

подгруппа «Воздействие зла» 1

报应 *‘быть подверженным несчастью из-за того, что совершал зло’*

ЛСГ «Отсутствие добрых качеств человека» 3

没良心 *‘не обладать добрыми качествами’* = 灭良心

黑心 *‘не обладать моралью и добрыми качествами’*

Приложение 2 Список русских лексических единиц, репрезентирующих доброту и злобу

РУССКАЯ ЛЕКСИКА ДОБРОТЫ КЛАСС СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

ЛСГ «Доброта как качество характера»

доброта *‘качество характера, заключающееся в отзывчивости, в душевном и теплом отношении к людям, в отсутствии злобы и неприязни’*

добросердечие *‘то же, что доброта’*

добродушие *‘качество характера, проявляющееся в отзывчивости, теплом расположении к людям, в отсутствии злобы и неприязни в отношениях’*

мягкосердечие *‘качество характера, проявляющееся в отзывчивости, душевной мягкости, в теплом расположении к людям, отсутствии злобы и неприязни в отношениях’*

беззлобие *‘свойство характера, проявляющееся в доброжелательном отношении к окружающим, в неспособности сердиться’*.

милосердие *‘качество характера, проявляющееся в готовности оказать помощь, проявить снисхождение из сострадания, человеколюбия’*

душевность *‘качество характера, проявляющееся в искренности, доброте по отношению к кому-то’*

благодушие *‘качество характера, заключающееся в доброжелательном отношении к жизненным обстоятельствам, к людям, проявляющееся в искренности, доброте по отношению к кому-то’*

незлобивость *‘свойство характера, заключающееся в доброжелательном отношении к окружающим, уступчивости’* = кротость

великодушие *‘наличие высоких душевных нравственных качеств, щедрость души, снисходительность’*; *‘свойство характера, выражающееся в бескорыстной уступчивости, снисходительности, отсутствии злопамятства, в способности жертвовать своими интересами’*

добродетель *‘положительное моральное качество человека, высокая нравственность, моральная чистота’*

ЛСГ «Доброе отношение к окружающим»

доброжелательство *‘доброжелательное отношение к кому-либо, дружеское расположение к кому-либо’*

= дружелюбие

расположение *‘хорошее, благоприятное отношение, доброе чувство, испытываемое кому-либо, внутреннее тяготение к кому-либо’*

= благосклонность

симпатия *‘благожелательное отношение к кому-либо, чему-либо, чувство влечения, внутреннего тяготения, расположения к кому-либо, чему-либо’*

отзывчивость *‘расположение к окружающим’*

участие *‘сердечное отношение, сочувствие к кому-либо, находящемуся в трудных обстоятельствах, желание помочь кому-либо’*

сочувствие *‘отзывчивое, участливое отношение к чужому горю, переживаниям, несчастьям других людей’*

человеколюбие *‘чувство безграничной любви к человечеству, к людям, готовность помочь им’*

= гуманность

милость *‘великодушное, благосклонное отношение к кому-либо, пронизанное человеколюбием’*

ЛСГ «Человек как носитель качества доброты»

добряк *‘бесхитростный человек, отличающийся большой добротой’*

ангел *‘о человеке как воплощении красоты, добра, чего-либо положительного, благочестивого, лучших человеческих качеств’*

доброжелатель *‘человек, проявляющий участие, расположение, желающий добра кому-л, чему-либо’*

= доброхот

человеколюбец *‘человек, который сердечно и с состраданием относится к людям, готов помочь им’*

= гуманист

альтруист *‘человек, стремящийся в своих действиях проявлять милосердие,*

доброту, бескорыстно заботящийся о благе других и готовый жертвовать для других своими личными интересами'

филантроп 'человек, который занимается благотворительной деятельностью, оказывает помощь и покровительство нуждающимся'

благотворитель 'человек, занимающийся благотворительностью'

ханжа 'человек, который прикрывается показной добродетельностью, притворной набожностью, лживый, двуличный'

ЛСГ «Действие, характеризующееся добротой»

благотворительность 'деятельность по оказанию безвозмездной материальной помощи нуждающимся лицам и организациям'

филантропия 'благотворительность, покровительство (обычно из снисхождения) нуждающимся'

альтруизм 'поведение, определяемое бескорыстной заботой о благе других, готовность жертвовать для других своими личными интересами'

КЛАСС ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

ЛСГ «Характеризующий качество характера 'доброта'» (17)

добрый 'благожелательный, делающий добро другим, отзывчивый, готовый помочь людям'

добродушный 'добрый, мягкий, незлобивый'

беззлобный 'доброго нрава, добродушный, неспособный сердиться'

благодушный 'мягкий, невозмутимо спокойный, веселый, добродушный'

добросердечный 'добрый, отзывчивый, мягкий (о человеке)'

мягкосердечный 'добрый, отзывчивый; с мягким сердцем'

сердечный 'добрый, чуткий, отзывчивый (о человеке, его характере)'

душевный 'добрый, чуткий, отзывчивый, искренно-дружелюбный (о человеке)'

милосердный 'сострадательный, склонный, способный к милосердию'

милосердый

незлобивый 'кроткий, простодушный'

великодушный 'обладающий великодушием'

щедрый *‘охотно оказывающий помощь деньгами, имуществом, не скупой’*

добродетельный *‘руководствующийся стремлением к добру, добродетели, высоконравственный’*

добронравный *‘отличающийся хорошим характером, скромным поведением, порядочностью’*

благотворительный прил. к благотворительность. благотворительность *‘оказание материальной помощи бедным’*

филантропический прил. к филантропия; являющийся филантропией. филантропия *‘благотворительность, покровительство (обычно из снисхождения) нуждающимся’*

ЛСГ «Характеризующий доброе отношение к окружающим» (19)

доброжелательный *‘проявляющий доброе отношение, расположение к кому-либо, чему-либо, готовый содействовать благополучию кого-либо’*

доброхотный *‘проявляющий расположение к кому-либо, доброжелательный’*

благожелательный *‘расположенный в пользу кого-нибудь, дружественный, доброжелательный’*

прияженный *‘доброжелательный, дружественный’*

дружелюбный *‘дружески относящийся к кому-либо, доброжелательный, прияженный’*

дружественный *‘взаимно благожелательный, основанный на дружбе (преимущ. о государствах и отношениях между ними)’*

приветливый *‘радушно, благожелательно, прияженно относящийся к окружающим’*

ласковый *‘приветливый, благожелательный’*

благосклонный *‘относящийся благожелательно, расположенный в чью-н. пользу, снисходительный’*

= благорасположенный

сочувственный *‘охотно сочувствующий, расположенный, благожелательный’*

милостивый *‘проявляющий милость’*

благостный *‘добрый, милостивый’*

отзывчивый *‘сочувственно относящийся к другим, готовый помочь’*

участливый *‘отзывчивый, готовый оказать помощь, содействие, обнаружить сочувствие, склонный к состраданию’*

чуткий *‘отзывчивый, внимательный к окружающим, сочувственный’*

жалостливый *‘сострадателный, склонный к жалости’*

сердобольный *‘сострадателный, искренне сочувствующий чужому горю, несчастью’*

сострадателный *‘способный, склонный к состраданию, исполненный сострадания’*

ЛСГ «Внешне выражающий доброту» (11)

добрый *‘выражающий расположение, сочувствие’*

добродушный *‘выражающий доброту, мягкость, незлобивость’*

добросердечный *‘выражающий доброту, сочувствие’*

доброжелательный *‘выражающий участие, расположение’*

сердечный *‘наполненный добротой, задушевный, доброжелательный’*

незлобивый *‘выражающий кротость, незлобивую покорность, смирение’*

участливый *‘выражающий отзывчивость, сочувствие’*

сочувственный *‘выражающий, заключающий в себе сочувствие’*

приветливый *‘исполненный приязни, радушия, благожелательства, ласки’*

благодарный *‘выражающий симпатию, участие’*

милостивый *‘выражающий снисходительность, благодарность’*

КЛАСС ГЛАГОЛОВ

ЛСГ «Проявление доброты по отношению к окружающим»

благоволить *‘относиться к кому-либо доброжелательно, проявляя благодарность и расположение’*

сострадать *‘относиться к кому-либо с сочувствием, жалостью, вызываемыми чьим-либо несчастьем, горем’*

жалеть *‘относиться к кому-либо с состраданием, выражать соболезнование по поводу чего-либо неприятного, печального, проявляя милосердие’*

сочувствовать *‘относиться к кому-либо с участием, отзываться на чьи-либо страдания, переживания, несчастья’*

щадить *‘относиться к кому-либо милосердно, с состраданием, не губить кого-либо, давать пощаду кому-либо’*

подгруппа «Внешнее проявление доброго отношения»

приветствовать *‘проявлять доброжелательное отношение к кому-либо, чувство личной приязни, солидарности с кем-либо, обращаясь к кому-либо с добрыми словами, тем самым показывая свое расположение’*

подгруппа «Осуществление добрых отношений между кем-либо»

мирить *‘воздействуя на кого-либо, заставляя кого-либо восстанавливать согласие, добрые отношения между ссорившимися, враждующими’*

ЛСГ «Совершение добра»

благотворить *‘делать добро’*

благотворительствовать *‘заниматься благотворительностью’*

подгруппа «Оказание помощи кому-либо»

выручать *‘помогать выйти из тяжелого положения, выводить из трудных обстоятельств’*

вызволять *‘помогать кому-либо освободиться от чего-либо, выйти из трудного положения, сложных обстоятельств’*

ЛСГ «Становление доброго характера»

добреть *‘становиться отзывчивым, расположенным к людям, исполненным сочувствия к ним и готовности помочь’*

«Пребывание в добродушном состоянии»

благодушествовать *‘находиться в добродушном настроении, проводя время без дела и забот’*

ЛСГ «Человек как носитель качества злобы»

недоброжелатель *‘человек, который настроенный по отношению к кому-либо неприязненно, недружелюбно, враждебно, не желающий добра другому, выражающий нерасположение, враждебность’*

злопыхатель *‘несправедливо злобствующий на кого-н. человек, пышащий злобой, придирчиво, враждебно относящийся к кому-н.’*

зложелатель *‘тот, кто желает зла кому-л, недоброжелатель’*

ненавистник *‘тот, кто исполнен ненависти к кому-л, испытывает неприязнь, отвращение к кому-л’*

изверг

злыдень *‘злой человек, зловредное существо’*

отродье *‘о человеке, типе людей как порождении злого начала’*

ехидна *‘человек, отличающийся злой насмешливостью, стремлением задеть, уколоть, злой, хитрый, язвительный, коварный’*

негодяй *‘о человеке подлом, низком, бесчестном, совершающем что-л дурное’*

садист *‘человек, одержимый страстью к жестокостям, истязаниям, получающий наслаждения от чужих страданий, боли’*

мучитель *‘человек, отличающийся крайней жестокостью, любящий мучить кого-л’*

злодей *‘тот, кто совершает злодеяние, кто способен на него’*

демон *‘злой искушитель, существо, обладающее таинственной силой, которое побуждает к чему-н. недоброму, злему’*

ЛСГ «Злобное отношение к окружающим»

недоброжелательство *‘недоброжелательное, враждебное отношение к кому-либо, чему-либо’*

язвительность *‘отношение к миру, кому-либо, чему-либо, основанное на иронии, насмешке, злости’*

яд *‘чувство злобы, испытываемое к кому-либо, и выражающееся в ехидстве, язвительности’*

человеконенавистничество *‘отношение к людям, человечеству, основанное на*

сильной злобе, неприязни, ненависти'

сацизм 'состояние наслаждения, упоения, получаемое при наблюдении чужих страданий, боли, ненормальная страсть к жестокостям, истязаниям'

Подгруппа «Речь, характеризующаяся злобой»

злословие 'выражение осуждения, недоброжелательности, злобы в разговоре с кем-либо' = злоречие = злоязычие

насмешка 'слова, представляющее собой обидную, злую шутку по поводу кого-либо, чего-либо'

клевета 'выражение обвинения в адрес кого-либо в чем-либо, построенное на заведомо ложных фактах, на ложном слухе с целью опозорить кого-либо'

подковырка 'слова, высказанные с целью болезненно задеть человека, его чувства насмешкой, язвительным замечанием'

сарказм 'выражение уничтожающей оценки (лица, явления) в язвительной насмешке, едкой иронии'

ЛСГ «Злобное состояние человека»

злорадство 'злобная радость, испытываемая при несчастье, неудаче другого'

ожесточение 'состояние злобы, ненависти, гнева, вызванное какими-л неблагоприятными обстоятельствами, событиями'

злость 'состояние сильного раздражения, враждебности'

озлобление 'состояние гнева, крайнего раздражения'

ЛСГ «Злоба как качество характера»

коварство 'склонность человека к подлым умыслам и злым поступкам, тщательно скрываемая за внешне благодушным поведением, прикрываемая показным доброжелательством'

бессердечие 'качество характера, проявляющееся в отсутствии чуткости, сострадания, в бездушном отношении к страждущим'

жестокосердие 'качество характера, проявляющееся в отсутствии жалости, в недобром отношении к окружающим'

ЛСГ «Действие, характеризующееся злобой»

злодейство 'злодейский поступок, преступление'

злодеяние *‘злодейский поступок, преступление’*

каверза *‘выражение отношения недоброжелательства к кому-л в злой интриге, происках, затеваемых с целью запутать что-либо, повредить кому-либо’*

КЛАСС ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

ЛСГ «Характеризующий качество характера ‘злоба’» (23)

злобный *‘проникнутый злобой, полный злобы’*

черный *‘преступный, злой, дурной’*

злой *‘преисполненный чувства злобы, вражды, недоброжелательности (о человеке)’*

желчный *‘раздражительный, злобный (книжн.)’*

злющий *‘очень злой’*

осатанелый *‘крайне злобный, дошедший до бешенства’*

дьявольский *‘злобный, коварный’*

демонический *‘необыкновенный, отличающийся сильным характером, коварный, злобный’*

сатанинский *‘сверхчеловеческий по силе своей злобы, ненависти, дьявольский’*

ядовитый *‘злобный, колкий, язвительный’*

лихой *‘злой, злобный, недобрый’*

коварный *‘склонный к коварству, проникнутый коварством, хитрый, лукавый’*

ехидный *‘отличающийся злой насмешливостью, стремлением задеть, уколоть’*

лютый *‘безжалостный, жестокий, суровый, беспощадный (о человеке)’*

злоречивый *‘склонный зло, язвительно говорящий о других, отзывающийся о ком-либо’*

злословный *‘склонный к злословию’ (злословие ‘склонность к злым, отрицательным суждениям о людях и их делах, обладание злым языком’)*

= злословный

мстительный *‘склонный к мести’ (месть ‘намеренное причинение зла, неприятностей с целью отплатить за оскорбление, обиду или страдания’)*

злопамятный *‘памятливый на зло, не прощающий обиды, зла и мстящий за них’*

злодейский *‘преступный, свойственный злодею’* (злодей *‘преступник, человек, способный на злодеяния, совершающий злодеяния’*; злодеяние *‘злодейский поступок, преступление, злодеяние’*)

лиходейский *‘прил. к лиходею и к лиходеюство’* (лиходею *‘злодей’*; лиходеюство *‘злодейство, злое дело’*)

зловредный *‘очень вредный, пагубный’*

злонравный *‘безнравственный, с испорченной нравственностью’*

ЛСГ «Характеризующий злобное отношение к окружающим» (15)

злоствующий *‘от злоствовать’* (злоствовать *‘проявлять свою злобу, предаваться злобе’*

озлобленный *‘злобно настроенный, с озлоблением относящийся к окружающему’*

недоброжелательный *‘проявляющий вражду, неприязненно настроенный к другим’*

недобрый *‘враждебно настроенный, недружелюбный’*

вредный разг *‘недоброжелательный, неприязненно настроенный’*

злопыхательский *‘свойственный злопыхателю’* (злопыхатель *‘несправедливо злоствующий на кого-н. человек, пышащий злобой, придирчиво, враждебно относящийся к кому-н.’*)

зложелательный *‘обнаруживающий зложелательство’* (зложелательство книжн. устар. *‘желание зла другому’*); желающий кому-либо зла

злонамеренный книжн *‘имеющий злые намерения’*

злоумышленный *‘совершенный по злему умыслу’*

злостный *‘предумышленно направленный, стремящийся ко злу, исполненный злых умыслов’*

злорадный *‘проникнутый злорадством, полный злорадства’* (злорадство *‘злая радость, испытываемая при несчастье, неудаче другого’*)

язвительный *‘стремящийся досадить, неприятно задевающий кого-н., злобно насмешливый’*

издевательский *‘являющийся издевательством, оскорбительно насмешливый’*

измывательский *‘прил. к измывательство’* (измывательство *‘издевательство,’*

злостная насмешка’)

мефистофелевский книжн *‘язвительный, злобно-насмешливый’*

ЛСГ «Внешне выражающий злобу» (16)

злой *‘выражающий злобу, раздражение’*

злобный *‘выражающий злобу’*

желчный *‘раздражительный, злобный (книжн.)’*

осатанелый *‘выражающий крайнее озлобление, бешенство, крайнюю ярость’*

дьявольский разг *‘злобный, коварный’*

лихой *‘выражающий недоброжелательность, злобу’*

коварный *‘выражающий коварство, вероломство’*

ехидный *‘выражающий ехидство’*

зловещий *‘являющийся дурным предзнаменованием, предвещающий несчастье, зло’*

озлобленный *‘выражающий злобу, ожесточение’*

недоброжелательный *‘выражающий неприязнь, недружелюбие’*

недобрый *‘выражающий нерасположение, неприязнь, вражду’*

злорадный *‘проникнутый злорадством, полный злорадства’*

язвительный *‘выражающий насмешку, издевку’*

мефистофелевский книжн *‘язвительный, злобно-насмешливый’*

злосеидный устар. *‘исполненный злого ехидства’ (ехидства ‘злосеид, язвительность’)*

КЛАСС ГЛАГОЛОВ

ЛСГ «Внешнее проявление злосеидного отношения»

лицемерить *‘проявлять неискреннее отношение к кому-либо, прикрывая злосеидность притворным чистосердечием, добродетелью’*

оскорблять *‘проявлять негативное, злосеидное отношение к кому-либо, тяжело обижая, унижая кого-либо своими словами или поведением’*

глумиться *‘проявлять злосеидное, оскорбительное отношение к кому-либо, насмехаясь над кем-либо’*

издеваться *‘проявлять злое, грубое отношение к кому-либо, подвергая всевозможным унижениям, побоям, оскорбительным насмешкам’*
 хихикать *‘проявлять недоброжелательное или шутивно-ироническое отношение к кому-либо, смеясь над кем-либо тихо или исподтишка, со злорадством’*
 смеяться *‘проявлять какое-либо отношение (шутивное, злорадное, пренебрежительное, язвительное) к кому-либо, издавая короткие характерные голосовые звуки – смех’*

подгруппа «Проявление злобных эмоций по отношению к окружающим»

завидовать *‘относиться к кому-либо с чувством неприязни, злобы, досады из-за благополучия, успеха кого-либо другого’*
 вымещать *‘относясь к кому-либо враждебно, причинять зло, удовлетворяя тем самым свое чувство злобы, досады’*
 ненавидеть *‘относиться к кому-либо с неприязнью, испытывая чувство злобы, вражды, не выносить кого-либо’*

ЛСГ «Пребывания субъекта в злобном состоянии»

злоствовать *‘испытывать злобу, предаваться злобе’*
 злиться *‘испытывать чувство недоброжелательности, раздражения, враждебности по отношению к кому-либо’*
 сердиться *‘испытывать раздражение, недовольство, злобу на кого-либо, что-либо’*
 злорадствовать *‘испытывать чувство недоброй радости, удовлетворения, наблюдая горе, неудачу, несчастье и т.п. кого-либо’*

подгруппа «Становление злобного состояния»

разъяряться *‘приходить в состояние крайней злости, ярости, бешенства’*

подгруппа «Приведение в злобное состояние»

злить *‘вызвать раздраженно-враждебное чувство, желание причинить кому-либо что-либо вредное, недоброе’*
 озлобить *‘вызвать в ком-либо злобу, сделать кого-либо злобным, развить в ком-либо злой характер’*

ЛСГ «Совершение недоброжелательных поступков»

злодействовать *‘проявлять недоброжелательное, дурное отношение к кому-либо, совершая жестокие поступки, вплоть до тяжелого преступления’*

мстить *‘поступать недоброжелательно, враждебно по отношению к кому-либо, чему-либо, причиняя зло с целью отплатить за оскорбление чести, причиненный материальный урон’*

подгруппа «Говорить зло»

злословить *‘говорить о ком-, чем-либо в течение некоторого времени зло, язвительно, осуждая кого-, что-либо в разговорах с кем-либо за глаза’*

«Становление злобного качества характера»

злеть *‘становиться злым’*